ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

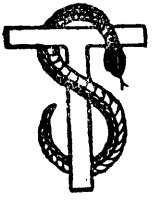
РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah
(Нѣтъ религіи выше истины).

7 марта.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
—
1911

№ 3.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на капитальнѣйшее произведеніе **Е. П. БЛАВАТСКОЙ**

„ТАЙНАЯ ДОКТРИНА“

подъ редакціей **Е. Ф. Писаревой** (переводчицы книгъ: „Свѣтъ на Пути“, „Голосъ Безмолвія“, „Древняя Мудрость“, „Великіе Посвященные“) и **А. А. Каменской** (редактора журнала „Вѣстникъ Теософіи“).

Произведеніе „Тайная Доктрина“ содержитъ въ себѣ свыше 150 печатныхъ листовъ крупной, четкой печати, формата in 8° и будетъ выходить томами въ размѣрѣ и по образцу изданія „Вопросы Теософіи“, вып. I, не менѣе одного раза въ годъ. Всего проектируется 7 томовъ.

Цѣна по подпискѣ на все изданіе единовременно **30** р. По выходѣ въ свѣтъ, цѣна будетъ значительно повышена. Допускается разсрочка: при подпискѣ **10** руб. и по **5** руб. при полученіи каждаго тома.—За пересылку—особо по вѣсу.

Подписка принимается **только** въ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“ въ С.-Петербургѣ, Ивановская, 22.

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 Г. НА

Религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ".

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей *А. А. Каменской,* при участіи **Анни Безантъ**, доктора **Рудольфа Штейнера**, *Alba, П. Н. Батюшкова, Н. К. Бояпуса, Н. Броницкой, А. Ф. Вельцъ. Вендъ, В. Д. Гарднера, А. С. Гралевской, А. Дана, Н. Гернетъ, М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, Н. Лихачевой, И. Манджарли, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ, Б. Ф., А. В. Унковской, П. Успенскаго, М. П. Н. Эрасси* и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія крупныя статьи: „Сила мысли" **А. Безантъ**, „Эволюція души и строеніе Вселенной" доктора **Р. Штейнера**, извлеченія изъ книги *Дж. Мида* „Забытая вѣра" (гностицизмъ) и изъ сочиненій Патанджали, **Бхагавадъ-Гита** (окончаніе), статьи по сравнительному изученію религіи (оригинальныя и переводныя) и рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ искусства, педагогики, философіи и др, отдѣламъ.

Цѣна **6** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—**3** р. **50** к., за 3 мѣсяца—**2** руб. Отдѣльный №—**75** к. За перемѣну адреса городского на городской—**20** к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—**40** к. Цѣна за границу **10** руб. Разсрочка за границу не допускается.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакціи**.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Ивановская, 22) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 1—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11 — 12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только **до 1 января 1911 г.**

По дѣламъ Редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 часовъ дня.

Отъ Редакціи „Вѣстника Теософіи".

Вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ полный переводъ книги Эдуарда Шюре „Великіе Посвященные" (очеркъ эзотеризма религій) 410 стр. Цѣна **2** р. **25** к.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи" за 1909 и 1910 года имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

Редакція.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА КНИГУ:

„АВТОБІОГРАФІЯ“

Анни Безантъ,

съ портретомъ. Переводъ *А. Каменской. (Alba).*

Содержаніе: Дѣтство и юность А. Безантъ. — Воспитаніе ея.—Бракъ и тяжелыя разочарованія.—Буря сомнѣній и страстное исканіе. — Общество свободомыслящихъ и атеизмъ.—За общественной работой.—Борьба за свободу слова.—У. Брэдлау и его борьба въ Парламентѣ.—Проблема зла и рѣшеніе ея въ свѣтѣ соціализма.—Новыя исканія.—Задачи новой психологіи и Теософія. — Черезъ бурю къ миру.

Цѣна по подпискѣ **1** руб. **20** к., по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

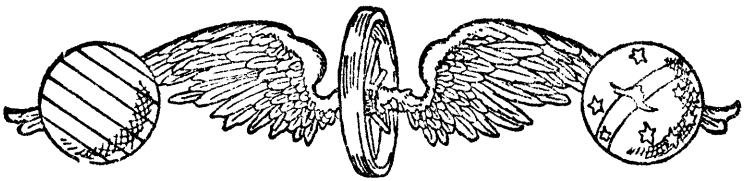
СОДЕРЖАНІЕ

мартовской книжки „Вѣстника Теософіи“.

		стран.
1.	Письмо Президента А. Безантъ	1
2.	19 февраля 1861 года, Alba.	4
3.	Братство религій, А. Безантъ, пер. Е. П. (продолженіе)	7
4.	Эволюція міра и человѣка, д-ра Р. Штейнера, пер. Е. П. (продолженіе)	17
5.	Бхагавадъ-Гита (продолженіе), пер. И. М. и Alba	22
6.	Цѣль и Путь, Е. Кузьминъ	26
7.	Л. Н. Толстой о смыслѣ жизни, Вендъ	41
8.	Древніе Терапевты, Кн. Караджа, пер. Е. Максимовичъ	52
9.	Старое и новое, о. Кемпбель, пер. А. В.	67
10.	Обозрѣніе теософической литературы, Alba	70
11.	Хроника теософическаго движенія	75
12.	Хроника жизни, Н. Т.	77
13.	Изъ газетъ и журналовъ,	81
14.	Письмо изъ Адіара	87
15.	Письмо къ читателямъ, Другъ читателя	91
16.	Отзывы о книгахъ Е. К.	97
17.	Вопросы и отвѣты	100
	Объявленія.	

SOMMAIRE DU № DE MARS.

		Pages.
1.	Lettre du Président, A. Besant	1
2.	Le 19 Février 1861, par Alba	4
3.	La fraternité des religions, A. Besant (suite)	7
4.	L'evolutiou du monde et de l'homme, d-r Steiner arr. par. H. P. (suite)	17
5.	Bhagavad-Gita, (suite), tr. par I. M. et Alba	22
6.	Le but et le chemin, par E. Kousmine	26
7.	Léon Tolstoi a propos du but de la vie, par Wend	41
8.	Les anciens Thérapeutes, par M. Karadjia, trad. par E. Maksimowitsch	52
9.	Les choses nouwelles et les choses vieilles par M. Campbell, trad. par. A. W.	67
10.	Revue de la littérature théosophique, par. Alba	70
11.	Chronique du mouvement théosophique	75
12.	Chronique de la vie, N. T.	77
13.	Revue des journaux, N. T.	81
14.	Lettre d'Adiar.	87
15.	Lettres aux lecteurs, par l'Ami du lecteur	91
16.	Revue bibliographique, par E. K.	97
17.	Questions et reponses	100



Письмо Президента.

Рангунъ, Бирма. 31 января 1911 г.

Дорогіе друзья!

Вашъ странствующій Президентъ—если не философъ, то, безъ сомнѣнія, перипатетикъ—въ настоящее время путешествуетъ по Бирмѣ, гдѣ до сихъ поръ, за исключеніемъ Рангуна, Теософія имѣла мало распространенія. Аудиторіи въ Рангунѣ были очень многочисленны, но носили характеръ болѣе космополитическій, чѣмъ мѣстный. При чтеніи лекціи невольно ожидаешь видѣть главнымъ образомъ мѣстныхъ жителей, но въ данномъ случаѣ Бирманскія лица если и виднѣлись то тамъ, то сямъ, то ни въ какомъ случаѣ не составляли главнаго элемента аудиторіи. Теософы въ Рангунѣ считали, что девяти лекцій не будетъ слишкомъ много, и они оказались правыми, ибо въ теченіе всей серіи залъ оставался полнымъ.

На послѣдней лекціи („Наше ближайшее будущее") присутствовалъ губернаторъ; предсѣдательствовалъ г. Чаннингъ Арнольдъ, сынъ знаменитаго Эдвина Арнольда, и залъ былъ переполненъ. Этимъ закончилась общественная работа въ Рангунѣ.

Кромѣ публичныхъ лекцій состоялось девять закрытыхъ собраній Теософическаго общества; изъ нихъ два были посвящены вопросамъ и отвѣтамъ. Однимъ такимъ собраніемъ руководилъ Ледбитеръ, другимъ я. Намъ пришлось также быть на годовомъ актѣ трехъ школъ, содержимыхъ теософическимъ кружкомъ „Сыны Индіи", при чемъ мнѣ пришлось сказать рѣчь и раздавать награды. Мы присутствовали также при закладкѣ зданія новой школы для мальчиковъ. Кромѣ того было нѣсколько отдѣльныхъ собраній для членовъ, такъ что за эти двѣ недѣли у насъ было всего 30 собраній, и каждый день былъ цѣликомъ занятъ. При насъ состоялось открытіе школы для дѣвочекъ. Какъ эта, такъ и мужская школа основываются на пожертвованія г. Ковасъ, президента теософи-

ческаго кружка въ Рангунѣ. Теософическое движеніе въ Рангунѣ обѣщаетъ многое, такъ какъ кружокъ работаетъ съ большой преданностью въ теченіе многихъ лѣтъ и его терпѣливой и неустанной работѣ обязаны мы настоящимъ успѣхомъ на нивѣ Теософіи.

25 января мы посѣтили Мульмеинъ, а 27 вернулись въ Рангунъ. Мульмеинъ—хорошенькій городокъ, расположенный на холмахъ среди пальмъ и пагодъ. Обѣ лекціи были прочитаны въ высшей школѣ, изъ которыхъ одна была посвящена Теософіи, а другая Буддизму. Здѣсь собралось гораздо больше Бирманцевъ, чѣмъ въ Рангунѣ; они проявили большой интересъ къ лекціи.

1 февраля мы ѣдемъ на сѣверъ и посѣтимъ Мейктиля, Мандалей и Майміо; послѣдній городъ находится на холмахъ и, говорятъ, отличается холодомъ. 9-го мы возвращаемся. 10-го ѣдемъ обратно въ Мадрасъ. Повидимому, возбужденъ сильный интересъ и въ Рангунѣ и въ другихъ мѣстахъ, и насъ неоднократно просили продолжить нашъ пріѣздъ, но это невозможно, такъ какъ остается слишкомъ мало времени для предстоящей работы въ Адьярѣ. Что касается религіознаго и нравственнаго воспитанія въ Рангунѣ, то оно плохо поставлено. Говорятъ, что въ селахъ распространенъ обычай посылать мальчиковъ въ монастыри для обученія грамотѣ. Принятые учебники—буддійскіе, и дѣти заучиваютъ наизустъ поученія Будды, но въ школахъ, гдѣ преподается англійскій языкъ, совершенно отсутствуетъ религіозно-нравственное воспитаніе. Одна монахиня, покинувшая свой монастырь, сестра Марія Итта, основала школу для бирманскихъ, китайскихъ и индусскихъ дѣтей; школа поставлена хорошо, и она думаетъ ввести въ программу религіозно-нравственные вопросы.

Богатая буддійская жертвовательница Ма-Хла-Унгъ основала двѣ буддійскія школы: одну для мальчиковъ, другую для дѣвочекъ. Она содержитъ ихъ уже 16 лѣтъ. Мы посѣтили одну изъ нихъ и были поражены здоровыми и счастливыми лицами дѣтей. Интересно было слышать, какъ они хоромъ, нараспѣвъ, отвѣчали преподавателю Закона Божьяго. Ученіе Будды преподается не только какъ урокъ, но и какъ матеріалъ для размышленія. Жаль, что богатые буддисты предпочитаютъ строить монастыри и пагоды вмѣсто такихъ школъ. Они забываютъ, что если не обучать дѣтей буддизму, то въ монастыряхъ не будетъ монаховъ, а въ пагодахъ—молящихся. Повидимому, г-жа Ма-Хла-Унгъ является исключеніемъ въ своемъ стремленіи дать дѣтямъ не только образованіе, но и религіозное воспитаніе. Да будутъ ея усилія увѣнчаны успѣхомъ!

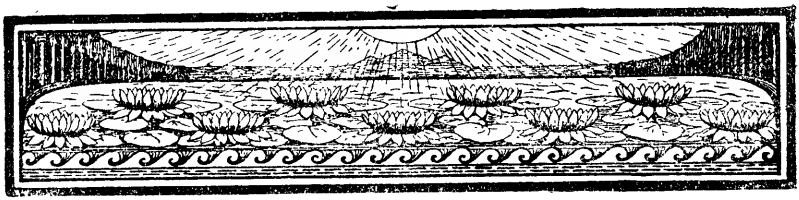
Пріятнымъ воспоминаніемъ посѣщенія Рангуна составляютъ дружескія бесѣды съ ученымъ буддійскимъ монахомъ, шотландцемъ по рожденію, Бикку Ананда Меттея. Года два тому назадъ онъ пріѣзжалъ въ Англію и основалъ тамъ Буддійское общество. Это чрезвычайно способный человѣкъ, но дѣятельности его мѣшаетъ слабое здоровье и главнымъ образомъ припадки астмы. Но это во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ ему писать, и мнѣ удалось получить отъ него для „Теософиста“ цѣнную статью по Буддизму. Эта статья появится въ печати въ апрѣлѣ и маѣ. Знакомство съ этимъ ученымъ и преданнымъ человѣкомъ составляетъ свѣтлое воспоминаніе. Къ сожалѣнію, въ Бирмѣ не умѣютъ, повидимому, пользоваться его талантами и его преданностью на пользу человѣчества, а между тѣмъ человѣчество нуждается въ такихъ цѣнныхъ качествахъ.

Я не могу закончить этого письма, не выразивъ благодарности братьямъ „Рангунскаго кружка“ и кружка „Сыны Индіи“, которые въ теченіе всего нашего пребыванія въ Бирмѣ заботились о насъ какъ о членахъ своихъ семей. Ихъ ласка украсила наше путешествіе, и мы шлемъ имъ горячее спасибо.

Мы ѣдемъ теперь въ сѣверную Бирму, но мы будемъ снова въ Адьярѣ раньше, чѣмъ эти строки будутъ въ рукахъ нашихъ читателей.

Вашъ вѣрный другъ.

А. Безантъ.



19 февраля 1861 года.

Полъ-вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ пало крѣпостное право и русскій народъ былъ признанъ правоспособнымъ къ гражданской жизни на ряду съ другими сословіями. Съ паденіемъ крѣпостного права начинается новая эра русской исторіи, эпоха раскрѣпощенія всей русской жизни, эпоха великихъ реформъ.

Идея освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости жила уже давно въ сознаніи просвѣщенныхъ людей XIX вѣка. Она составляла центръ, вокругъ котораго вращались всѣ ихъ помышленія и мечты. Нѣтъ ни одного великаго писателя или общественнаго дѣятеля, который не болѣлъ бы о ней, который не жилъ бы тайной надеждой видѣть ея осуществленіе. И во всѣхъ недоговоренныхъ статьяхъ и художественныхъ произведеніяхъ нашихъ писателей чувствуется глубокая, неутѣшная боль, жгучая, какъ постоянно открытая рана, до которой страшно дотронуться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ которой невозможно постоянно не возвращаться. Но авангардъ человѣчества вездѣ бываетъ меньшинствомъ, и долго идея освобожденія крестьянъ владѣла лишь группой свободолюбивыхъ мыслителей, оставаясь для большинства опасной и непонятной мечтой.

Но мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ одинъ за другимъ истинные „печальники о землѣ русской“ снова и снова въ своихъ произведеніяхъ касаются этого вопроса, онъ дѣлается предметомъ думъ и бесѣдъ всего мыслящаго общества. Радищевъ, Герценъ, Огаревъ, Кавелинъ, Бѣлинскій, Кошелевъ, Самаринъ, Чернышевскій, Писемскій, Григоровичъ, Салтыковъ, Тургеневъ, Некрасовъ—всѣ эти звѣзды первой величины, не говоря о менѣе яркихъ представителяхъ литературы, устремили всѣ силы своего ума и души на разрѣшеніе величайшаго по своей исторической

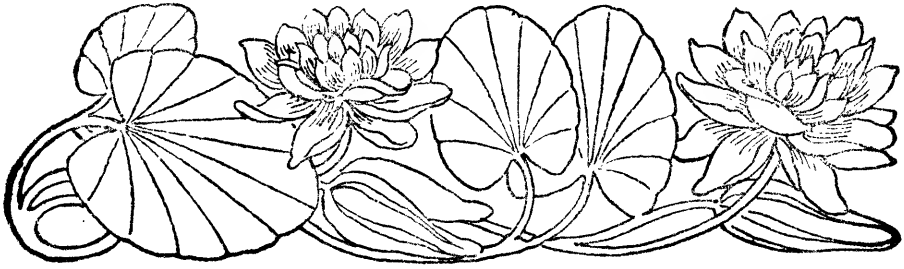
важности вопроса, и писали они о немъ воистину кровью своего сердца. Сколько изъ нихъ поплатилось свободой и всѣми радостями жизни во имя открыто поставленнаго обсужденія раскрѣпощенія, сколько погибло въ неравной борьбѣ, сколько сошло со сцены съ горестнымъ недоумѣніемъ и глубокой тоской! И все же вопросъ двигался. Медленно, незамѣтно, почти неуловимо онъ бросалъ все болѣе и болѣе глубокіе корни въ сознаніе русскихъ людей, и изъ корня выраслалъ стволъ, а затѣмъ и дерево, которое крѣпло, пускало ростки, вѣтви и побѣги во всѣ стороны. Съ того времени, когда Радищевъ написалъ свое знаменитое „Путешествіе изъ Москвы въ Петербургъ“ (1790 г.)— книгу, которая была сожжена и за которую авторъ ея былъ сосланъ въ Сибирь, идея освобожденія крестьянъ сдѣлала такіе шаги, что въ 40-хъ годахъ не было уже образованнаго человѣка, который не понималъ бы всего ея значенія, а въ 50-е годы лучшіе представители власти стали уже активно работать надъ проблемой практическаго ея осуществленія. Вокругъ Александра II, вел. кн. Елены Павловны и вел. кн. Николая Константиновича постепенно собралась блестящая плеяда общественныхъ дѣятелей, положившихъ много силъ и труда на разрѣшеніе этого мучительно-сложнаго и наболѣвшаго вопроса.

Во многихъ статьяхъ, посвященныхъ великому событію 1861 г., подчеркивается мысль, что матеріальная сила должна была уступить силѣ идеи—идеи, „возникшей въ чувствахъ и мысляхъ избранныхъ“, ибо побѣдительницей въ исторіи всегда является въ концѣ концовъ „сила идеи“. Въ этихъ рѣчахъ и статьяхъ сквозитъ глубоко вѣрная мысль о значеніи коллективной ментальной волны и о воздѣйствіи ея на умы современниковъ. Сила мысли проявляется не только въ телепатіи, т. е. въ сознательномъ устремленіи тока мысли на того или иного человѣка. Мы неустанно безсознательно дѣйствуемъ другъ на друга своими мыслями, и путемъ такого постояннаго воздѣйствія создается то, что именуется общественнымъ мнѣніемъ. Большинство людей думаютъ по извѣстнымъ линіямъ не потому, что они послѣ долгихъ размышленій пришли къ тому или иному выводу, но потому, что въ данную минуту много людей думаютъ именно такъ: они увлечены ментальнымъ токомъ. Но потокъ выросъ изъ первоначальной волны, родившейся отъ первой вибраціи того, кого толпа называетъ „мечтателемъ“. Онъ, этотъ мечтатель, своими пламенными мечтами о лучшемъ будущемъ бросилъ то сѣмя мысли, то живое зерно, которое не могли заглушить никакіе пле-

велы. Долго лежитъ подъ почвой зерно и зрѣетъ невидимо для физическихъ глазъ, воспринимая тепло солнечныхъ лучей и влагу небесныхъ облаковъ, пока часъ его не настанетъ, и оно пуститъ ростокъ; ростокъ потянется кверху, надъ землей появится нѣжно-зеленый стебель и изумрудные всходы засверкаютъ подъ снопами яркихъ лучей солнца. Такъ и съ сѣменемъ мысли. Долго незримо живетъ оно въ скрытой тьмѣ нашихъ сокровенныхъ думъ и желаній, пока не созрѣетъ духовно и не дастъ жизнь на физическомъ планѣ, выливаясь въ опредѣленную форму исторически подготовленныхъ событій. И потому праздникъ, посвящаемый свѣтлому событію Освобожденія, есть праздникъ породившей его мечты и праздникъ тѣхъ славныхъ борцовъ, которые принимали эту мечту, какъ дорогую гостью, въ непогоду, которые дали ей пріютъ въ своемъ сердцѣ, согрѣли ее солнцемъ Любви и дали ей созрѣть, укрѣпиться и взойти въ дивной глубинѣ святилища своего духа. И мечта сдѣлалась силой, вышла на свѣтъ Божій, запѣла свою побѣдную пѣснь—и подъ звуки этой пѣсни пали вѣковыя стѣны и цѣпи.

19 февраля есть Праздникъ Святой Мечты, сдѣлавшейся плотью, свѣтлымъ предзнаменованіемъ тѣхъ дней, когда человѣчество будетъ праздновать появленіе иныхъ благословенныхъ всходовъ. Сѣмена ихъ нынѣ зрѣютъ въ сокровенной глубинѣ сердца тѣхъ, кто уже теперь живетъ мечтою о Царствіи Божьемъ на землѣ, о царствѣ Правды и Любви.

Alba.



Братство религій.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

II. Проявленіе Бога во Вселенной.

Всѣ теологіи различали между Богомъ въ его истинной природѣ и Богомъ въ проявленіи. Сама религія не придаетъ особаго значенія этой разницѣ, такъ какъ имѣетъ дѣло съ отношеніемъ человѣка къ Богу, а не съ метафизическими умозрѣніями, которыя требуются теологіей. Эти требованія вызываются потребностью разума отвѣтить на возникающія передъ нимъ задачи, тогда какъ сердце ищетъ только одного: объекта для любви и поклоненія. „Логосъ Души единъ"; Слово, говорящее человѣческому Духу, не нуждается въ объяснительной теологіи, чтобы защитить Себя передъ Своимъ подобіемъ.

Но религіи обладали всегда своими теологіями, и въ послѣднихъ заключались глубокія истины, выраженныя въ умозрительныхъ терминахъ, при чемъ форма этихъ истинъ видоизмѣнялась съ каждой особой религіей и даже съ каждымъ отдѣльнымъ учителемъ. Религіозныя распри разгораются вокругъ этихъ терминовъ, а не вокругъ самихъ истинъ, для которыхъ термины служатъ лишь частичными и неполными выраженіями. Духъ единъ, тогда какъ интеллектъ многообразенъ и, подобно призмѣ, разлагаетъ бѣлый свѣтъ истины на его составные цвѣта, изъ которыхъ каждый отличается отъ остальныхъ, оставаясь въ то же время нераздѣльною частью единаго бѣлаго свѣта.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г., № 2.

Во главѣ этихъ неизмѣнныхъ истинъ стоитъ истина о божественномъ Самопроявленіи во вселенной, и это Самопроявленіе признается мыслью, способною проникать въ глубину, троичнымъ: Богъ проявляетъ Себя въ трехъ Аспектахъ, въ трехъ основныхъ Видахъ, тремя существенными Качествами, которыя выполняютъ три первичныя Дѣятельности по отношенію къ Его Вселенной. На основаніи этой истины возникла идея божественной Троицы во многихъ религіяхъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ; отрицаніе этой идеи въ мусульманской религіи обязано съ одной стороны тому грубому антропоморфизму, съ которымъ идея эта была представлена, а съ другой стороны сказавшейся во времена пророка Магомета великой необходимости подчеркнуть Единство Бога въ виду того хаоса многобожія, въ которомъ утрачено было сознаніе Единства. Разумно установленная, эта истина не можетъ вызвать никакого возраженія. Но ея пониманіе, эмоціонально выраженное невѣжественнымъ, хотя бы и любящимъ поклонникомъ, можетъ дѣйствительно возмутить философа.

Индусъ говоритъ о непроявленномъ Богѣ, о Безконечномъ и Абсолютномъ, неизмѣнно Самосущемъ и Безусловномъ, какъ о „Неимѣющемъ качествъ", тогда какъ проявленнаго Бога, верховнаго Владыку Вселенной, онъ представляетъ „имѣющимъ качества". Этими основными качествами онъ считаетъ Бытіе, Сознаніе и Блаженство, и въ троичности человѣческаго Духа и съ его тремя свойствами —дѣятельностью, познаваніемъ и волей—онъ видитъ ограниченное отраженіе или образъ Господа и въ то же время доказательство троичности того объекта, который Духъ человѣческій отражаетъ въ себѣ. Въ Писаніяхъ послѣдователей Зороастра идея Бога выражается тремя понятіями: „Я есмь", „Мудрость" и „Блаженство", рядомъ со многими иными качествами. Точно такъ же и еврейская религія заявляетъ, что человѣкъ сдѣланъ по подобію Божію, а въ своемъ внутреннемъ ученіи — скрытомъ отъ народа по той же причинѣ, которая повліяла и на арабскаго Пророка—она говоритъ: о Айнъ—Софъ, объ единомъ, проявляющемся какъ Кетеръ, Корона, Аспектъ Блаженства Бога, корень Воли въ человѣкѣ; о Бина, Разумѣ, Аспектѣ Сознанія у Бога, Корнѣ познанія у человѣка; о Хокма, Вселенскомъ Разумѣ, Аспектѣ Бытія Бога, Корнѣ дѣятельности у человѣка. Въ этомъ заключается коренная инстина, лежащая въ основѣ всѣхъ троичныхъ Vпостасей какими бы именами онѣ ни назывались въ различныхъ религіяхъ: Отецъ, Сынъ, Св. Духъ у христіанъ; Шива, Вишну и Брама у индусовъ; Амитаба, Алокитешвара, Манжусри

у китайскихъ и тибетскихъ буддистовъ; Аура-Мазда, Спенто и Ангро—Майніушъ и Армаити у послѣдователей Зороастра; Могучій, Мудрый и Милосердый у мусульманъ, а также различныя названія Троицы у Египтянъ, Халдеевъ и въ другихъ мертвыхъ религіяхъ; всѣ въ одинъ голосъ провозглашаютъ эту внутреннюю троичность, обнаруженную Богомъ въ проявленіи и отраженную въ троичности сознанія той вселенной, въ которой Онъ проявляется. Три *Аспекта* Божества, раскрывающіеся во вселенной, становятся для обитателей этой вселенной тремя *Сущностями*; употребляя же слова извѣстнаго христіанскаго исповѣданія: „тремя Лицами единаго Бога". За всѣми этими представленіями скрывается глубочайшая метафизическая истина — вселенская и отвлеченная, примѣнимая ко всѣмъ мірамъ, прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, которые являютъ собою не болѣе какъ выраженіе этой истины во Времени и Пространствѣ: Истина эта можетъ быть выражена какъ „Единое Я"; какъ Не-Я, или Вселенная, которая есть Его Мысль, и какъ Его мышленіе о ней, которое представляетъ собой отношеніе между Мыслителемъ и Мыслью, благодаря чему послѣдняя живетъ и приноситъ плоды.

Нашъ разумъ не можетъ избѣжать троичности, присущей проявленію, и эта основная истина была выражена всевозможными способами—и первобытнымъ, и философскимъ, и мистическимъ, и антропоморфическимъ; выраженія ея разнообразны, но сама истина остается всегда одна и та же, внѣдренная въ самую суть нашего существа. Вѣрно понятая, она не можетъ быть отвергнута.

Проявленный Богъ есть Корень вселенной; нѣкоторыя религіи говорятъ объ эманаціи, другія о творчествѣ; вѣрно лишь одно, что нѣтъ ничего кромѣ Бога, а самый методъ, которымъ Онъ осуществляетъ вселенную, есть второстепенный вопросъ. Онъ — Создатель, Строитель, Архитекторъ Своихъ міровъ. Его жизнь зарождаетъ ихъ и сохраняетъ во все время, положенное для ихъ существованія, а когда время это заканчивается, Онъ возвращаетъ ихъ изъ состоянія раздѣльности въ Свое Единство. „А затѣмъ (наступаетъ) конецъ", дабы былъ „Богъ все во всемъ" [1]) или, какъ говоритъ мусульманинъ, „все погибнетъ кромѣ Его Лица" [2]).

Дѣло осуществленія Вселенной, одареніе ея участіемъ въ Его Бытіи, внѣдренія въ нее, если можно такъ выразиться, части

---

[1]) 1-е посл. Коринѳ. XV, 24, 28.

[2]) Коранъ XXVIII, 88,

Его Жизни принадлежитъ по необходимости третьему Божественному Аспекту: „И Духъ Божій носился надъ водою",—говоритъ Еврейское Писаніе [1]). Брама, говоритъ Индусъ, есть Создатель, „Предокъ всѣхъ Міровъ" [2]). „Тотъ Господь есть Создатель... чье Имя есть невидимо Развивающій, Богъ",—говоритъ послѣдователь Зороастра [3]). „Богъ есть вашъ Господь... Создатель всѣхъ вещей",—говоритъ мусульманинъ [4]). Не существуетъ никакого разногласія въ религіяхъ относительно того, что Богъ есть Источникъ жизни, что все существующее обязано своимъ бытіемъ Ему. Эта творческая дѣятельность Бога есть проявленіе Его третьяго Аспекта, христіанинъ сказалъ бы—Его третьяго „Лица".

Богъ поддерживаетъ и сохраняетъ міры, и этотъ второй видъ Его дѣятельности есть то, что называется проявленіемъ Его второго Аспекта или „Лица" по отношенію къ Его вселенной. „Онъ заботится обо всѣхъ вещахъ",—заявляетъ мусульманинъ [5]). „Его жизнью поддерживается вселенная",—говоритъ индусъ [6]). Еврейскія Писанія переполнены заявленіями о непрестанномъ присутствіи въ мірѣ Бога, руководящаго, правящаго и наставляющаго [7]). А когда наступаетъ періодъ покоя, Онъ призываетъ снова къ Себѣ Духовъ, исшедшихъ изъ Него, разрушая созданные Имъ міры. „Я есмь имя Разрушителя всего",—возвѣщаетъ Аура-Мазда Зороастру [8]). „Въ твоемъ Господѣ будетъ конецъ всѣхъ вещей"—говоритъ Магометъ,—„и къ Богу возвратятся всѣ вещи [9]). Для индусовъ Шива есть Разрушитель всѣхъ формъ и Освободитель всѣхъ Духовъ, конечный Міръ и Блаженство. „Такимъ образомъ одинъ и тотъ же единый Богъ... принимаетъ назначеніе Брамы, Вишну и Шивы по мѣрѣ того, какъ Онъ создаетъ, сохраняетъ или разрушаетъ... Онъ есть Причина созданія, сохраненія и разрушенія" [10]).

Въ этомъ ученіи о трехъ божественныхъ Аспектахъ—о Богѣ по отношенію къ Его вселенной—мы имѣемъ первичную истину

---

[1]) Кн. Бытія I, 2.
[2]) Манусмрити I, 9.
[3]) Кордехъ Авеста.
[4]) Коранъ VI, 102.
[5]) Коранъ.
[6]) Бхагавадъ—Гита VII, 5.
[7]) См. Пс. CIV, CXLVII.
[8]) Іаштъ I, 14.
[9]) Коранъ II, 157; liii 43; lvii, 5.
[10]) Вишну Пурана I, II. 62.

о божественномъ Единствѣ, выраженную конкретно и примѣненную къ основнымъ дѣятельностямъ Бога въ Его мірахъ. Какъ одинъ человѣкъ можетъ быть одновременно и супругомъ, и отцомъ, и господиномъ, и можетъ быть виденъ съ одной стороны своей женѣ, съ другой—своимъ дѣтямъ, съ третьей стороны своимъ слугамъ и все же во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ людьми оставаться однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, такъ же и Богъ въ Своихъ трехъ Аспектахъ какъ Создатель, Охранитель и Освободитель остается однимъ и тѣмъ же Богомъ. Онъ есть Отецъ нашего духовнаго Начала, Покровитель нашихъ жизней, Источникъ нашихъ дѣятельностей; въ этомъ тѣсномъ отношеніи мы стоимъ къ Нему какъ индивидуальности, тогда какъ Его собственная природа познается нами какъ наша глубочайшая суть.

III. Великіе Разряды Живыхъ Существъ.

Божественная Жизнь облекается въ безчисленное разнообразіе формъ, и послѣднія не ограничены нашимъ земнымъ міромъ—этой точкой въ безграничномъ Пространствѣ — а также и тѣми видами матеріи, которые мы въ состояніи видѣть нашими глазами. Въ нашемъ собственномъ мірѣ Божественная Жизнь проявляется въ минеральномъ царствѣ какъ *Существованіе;* божественныя свойства *Сознанія* и *Блаженства* начинаютъ выражаться отчасти въ возникающей чувствительности безчисленныхъ формъ растительнаго царства; гораздо полнѣе проявляются эти свойства въ чувствованіи и зарождающейся разумности животныхъ, и они же раскрываются вполнѣ, проявляя троичную Природу Бога въ человѣкѣ—этомъ „вѣнцѣ творенія". „Въ безсознательной землѣ, камнѣ и т. д. проявляется лишь одно Существованіе (третій божественный Аспектъ), и Я (Self) еще не достигло формы индивидуализированнаго Духа. Неподвижныя жизни, т. е. травы и деревья, а также и подвижныя жизни, обладающія дыханіемъ, являются ступенями проявленія высшаго вида [1]).

Было бы совершенно неразумно предполагать, что божественная Жизнь проявляется лишь въ физической матеріи одного нашего ничтожнаго міра и ограничивается лишь нашей землей, водой и воздухомъ. Существуютъ не только безчисленные населенные міры, но и огромныя царства Пространства, все проникающій эфиръ, міры, состоящіе изъ матеріи слишкомъ тонкой

---

[1]) Sayana, *Commentary on Aitareyaranyaka,* II. iii. 2.

для нашего зрѣнія, все это кишитъ существами, раздѣляющими неистощимую Жизнь Бога. Разумныя существа всѣхъ степеней— сверхчеловѣческія и подчеловѣческія — принимая нашу собственную расу какъ мѣрило для сравненія, отражаютъ божественный образъ въ вѣчно измѣняющихся пропорціяхъ; плоды, носящіе миріады жизней, распредѣляются по ступенямъ необозримой лѣстницы, основаніе которой погружено въ тьму видимыхъ міровъ, а вершина теряется въ величіи небеснаго сіянія:

... великаго мірового алтаря ступени
Возносятся черезъ тьму къ самому Богу [1]).

Всѣ религіи признавали существованіе сверхчеловѣческихъ невидимыхъ Духовъ и называли ихъ различными именами. Индусы и буддисты называютъ ихъ Дэвами, Лучезарными; евреи, христіане и мусульмане — Ангелами и Архангелами; послѣдователи Зороастра даютъ имъ названіе семи Амшаспентовъ (Архангеловъ) съ сонмами подчиненныхъ имъ исполнителей (yazatas), включая сюда и Фероаровъ. Большинство религій признаютъ также существованіе низшихъ духовъ, по большей части подчеловѣческаго порядка, и о нихъ же говорится въ народныхъ вѣрованіяхъ всѣхъ странъ и въ произведеніяхъ наиболѣе одаренныхъ воображеніемъ поэтовъ нашихъ дней. Многіе сенситивные люди чувствуютъ присутствіе сознательной жизни въ очаровывающихъ насъ красотахъ природы, но есть и такіе, которые способны видѣть этихъ младшихъ дѣтей природы, забавляющихся въ лѣсахъ, ручьяхъ и воздухѣ; ихъ называютъ духами природы, элементалями, феями, русалками, джиннами и т. д.

Дэвы или Ангелы являются исполнителями Бога, разумными Сущностями, непрерывно работающими надъ тѣмъ, что мы называемъ „естественными законами природы". Они приводятъ въ осуществленіе божественное Мышленіе въ его непрерывной дѣятельности, ибо Богъ сдѣлалъ „Ангеловъ Своими посланниками" [2]), „Своими исполнителями, которые доставляютъ ему радость" [3]). Эти „Владыки Чистоты" правятъ въ духовныхъ и матеріальныхъ мірахъ, „Владыки надъ всѣмъ живущимъ въ водѣ, Владыки надъ всѣмъ живущимъ на землѣ, Владыки надъ всѣмъ летающимъ, Владыки надъ всѣми прыгающими, Владыки надъ

---

[1]) In Memoriam, Tennyson.
[2]) Коранъ XXXV, 1-й.
[3]) Псалмы.

всѣми копытными“ [1]). „Не всѣ ли они суть служебные духи?“— спрашиваетъ апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Евреямъ [2]). Евреи говорятъ о томъ, какъ они охраняли пр. Елисея [3]), и о другихъ подобныхъ проявленіяхъ и заявляютъ, что созданіе земли происходило „при общемъ ликованіи утреннихъ звѣздъ, когда всѣ сыны Божіи восклицали отъ радости“ [4]). Индусскія и буддійскія Писанія полны ссылокъ на Ангеловъ и описаній какъ ихъ, такъ и міровъ иныхъ, чѣмъ нашъ міръ, и самъ Будда говоритъ о своемъ знаніи этихъ міровъ и ихъ обитателей [5]). По индусскимъ Писаніямъ Создатель вызвалъ къ жизни великіе сонмы Лучезарныхъ (Дэвъ), однихъ — для сношенія съ человѣкомъ, а другихъ — для оживотворенія законовъ природы и для управленія ими; по этимъ Писаніямъ Дэвы предшествовали человѣку въ порядкѣ эманаціи. Они имѣютъ много именъ, но всѣ извлекаютъ свое бытіе и свои силы отъ единаго Бога: „Всѣ Лучезарные воистину Онъ Самъ; всѣ они опираются на Самого (Self) [6]). И безразлично, упоминаются ли ихъ имена или нѣтъ; всякая сила исходитъ отъ Бога подобно тому, какъ въ монархическомъ государствѣ всѣ предписанія носятъ имя монарха, хотя бы они издавались и выполнялись его уполномоченными.

Нѣкорые изъ Дэвъ управляютъ законами природы [7]), другіе завѣдуютъ помощью людямъ и отвѣчаютъ на ихъ молитвы, касающіяся матеріальныхъ вещей: „Тѣ, которые добиваются успѣха въ земной дѣятельности, поклоняются Лучезарнымъ“, но духовный человѣкъ не поклоняется имъ, ибо они помогаютъ лишь въ земныхъ успѣхахъ, гдѣ скоротечны воистину плоды“ [8]).

Въ христіанской Церкви упоминаются три большіе разряда Ангеловъ, подраздѣляемыхъ на девять группъ:

1-я—Серафимы, Херувимы, Престолы.

2-я—Власти, Силы, Господства.

3-я—Начала, Архангелы, Ангелы.

---

[1]) Виспарадъ, Отрыв. I, 1.

[2]) Послан. къ Евр. гл. I, 14.

[3]) 4-я кн. Царствъ VI, 17.

[4]) Кн. Іова XXXVIII, 7.

[5]) Tewijja Сутта.

[6]) Манусмрити XII, 119.

[7]) Манусмрити и Пураны.

[8]) Бхагавадъ—Гита IV, 12; VII 23.,

Начала суть Ангелы Хранители народовъ и государствъ, тогда какъ девятая группа касается исключительно индивидуальнаго человѣка.

У мусульманъ имѣется четыре великихъ Архангела: Гавріилъ, св. Духъ или Ангелъ Откровенія; Михаилъ, Ангелъ Покровитель; Азраилъ, Ангелъ Смерти, Израфилъ, Ангелъ Воскресенія [1]). Есть у нихъ еще Сандольфонъ, Ангелъ Молитвы. Около каждаго человѣка находятся два приставленные къ нему ангела, запечатлѣвающіе его жизнь день за днемъ. Коранъ часто упоминаетъ о дѣятельности Ангеловъ; они „подчиненнымъ образомъ управляютъ дѣлами этого міра“ [2]) и, по описаніямъ, обладаютъ чистыми и тонкими тѣлами, созданными изъ Нуръ—тонкой огненной субстанціи; они же имѣютъ задачей запечатлѣвать дѣйствія людей и отдѣлять ихъ души отъ тѣла при смерти [3]). Архангелъ Гавріилъ былъ тѣмъ, который принесъ божественную вѣсть Пророку [4]), какъ въ христіанскихъ Писаніяхъ Дѣвѣ Маріи [5]). Коранъ говоритъ также о низшихъ духахъ—о пяти разрядахъ Джинновъ или духовъ, относящихся къ пяти элементамъ природы и созданныхъ изъ огня; нѣкоторые изъ нихъ добрые, а нѣкоторые злые: „нѣкоторые изъ насъ (духовъ) правдивы, а нѣкоторые совсѣмъ иные: мы всѣ различнаго рода“ [6]). Обращеніе къ нимъ не одобряется.

Въ писаніи *Вендидадъ* дается длинный перечень духовъ природы, которымъ не слѣдуетъ поддаваться [7]). Тамъ встрѣчаются также фероары неба, воды, земли, деревьевъ, скота, которые поддерживаютъ живыхъ существъ [8]). Интересно отмѣтить, что въ религіи Зороастра имя Фероаръ или Фраваши употребляется одинаково и для духа природы, и для человѣческаго Духа; человѣкъ признается опредѣленнымъ разрядомъ въ многочисленныхъ рядахъ живыхъ существъ, при чемъ одни разряды поднимаются надъ нимъ до самаго проявленнаго Бога, а другіе — спускаются внизъ до простого атома.

Религія заставляетъ насъ видѣть во вселенной не мертвую машину или бездушнаго автомата, двигающагося механически по

---

1) Коранъ II, 97, 117.
2) Коранъ LXXIX, 1—5.
3) Коранъ VI, 60; VII, 12; I, 16; LXXVII, 1—6. II, 30.
4) Тамъ же II, 96.
5) Еванг. Луки I, 26.
6) Коранъ LXXII, 1—19.
7) Вендидадъ XI, 9.
8) Іаштъ XIII, 24. Іасна, XXIII, 11

химическимъ и инымъ законамъ; она учитъ, что вселенная — живой организмъ, въ которомъ химическія дѣйствія—результаты живыхъ дѣятельностей подобно тому, какъ химическія измѣненія въ клѣткахъ мозга являются результатомъ мышленія; живой организмъ, въ которомъ разумъ двигаетъ природу къ сознательно предусмотрѣннымъ и заранѣе избраннымъ цѣлямъ. Религія опредѣляетъ человѣка какъ существо, развивающееся среди другихъ существъ, изъ которыхъ одни выше, а другія ниже его, и всѣ развиваются подобно ему, поднимаясь на болѣе и болѣе высокія ступени, раскрывая скрытыя возможности, развивая безконечныя потенціи. Онъ — членъ великой семьи, въ которой одни старше Его, а другіе моложе; старшіе помогаютъ ему, а младшіе нуждаются въ его помощи. Поразительная панорама взаимно-переплетающихся жизней развертывается передъ нимъ, и онъ видитъ, что и надъ нимъ, и подъ нимъ божественная Природа производитъ свою работу, слѣдуя неизмѣнной и совершенной Волѣ, которая и есть Законъ; что ниже его уровня живыя существа понуждаются этимъ Закономъ и безсознательно работаютъ согласно съ нимъ, а поднявшіяся выше его радостно присоединяются къ этому Закону и работаютъ сознательно, сообразуясь съ нимъ, и что только на переходной человѣческой ступени существуетъ анархія борющихся воль. Онъ начинаетъ понимать, что этотъ разладъ есть необходимый переходъ отъ вынужденныхъ дѣятельностей низшихъ Разрядовъ къ добровольнымъ, но одинаково закономѣрнымъ дѣятельностямъ высшаго Порядка; что человѣкъ занимаетъ ступень, на которой развивается воля, и что анархія должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока его воля, которая является Аспектомъ Бога въ человѣкѣ, не усвоитъ ту истину, что въ добровольномъ согласованіи съ Волей Отца заключается истинная человѣческая свобода. „Господь сказалъ: о человѣкъ! слѣдуй только Моимъ законамъ, и ты станешь подобенъ Мнѣ, и если скажешь: да будетъ, смотри! оно уже есть“ [1]). И тогда передъ нимъ развернется величавое представленіе о Небесномъ Человѣкѣ, тѣло котораго состоитъ изъ живыхъ клѣтокъ — индивидуальностей, двигаемыхъ единою Жизнью. Представленіе это должно быть близко христіанамъ, религія которыхъ учитъ: „Ибо какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло, такъ и Христосъ... и вы тѣло Христово, а порознь члены“ [2]).

[1]) Изреченія Магомета (Англійскій текстъ стр. 115).

[2]) 1-ое Посл, Коринѳ. XII, 12, 27.

Тѣ, которые поднимаются выше анархіи враждующей человѣческой воли на ступенъ сверхчеловѣческую, становятся воистину и „преславнымъ тѣломъ“, достойнымъ пребывающаго въ немъ Духа, двигаемаго единой Волей, и эта Божественная Воля направлена на то, чтобы поддерживать неустанно развивающіеся міры.

Примѣчаніе. Интересно, что одни и тѣ же числа встрѣчаются во всѣхъ религіяхъ: У Зороастра 30 именъ + 3 великіе Духа; въ индусской религіи 33 великихъ Дэвъ; у гностиковъ 30 Кореньъ-Эоновъ + Христосъ, Св. Духъ и Высочайшій, что вмѣстѣ опять составляетъ 33; 33 лежитъ и въ основѣ неисчислимыхъ сонмовъ.

Пер. **Е. П.**

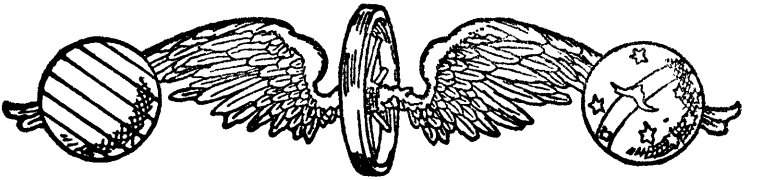
Древнеегипетскія изреченія *).

Да будетъ лицо твое свѣтлымъ, покуда живетъ.

Если ты слушаешь то, что тебѣ я сказалъ, мудрость твоя въ возростаніи будетъ. Это канва, по которой великіе—узоры свои проведутъ, словомъ уча людей. Послѣ того какъ слушалъ, станетъ художникомъ слушавшій. Знаніе храня, будетъ знать направленіе, а на землѣ будетъ счастливъ. Знающій — знаньемъ насыщенъ, и благою ухваткой своею великъ. Въ согласіи съ умомъ языкъ его, когда говорятъ его губы, глаза въ соотвѣтствіи съ разумомъ, когда онъ глядитъ, и уши—когда онъ слушаетъ. У сына его—преимущество дѣлать то, что должно свершать, безошибочно.

---

*) Изъ текста Папируса Присса, найденнаго при раскопкахъ фивскихъ гробницъ въ 1844 г.; написанъ онъ старцемъ Пта-Готеномъ нѣсколько тысячъ лѣтъ до Р. Х. и считается египтологами древнѣйшей книгой въ мірѣ.



Эволюція міра и человѣка.

Д-ра Р. Штейнера.

(*Продолженіе* *).

Небесный міръ или Деваканъ.

„Небесныя“ переживанія или пребываніе въ Деваканѣ начинается для человѣка съ того момента, когда прекратится его стремленіе къ земному и изживутся его страсти. Время между смертью и новымъ рожденіемъ протекаетъ въ астральномъ мірѣ, а затѣмъ— въ Деваканѣ. Послѣднее, такъ же какъ и астральный міръ, не мѣсто, а состояніе человѣка; чтобы понять это, нужно не забывать, что небесныя переживанія могутъ быть и во время жизни человѣка на землѣ.

Матеріалистъ не въ состояніи разрѣшить вопроса: гдѣ же во время сна находится сознаніе спящаго? Оккультистъ знаетъ, что въ это время въ постелѣ лежитъ физическое и эфирное тѣло человѣка, астральное же отсутствуетъ, и на это время соприкосновеніе сознанія съ физическимъ міромъ прекращается.

Гдѣ же во время сна пребываетъ сознаніе человѣка? Въ астральномъ тѣлѣ. Днемъ астральное тѣло пассивно, оно служитъ только *проводникомъ* ощущеній, которыя переживаются собственно физическимъ и эфирнымъ человѣкомъ. Не то ночью. Смыслъ сна въ томъ, чтобы возстановить затраченныя частицы человѣческаго организма. Какъ же происходитъ это возстановленіе? Ночью взаимоотношеніе между тѣлами человѣка какъ разъ обратное тому, которое бываетъ днемъ: активныя въ теченіе дня физическое и эфирное тѣла ночью отдыхаютъ, а пассивное въ теченіе дня астральное тѣло становится активнымъ ночью и работаетъ надъ

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г., № 2.

возстановленіемъ потраченныхъ за день физическихъ силъ и надъ восполненіемъ растительныхъ процессовъ. Особенность астральнаго тѣла въ томъ, что оно не можетъ одновременно и совершать упомянутую работу возстановленія силъ, и воспринимать окружающее. Отсюда слѣдуетъ, что у обыкновеннаго человѣка астральное тѣло *не* воспринимаетъ явленій астральнаго міра. У Посвященнаго свойства астральнаго тѣла измѣняются: оно начинаетъ воспринимать астральныя явленія, слѣдовательно, его работа по возстановленію физическихъ силъ *должна* прекратиться. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Посвященный совсѣмъ лишенъ отдыха, слѣдовательно и необходимаго возстановленія потраченныхъ силъ? Нѣтъ, у обыкновеннаго человѣка процессъ этотъ шелъ періодически и извнѣ, черезъ астральное тѣло, у Посвященнаго та же работа происходитъ постоянно и сознательно, она идетъ изнутри, путемъ ритмической тренировки мысли и чувства, благодаря которой и происходитъ постоянный процессъ уравновѣшиванія и достигается внутренняя гармонія.

Отсюда—вполнѣ реальное, можно сказать научное, значеніе добрыхъ качествъ, которыя устанавливаютъ во внутреннихъ переживаніяхъ человѣка необходимые ритмъ и гармонію. Изъ этого становится яснымъ, въ какой степени важна сознательная подготовка для человѣка, у котораго раскрываются астральныя чувства; напряженіе, которому подвергается астральное тѣло, когда оно начинаетъ воспринимать явленія астральнаго плана, такъ велико, что оно не можетъ обойтись безъ помощи со стороны физическаго человѣка. И мозгъ, и нервная система *должны* оказывать эту помощь; точно такъ же необходимъ и покойный сонъ. Если же у человѣка нѣтъ правильной ритмической тренировки мысли и чувства, и если при этомъ появится безсонница, тогда внутри астральнаго тѣла появятся неминуемо различныя разстройства, что дѣйствительно и наблюдается у оккультистовъ, идущихъ ощупью, безъ необходимаго руководительства. При напряженной духовной жизни, когда передъ человѣкомъ начинаетъ раскрываться высшій міръ, благотворное вліяніе могутъ оказывать посты. Учредители періодическихъ постовъ знали оккультныя соотношенія физическихъ и астральныхъ дѣятельностей человѣка.

Какое вліяніе могутъ оказывать посты? Въ теченіе опредѣленныхъ дней строгаго физическаго воздержанія количество токовъ, посылаемыхъ физическимъ тѣломъ астральному въ видѣ разнообразныхъ вкусовыхъ и иныхъ ощущеній, сводится къ минимуму, астральное тѣло освобождается отъ большаго количества

работы, его вибраціи затихаютъ, и тогда физическое тѣло получаетъ возможность проникнуться гармоническимъ ритмомъ эфирнаго тѣла, и, благодаря такому гармоническому сліянію жизни (эфирное начало) и формы (физическое начало), возможно соприкосновеніе съ великой гармоніей міровъ.

Гдѣ же человѣкъ пребываетъ во время сна? Гдѣ его безсмертное Я? Если сонъ человѣка исполненъ сновидѣній (это явленіе атавизма), его Я видитъ отраженіе того, что переживается на астральномъ планѣ. Если сонъ его безъ сновидѣній, глубокій и тихій, *Я* находится въ „небесномъ мірѣ“ (Деваканъ), но безсознательно для физическаго мозга. Сознательное пребываніе въ „небесномъ мірѣ“ возможно при жизни только для Адепта, уже владѣющаго *непрерывностью сознанія.*

Послѣ смерти человѣка, когда астральное тѣло отдѣлилось отъ физическаго и эфирнаго начала и *Я* человѣка перешло въ „небесный міръ“ (Деваканъ), передъ новымъ воплощеніемъ человѣка происходитъ постройка новаго эфирнаго тѣла для его послѣдующаго существованія на землѣ.

Чела *) совершаетъ эту работу во время земной жизни, онъ перерабатываетъ свое эфирное тѣло еще при жизни. Посмертная эволюція обыкновеннаго человѣка и челы различаются тѣмъ, что эфирное тѣло перваго уничтожается, тогда какъ эфирное тѣло челы сохраняется. Такъ какъ новое эфирное тѣло вырабатывается во время пребыванія человѣка въ „небесномъ мірѣ“ (Деваканъ), то Чела можетъ обойтись или совсѣмъ безъ Девакана, или же оставаться въ этомъ состояніи самое короткое время.

Чела въ состояніи построить свое эфирное тѣло потому, что въ его душѣ вполнѣ пробудился второй принципъ безсмертнаго троичнаго начала (Buddhi). На слѣдующей ступени, на ступени Адепта, когда пробужденъ и первый принципъ (Atmâ), человѣкъ становится способнымъ строить и свое физическое тѣло. Въ послѣднемъ случаѣ посмертныя явленія совершенно иныя, чѣмъ у обыкновеннаго человѣка; физическое тѣло Адепта не разсѣевается въ космическомъ пространстѣ, его частицы не переходятъ въ новыя образованія природы, всѣ онѣ сохраняются и снова группируются по тѣмъ же линіямъ, въ той же структурѣ; такимъ образомъ хотя и получается новая оболочка, но по существу она осталась неизмѣнной, сохранилось все строеніе, всѣ особенности, всѣ черты лица, а рядомъ съ этимъ сохряняется и непрерывность сознанія

*) Принятый ученикъ оккультной школы.

черезъ жизнь и смерть и черезъ промежуточное посмертное состояніе. На этой ступени сознанія не нужно уже ни чистилища (Камалока), ни небесной стадіи (Деваканъ).

Чтобы отвѣтить на вопросъ, для чего собственно нужно воплощеніе, необходимо установить ту связь, которая, несомнѣнно, существуетъ между жизнью каждаго отдѣльнаго человѣка и жизнью всей земли. По духовному плану земной эволюціи періодъ пребыванія человѣческой души въ состояніи небесной стадіи долженъ совпадать съ переходомъ солнца изъ одного знака зодіака въ другой. Время, требуемое для такого перехода, обнимаетъ собою 2.600 земныхъ лѣтъ, т. е. какъ разъ то время, которое требуется для двухъ воплощеній, мужескаго и женскаго, которыя съ оккультной точки зрѣнія равняются одному полному воплощенію *). Въ настоящее время солнце стоитъ въ знакѣ рыбъ, ранѣе оно стояло въ знакѣ овна. Всѣ Посвященные древняго міра знали взаимное отношеніе, существующее между знаками зодіака и земной эволюціей, и древніе миѳы слагались пророчески, чтобы возвѣстить наступленіе новаго и въ небѣ (вступленіе солнца въ новый знакъ зодіака), и на землѣ. Напримѣръ, миѳъ о золотомъ рунѣ: онъ предвѣщалъ совершенно новую эпоху, когда солнце вступало въ знакъ овна, а на землѣ готовились условія для проявленія новой ступени сознанія (матеріализмъ, критическій разумъ).

Каждый разъ, когда солнце вступаетъ въ новый знакъ зодіака, на землѣ происходятъ могучія измѣненія какъ въ растительномъ и животномъ царствахъ, такъ и въ культурахъ человѣчества. Такія измѣненія называются „космическими вихрями“, и они стоятъ въ прямомъ отношеніи съ перевоплощеніемъ: когда человѣческая душа, послѣ пребыванія своего въ небесной стадіи, возвращается снова на землю, она находитъ тамъ совершенно новыя условія, которыя дадутъ ей возможность собрать въ новомъ воплощеніи и совершенно новые опыты. Повторенія только *кажущіяся*: душа можетъ вернуться въ тѣ же условія земной жизни, *только* если она не извлекла изъ этихъ условій все нужное для ея развитія; если же весь урокъ извлеченъ, она появится лишь при вполнѣ измѣнившихся условіяхъ земной жизни.

---

*) Не всегда бываетъ такое правильное чередованіе мужескаго и женскаго воплощенія; если мужскія качества чрезмѣрно преобладаютъ, человѣкъ можетъ нѣсколько разъ сряду воплощаться въ женское тѣло, и наоборотъ. Въ этой лекціи докторъ Штейнеръ не касается частностей, а устанавливаетъ лишь общіе принципы.

Е. П.

Въ промежутокъ между двумя воплощеніями, когда душа пребываетъ въ Деваканѣ, кромѣ субъективной задачи—претворить все пережитое на землѣ во внутреннія свойства и силы—душа выполняетъ и объективную задачу. Она принимаетъ участіе въ строительствѣ божественныхъ Сущностей или „силъ природы", и притомъ чѣмъ бо̀льшей сознательности достигъ человѣкъ на землѣ, тѣмъ дѣятельнѣе его участіе. Въ періодъ астральныхъ переживаній человѣкъ принимаетъ участіе въ строительствѣ животнаго царства; въ „небесный періодъ" онъ творитъ въ растительномъ царствѣ; въ астральномъ періодѣ человѣкъ находится подъ вліяніемъ луны, въ Деваканѣ онъ вступаетъ въ кругъ солнечнаго воздѣйствія.

Изреченіе Платона „Міровая Душа распята на крестѣ міроваго тѣла" имѣетъ глубокій смыслъ. Душа человѣческая, въ своемъ вѣчномъ странствіи, проходитъ черезъ всѣ царства природы; если взять въ вертикальномъ направленіи два полюса, внизу растеніе, вверху человѣкъ (перевернутое растеніе), и раздѣлить оба царства горизонтальной линіей (царствомъ животнымъ) пополамъ, то получится крестъ. Это и есть „крестъ міроваго тѣла".

Упомянутое выше творческое участіе человѣка въ усовершенствованіи различныхъ царствъ природы, которое онъ проявляетъ въ теченіе посмертной эволюціи на высшихъ планахъ *безсознательно*, превратится въ будущемъ въ работу *сознательную*. Въ настоящій періодъ, который входитъ въ *четвертый* кругъ земной цѣпи, мы работаемъ въ теченіе нашей земной жизни *сознательно* надъ минеральнымъ царствомъ, мы передѣлываемъ его постепенно въ произведенія искусства. Надъ животнымъ царствомъ мы работаемъ въ астральномъ мірѣ, надъ растительнымъ—въ „небесномъ мірѣ", въ періодъ между смертью и слѣдующимъ нашимъ рожденьемъ на землѣ. Эту работу мы не сознаемъ. Но придетъ время—къ этому ведетъ наше медленное, но непрерывное внутреннее развитіе—когда мы такъ же сознательно, какъ теперь работаемъ надъ минеральнымъ царствомъ, будемъ работать и въ остальныхъ царствахъ природы. *Это будетъ*, и мы дѣйствительно превратимъ нашу землю въ рай.

Составила по запискамъ **Е. П.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженіе *).*

XIV БЕСѢДА.

1.

Благословенный сказалъ:

Снова объявлю тебѣ наивысшее и наилучшее изъ всѣхъ знаній [1]); познавъ его, всѣ мудрые достигли высшаго совершенства.

2.

Кто нашелъ убѣжище въ этомъ знаніи и пріобщился къ Моей природѣ, тотъ больше не рождается при возникновеніи вселенной [2]) и не погибаетъ при исчезновеніи ея [3]).

3.

Мое чрево—великій Вѣчный [4]); въ Него помѣщаю Я сѣмя; отъ него происходитъ рожденіе всѣхъ существъ, о Бхарата.

4.

Въ какихъ бы чревахъ ни рождались смертные, о Каунтея, Вѣчный есть ихъ великое чрево, *Я* же отецъ, дающій сѣмя.

5.

Гармонія, подвижность, неподвижность [5])—таковы качества, которыя рождаются отъ матеріи; они крѣпко приковываютъ къ тѣлу [6]) неразрушимаго, воплощеннаго, о Могущественный.

---

*) См. „Вѣстн. Теософіи“ 1911 г., № 2.

[1]) Буквально: мудрость мудростей.

[2]) При Эманаціи вселенной, начала Манвантары.

[3]) Погруженіе міра въ Пралайю.

[4]) Великій Брахманъ.

[5]) Инерція, тамасъ.

[6]) Буквально: Могуче-рукій.

6.

Изъ этихъ качествъ гармонія, по своей здоровой и свѣтозарной чистотѣ, приковываетъ привязанностью къ радости и мудрости, о безгрѣшный.

7.

Знай, что подвижность, природа страсти, есть источникъ привязанности и жажды жизни, о Каунтея—жажды, которая сковываетъ воплощеннаго привязанностью къ дѣйствію.

8.

Невѣдѣніемъ же рожденная неподвижность [1]) вводитъ въ заблужденіе всѣхъ воплощенныхъ; она связываетъ небрежностью, безпечностью и лѣнью, о Бхарата.

9.

Гармонія привязываетъ къ радости, подвижность привязываетъ къ дѣйствіямъ, о Бхарата. Неподвижность же, затуманивая знаніе, сковываетъ безпечностью.

10.

Побѣдивъ подвижность и неподвижность, гармонія торжествуетъ, о Бхарата. Побѣдивъ гармонію и неподвижность, беретъ верхъ движеніе [2]); побѣдивъ движеніе и гармонію, воцаряется неподвижность.

11.

Когда свѣтъ мудрости излучается изъ всѣхъ вратъ тѣла, тогда можно узнать, что растетъ гармонія.

12.

Алчность, стремительность, предпріимчивость [3]), мятежность, желаніе—всѣ эти качества рождаются отъ возрастанія движенія, о лучшій изъ Бхаратъ.

13.

Мракъ, застой, безпечность, а также заблужденіе рождаются при возрастаніи неподвижности, о радость Куру!

---

[1]) Тамасъ.

[2]) Буквально: подвижность.

[3]) Т. е. погоня за внѣшними дѣлами.

14.

Если въ часъ смерти [1]) въ воплощенномъ преобладаетъ гармонія, то онъ вступаетъ въ чистые міры великихъ мудрецовъ.

15.

Умирая въ движеніи, онъ рождается среди привязанныхъ къ дѣйствію; умеревъ въ неподвижности [2]), онъ рождается въ чревѣ безчувственныхъ [3]).

16.

Говорятъ, что плодъ праведнаго дѣйствія гармониченъ и чистъ; воистину плодъ страсти [4]) есть страданіе, плодъ же бездѣйствія есть невѣдѣніе.

17.

Отъ гармоніи рождается мудрость, а жадность рождается отъ движенія; безпечность и заблужденіе рождены бездѣйствіемъ, какъ и невѣдѣніе.

18.

Пребывающіе въ гармоніи возносятся въ высь; дѣятельные остаются въ серединѣ; неподвижные спускаются внизъ, окутанные худшими качествами.

19.

Когда прозрѣвшій не видитъ иныхъ причинъ дѣятельности кромѣ качествъ [5]) и познаетъ То, что превыше качествъ, онъ вступаетъ въ Мою Сущность.

20.

Когда воплощенный поднялся надъ всѣми тремя качествами, отъ которыхъ произошли всѣ тѣла, тогда, освобожденный отъ рожденія, смерти, старости и скорби, онъ вкушаетъ безсмертіе.

21.

Арджуна сказалъ:

Каковы примѣты того, кто поднялся надъ тремя качествами, Господи? Каково его поведеніе и какъ онъ освобождается отъ этихъ трехъ качествъ?

---

[1]) Буквально: при разложеніи.

[2]) Инерціи.

[3]) Т. е. неотзывчивыхъ, холодныхъ, тупыхъ.

[4]) Т. е. страстнаго движенія.

[5]) Т. е. Гунъ: Тамасъ, Раджасъ, Саттва.

22.

Благословенный молвилъ:

Тотъ, о Пандава [1]), кто не ненавидитъ свѣтъ, стремительную энергію или даже заблужденіе, когда они налицо, и не тоскуетъ по нимъ, когда ихъ нѣтъ,

23.

Тотъ, кто, пребывая спокойнымъ [2]), качествами не потрясается и, стоя неподвижно въ сторонѣ, говоритъ: „Качества дѣйствуютъ".

24.

Уравновѣшенный въ радости и скорби, пребывающій въ своемъ Я [3]), человѣкъ, для котораго равны комъ земли, камень и золото; одинаковый съ любимымъ и нелюбимымъ, твердый, одинаковый среди похвалъ и хулы,

25.

Равный въ чести и безчестіи, одинаковый съ другомъ и недругомъ, отказывающійся отъ всѣхъ предпріятій [4]), о такомъ человѣкѣ говорится, что онъ поднялся надъ качествами.

26.

И тотъ, кто исключительно служитъ Мнѣ черезъ іогу любви [5]), тотъ, поднявшись надъ качествами, достоенъ стать вѣчнымъ [6]).

27.

Ибо Я есмь обитель Вѣчнаго и источникъ неистощимаго напитка безсмертія, извѣчной дхармы и неизреченнаго блаженства.

Такъ гласитъ славной Бхагавадъ-Гиты XIV бесѣда, именуемая Іога освобожденія [7]) отъ трехъ качествъ.

И. М. и Alba.

---

[1]) Сынъ Панду.

[2]) Буквально: совершенно нейтральнымъ.

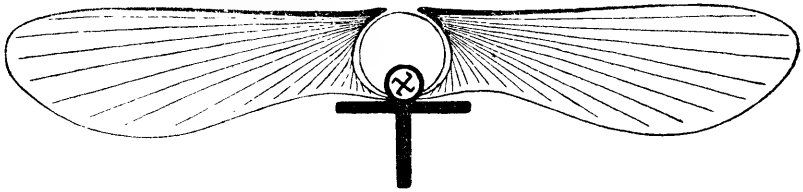
[3]) Буквально: стоящій въ своемъ собственномъ Я.

[4]) Т. е. отказывающійся отъ плодовъ всякой дѣятельности.

[5]) Бакта, любовь, преданность.

[6]) Т. е. слиться съ первоисточникомъ.

[7]) Буквально: отдѣленія.



Цѣль и Путь.

Люди считаютъ мудрость глупостью. Люди ищутъ мудрость необычайными методами.
(Изъ Іинъ-Фу-Кингъ).

Одной изъ яркихъ чертъ нашего времени является отсутствіе твердой и незыблемой почвы. Вполнѣ современный мыслитель Левъ Толстой свое главное произведеніе такъ даже и назвалъ: „Апоѳеозъ безпочвенности“. Дѣйствительно, стоитъ серьезно вглядѣться теперь въ жизнь, чтобъ убѣдиться въ томъ, какъ много людей въ сущности живутъ изо дня въ день, безъ яснаго сознанія его смысла и значенія, а такъ... „День прошелъ и сутки прочь“.

Пока есть возможность сорвать нѣсколько цвѣтовъ радостей и наслажденія—рвутъ. Надоѣстъ эта вѣчная погоня за новымъ обманомъ и для нихъ „...жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманіемъ вокругъ, такая пустая и глупая шутка...“, и все чаще и чаще приходится слышать и читать что „шутка“ кончается пулей въ лобъ: „незачѣмъ жить, скучно жить“. Все растеряли.

Первой упала вѣра въ религію. Много тому было причинъ—и внѣшнихъ, въ особенности нравственное состояніе главныхъ руководителей религіозной мысли—духовенство, и внутреннихъ, связанныхъ съ возрастающими требованіями разума, тщетно ищущаго примиренія между областью религіи и областью знанія. За вѣрой въ религію мало по малу отпадаетъ и вѣра въ науку, вѣра въ человѣческій разумъ.

Конечно, результаты науки налицо, побѣды ея надъ матеріальной природой очевидны, огромное ея значеніе въ дѣлѣ человѣческаго развитія не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, но рядомъ съ этимъ столь же очевидно и ея безсиліе отвѣтить на самые главные, въ сущности единственные по своему значенію, вопросы жизни—зачѣмъ и для чего?

Какъ зачинается жизнь, *какъ* движутся свѣтила небесныя, какъ происходятъ тѣ или иныя явленія природы, даже перемѣны въ самой человѣческой мысли—на всѣ эти вопросы наука частью уже отвѣчаетъ, частью вѣритъ въ возможность дать отвѣтъ. Но „для чего, какова *конечная* цѣль жизни—на эти вопросы настоящая, серьезная, а не призрачная наука и не пытается даже отвѣчать, эти вопросы выходятъ за ея предѣлы.

Третьимъ тяжелымъ ударомъ, поразившимъ многихъ и особенно въ послѣдніе дни—утрата вѣры въ возможность кореннымъ образомъ измѣнить жизнь перемѣной внѣшнихъ, общественныхъ и политическихъ формъ *). Для наиболѣе сознательныхъ стало очевиднымъ, что эти внѣшнія перемѣны, *нужныя* и *важныя*, только тогда получатъ вполнѣ дѣйствительное значеніе, когда рядомъ съ этимъ произойдетъ и глубокое *духовное* перерожденіе самой человѣческой личности, которой надлежитъ освятить своимъ внутреннимъ содержаніемъ эти новыя формы.

Но что дастъ толчекъ къ этому перерожденію? Религій нѣтъ, наука безсильна. *Внѣрелигіозная* этика, проповѣдующая добро ради самого добра, какъ вполнѣ отвлеченнаго начала, въ самомъ своемъ корнѣ носитъ въ себѣ зерно безнадежнаго отчаянія, особенно при соприкосновеніи съ окружающею дѣйствительностью. Чеховскія же утѣшенія, что на нашихъ слезахъ черезъ двѣсти, триста, а то и тысячу лѣтъ вырастетъ счастье будущаго человѣчества, несмотря на свой возвышенный, безкорыстный и благородный характеръ, все-таки едва ли кого утѣшатъ, отнимая отъ *современнаго* человѣка всякую надежду пріобрѣсти *теперь* нѣчто цѣнное и прочное для него самого; наконецъ и сами усилія, которыя должны дать плоды черезъ тысячу лѣтъ, какъ-то лишаются той напряженности, той бодрости, той двигательной энергіи, безъ которой всякое дѣло вянетъ, какъ цвѣтокъ безъ свѣта и воды. И снова встаютъ вопросы: зачѣмъ и для чего?

Неудивительно поэтому, что современная мысль въ своемъ великомъ и тяжеломъ исканіи обратилась къ тѣмъ теченіямъ, которыя объединяются подъ общимъ названіемъ *оккультизма*. Правда, для нѣкоторыхъ мѣстностей этотъ поворотъ объясняется какъ простое и въ сущности безполезное заполненіе пустого мѣста, вызваннаго паденіемъ общественныхъ интересовъ и общественной жизни. Въ этомъ взглядѣ можетъ быть и кроется доля правды, но развѣ лишь въ отношеніи тѣхъ поверхностныхъ из-

*) См. ст. Волынскаго въ сборникѣ „Куда мы идемъ“. Москва. 1910 г., стр. 25.

слѣдователей, для которыхъ общественная дѣятельность въ свое время являлась такимъ же моднымъ препровожденіемъ времени, какимъ теперь сталъ для нихъ современный оккультизмъ.

Но судить по нимъ о цѣломъ общественномъ движеніи—значитъ плавать на поверхности вопроса.

Правда, періоды паденія общественной дѣятельности зачастую въ то время являются періодами расцвѣта религіозной или даже мистической мысли. Но видѣть въ этихъ теченіяхъ лишь плодъ „безвременья"—едва ли справедливо. Здѣсь только дѣйствуетъ вполнѣ обыкновенный и жизненный *законъ*, по которому дѣятельности *физической* предшествуетъ дѣятельность *духовная*, и обратно. Иначе въ сущности и быть не можетъ, потому что всякая внѣшняя дѣятельность является результатомъ дѣятельности внутренней, которую она выдѣляетъ во внѣ, осуществляя въ формахъ.

Но настаетъ періодъ, когда созданныя формы исчерпываютъ вызвавшую ихъ идею, и является необходимость въ новомъ *духовномъ* уже творчествѣ, и *внѣшняя* дѣятельность какъ бы падаетъ, замираетъ, уходитъ во внутрь, сосредоточивается. Начинается новый періодъ внутренней, невидимой, „подземной" работы—работы Духа, подготовляющаго тѣ матрицы, въ которыя выльется послѣдующая, „надземная", видимая дѣятельность жизни. И современное „богоисканіе", выражающееся въ самыхъ разнообразныхъ, подчасъ противорѣчивыхъ формахъ, отъ религіозно-философскихъ обществъ до изученія „магіи", отъ ницшеянства до уходящихъ въ глубь народной толщи разнообразныхъ религіозно-мистическихъ сектъ—все свидѣтельствуетъ объ одномъ, а именно о переживаніи нами періода новаго духовнаго творчества, новыхъ мукъ рожденія тѣхъ новыхъ духовныхъ истинъ, которымъ суждено дать начало и новымъ формамъ жизни.

Не входя не только въ подробный, но и приблизительный разборъ и оцѣнку этихъ теченій, можно выдѣлить изъ нихъ одну главную, основную, если не всегда сознаваемую, то какъ бы предчувствуемую ноту, которая вмѣстѣ съ тѣмъ является и отличительнымъ признакомъ того, что объединяется подъ именемъ оккультизма. Нота эта заключается въ признаніи того факта, что *истинное знаніе, правильнѣе сказать—вѣдѣніе, является результатомъ не однихъ лишь умовыхъ пріобрѣтеній, а гармоническаго развитія всѣхъ явныхъ и скрытыхъ способностей человѣка, дающихъ ему возможность непосредственнаго воспріятія извѣстныхъ истинъ не только въ видѣ логическихъ выводовъ, но и реальныхъ переживаній ихъ какъ осязаемыхъ фактовъ.*

Это живое соприкосновеніе съ невѣдомыми намъ, но вполнѣ дѣйствительными и дѣйственными сущностями вводитъ насъ и въ область *Мистики,* которую *совершенно превратно* принимаютъ за область туманныхъ, расплывчатыхъ грезъ.

„Мистика,—по словамъ Вл. Соловьева,—для большинства сдѣлалась синонимомъ всего неяснаго и непонятнаго, что и совершенно естественно, ибо хотя среда мистики не только сама обладаетъ безусловно ясностью, но и все другое она одна только можетъ сдѣлать яснымъ, но именно вслѣдствіе этого для слабыхъ и невооруженныхъ глазъ свѣтъ ея не выносимъ и погружаетъ ихъ въ абсолютную темноту".

Такимъ образомъ оккультизмъ, а съ нимъ и Мистика признаютъ съ одной стороны существованіе особой, хотя и не отдѣльной части этого міра, не воспринимаемой большинствомъ современныхъ людей, но соприкосновеніе съ которой даетъ прямой и ясный отвѣтъ, на многіе мучащіе современное человѣчество вопросы, съ другой—возможность этого соприкосновенія съ указаніемъ вполнѣ опредѣленныхъ путей, какъ этого достигнуть*); такъ, напримѣръ, епископъ Феофанъ въ своемъ „Краткомъ очеркѣ аскетики" **) прямо говоритъ, что „цѣль, къ которой долженъ все свое вниманіе и всѣ труды направлять обратившійся, и есть послѣдняя цѣль человѣка и домостроительства спасенія, именно Богообщеніе, *живой союзъ съ Богомъ*, удостоеніе *вселенія Его*". При этомъ, добавляетъ авторъ, „это вселеніе Бога не есть только мысленное, какое бываетъ въ Богомысліи отъ лица человѣка и въ благоволеніи со стороны Бога, а есть *живое жизненное, къ кому тѣ должны быть почитаемы только средствомъ*". Суть же этого единенія заключается въ томъ, что „*не поглащая силъ и лица человѣческаго, Богъ является дѣйствующимъ въ немъ*". Епископъ Феофанъ указываетъ три вида Богообщенія: „одно—мысленное, бывающее въ періодъ обращенія, а другія два—дѣйствительныя, но одно изъ нихъ—сокрытое, невидимое для другихъ, незнаемое самимъ ***) другое же—и для себя и для другихъ явное".

---

*) Каково содержаніе этой оккультной стороны и какіе факты подтверждаютъ ея существованіе, я не касаюсь, отсылая интересующихся къ спеціальнымъ сочиненіямъ, какъ, напр., „Философія Мистики" Морисъ Дю-Прейля, „Древняя Мудрость" Анни Безантъ и др.

**) Еп. Феофанъ. „Путь ко спасенію" (Краткій очеркъ аскетики) 3-я часть. Изд. 8. Моска 1899 г., стр. 175, 176 и 177.

***) Имѣется въ виду Богообщеніе въ таинствахъ.

Результатомъ этого Богообщенія, по словамъ Исаака Сиріанина, приведеннымъ тѣмъ же авторомъ, является „духовное познаніе твореній“. Получившій это познаніе не учится, не изслѣдуетъ, но созерцаетъ славу Христову, наслаждается удовольствіемъ *созерцанія тайнъ новаго міра*. Такое *совершенство* познанія приходитъ съ пріятіемъ Духа, Который вводитъ духъ нашъ въ тотъ міръ, порядокъ или *область созерцанія*. Духъ святый отъемлетъ отъ души покрывало, восхищаетъ ее въ оный вѣкъ и *вся чудная ей показуетъ*“ *).

Говоря объ этихъ возможностяхъ, подходимъ къ одной изъ самыхъ важныхъ и отвѣтственныхъ сторонъ даннаго вопроса.

Книжный рынокъ въ послѣднее время положительно наводненъ всякими изданіями, гдѣ подъ флагомъ хата-іоги, зоизма, ментализма и другихъ еще измовъ преподаются всякіе „практическіе пріемы“ для овладѣванія волей людей и проникновенія въ заманчивый своей тайной оккультный міръ.

Оставляя въ сторонѣ изданія чисто шарлатанскаго пошиба, разсчитанныя лишь на сбытъ подъ флагомъ модныхъ заглавій, остановлюсь вкратцѣ лишь на тѣхъ, правда очень немногихъ, гдѣ все же указаны кое-какіе пріемы, могущіе привести къ реальнымъ результатамъ. Эти послѣднія должны быть признаны въ тысячу разъ болѣе опасными, нежели первыя. Тамъ вы рискуете только напрасно истратить сравнительно небольшую сумму денегъ и время на прочтеніе ненужнаго хлама.

Вторыя могутъ принести непоправимый вредъ.

Есть у Леонида Андреева разсказъ, какъ деревенскій батюшка въ ожиданіи поѣзда пошелъ прогуляться возлѣ желѣзнодорожной станціи, взобрался, съ цѣлью разсмотрѣть, на стоящій подъ парами паровозъ, заинтересовался хитрымъ механизмомъ, повернулъ какъ-то рычагъ и вдругъ съ ужасомъ замѣтилъ, что движется. Хотѣлъ остановить, но съ испуга сдѣлалъ не то, что нужно. „Повернулъ что-то батюшка: паровозъ прыгнулъ впередъ, какъ кошка, и побѣжалъ такъ быстро, что въ ушахъ завыло отъ вѣтра. А еще что-то повернулъ, не то дернулъ—надъ головой раздался дикій оглушительный свистъ, не то ревъ, что-то ужасное, окончательно невозможное“.

Легко „повернуть“, остановить труднѣе, особенно когда не ты владѣешь силой, а она владѣетъ тобой. Между тѣмъ это и

*) „Аскетика“ еп. Феофана, стр. 184; Ис. Сир. Слово 55; Мак. Вел.: Слово о возвыш. ума § 13, о свободѣ 24, 20 и 21.

ждетъ неопытнаго новичка, желающаго безъ знанія и соотвѣтствующей внутренней подготовки насильно проникнуть въ невѣдомый міръ.

Въ лучшемъ случаѣ рискуетъ разстройствомъ нервовъ, галлюцинаціями, отсутствіемъ сна, въ худшемъ—тяжелымъ психическимъ недугомъ и смертью.

Оккультизмъ не шутка. Можно, пожалуй, не вѣрить въ него и все-таки не относиться легко къ подобнымъ опытамъ, зная, что они направлены къ тому, чтобъ тѣмъ или инымъ образомъ воздѣйствовать на нервную систему.

Не лишне только обратить вниманіе на одно интересное обстоятельство, мимо котораго часто проходятъ люди даже религіознаго склада, не говоря уже о скептикахъ.

Многіе учители церкви, признанные авторитеты, указываютъ на *опасность* мистическаго подвига, который долженъ проходиться *не иначе какъ подъ руководствомъ учителя*, при чемъ онъ самъ долженъ быть опытнымъ „зрителемъ свѣта“ *). Епископъ Феофанъ доходитъ до утвержденія, что даже неправильная молитва можетъ привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ до безумія и самоубійства включительно **). Но если это такъ въ отношеніи молитвы, то что говорить о разныхъ рецептахъ, исходящихъ отъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ скрывающихъ свое имя подъ таинственными псевдонимами и ссылающихся на невѣдомыхъ маговъ или чародѣевъ.

Отвѣтъ ясенъ.

Но гдѣ найти настоящаго учителя?

На этотъ вопросъ древнее оккультное изреченіе даетъ прямой отвѣтъ: „Когда готовъ ученикъ—готовъ и учитель ***). Значитъ надо только готовиться, страстно искать, *заслужить*. „Ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ“.

Но путь дологъ и труденъ. Указать этотъ путь—вотъ главная задача этого труда. Иллюстрирующія текстъ выписки имѣютъ цѣлью съ одной стороны подтвердить высказанную мысль ссылкой на извѣстные авторитеты, тѣхъ самыхъ „опытныхъ зрителей

---

*) См. Павелъ Аникіевъ. „Мистика пр. Симеона Новаго Богослова“. СПБ., 1906 г., стр. 79, 84, а также изслѣдованіе С. Смирнова „Духовный отецъ въ древней восточной церкви“. Серг. Посадъ, 1906 г., гл. I.

**) См. „О трехъ образахъ вниманія и молитвы“ Еписк. Феофана. Москва, 1901 г., стр. 5.

***) Ту же мысль находимъ и у Феофана: „дивно, что ищущему искренно всегда подается истинный руководитель“ („Аскетика“, стр. 197).

свѣта", о которыхъ было говорено, съ другой—наглядно выяснить, насколько эти основныя положенія общи *всѣмъ* великимъ религіямъ и учителямъ, что въ свою очередь является лишнимъ, хотя и косвеннымъ доводомъ въ пользу ихъ правильности. Но главный авторитетъ, къ которому взываетъ авторъ — это совѣсть самого читателя. Всякій совѣтъ, всякая мысль, которая не выдержитъ этого испытанія, должна быть безусловно отложена по крайней мѣрѣ на время, ибо еще мало понять мысль, а важно правильно понять.

Правильно же понятый Законъ не можетъ противорѣчить нашей совѣсти, которая является отраженіемъ единаго общаго Закона, управляющаго всѣми и всѣмъ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ отмѣтить чисто житейскій, въ самомъ будничномъ значеніи слова, смыслъ всего изложеннаго, потому что величайшая школа жизни—это и есть столь презираемыя нами будни.

Я чувствую, что у многихъ это вызоветъ большое разочарованіе. „Какъ,—скажутъ они,—плѣнительныя двери величайшихъ тайнъ открываются въ концѣ пути черезъ эти скучныя, столь опротивѣвшія будни, гдѣ все такъ ясно, такъ плоско, такъ просто?"

Увы, да! „Все просто и непросто,—сказалъ одинъ умный профессоръ *), все житейско и нежитейско"!

Океанъ невѣдомаго бьетъ волнами въ обиходъ, человѣкъ пускаетъ длинные корни въ иныя почвы, нежели эта почва. Воспріимчивость его обостряется, душа его становится чуткою и вѣщею, примѣчающею то, что для другихъ неуловимо, чего не замѣчаетъ разслабленная рефлексіей душа. Таинственное вростаетъ въ обиходъ, *обиходъ дѣлается частью таинственнаго*. Важны не внѣшніе факты, а наше отношеніе къ нимъ, умѣніе не только глядѣть, но и увидѣть.

Мудрецъ въ каплѣ росы почуетъ цѣлый міръ, невѣжда и въ солнцѣ признаетъ лишь большой фонарь, ибо мудрость, какъ и Царство Небесное—внутри васъ. Тамъ и нужно ихъ искать.

---

*) Павелъ Флоренскій „Общечеловѣческіе корни идеализма". Сергіевъ Посадъ, 1909 г. Цѣна 25 коп. Стр. 15.

Законъ чистоты.

Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ.
Христосъ.

Будьте чисты и живите въ непорочности всѣ вы, любите свои глубокія думы; согласные въ мудрости вы придете къ концу всѣхъ страданій.
Будда.

Всякій вступающій на путь эзотеризма или мистики съ первыхъ же шаговъ наталкивается на особый способъ познаванія, называемый методомъ аналогіи (подобія). Методъ этотъ выраженъ и въ древнемъ герметическомъ изреченіи: „То, что наверху, то и внизу“, заставляя насъ вплотную подходить къ раскрытію смысла и значенія символовъ.

Дѣйствительно, кому языкъ символовъ совершенно чуждъ и кажется потому ненужнымъ затемненіемъ истины, могущей всегда и вполнѣ быть выраженной простыми ясными словами, тому предстоитъ немалый трудъ преодолѣть это препятствіе на пути къ истинному познанію вещей, познанію Мистика.

Дѣло въ томъ, что Истина не можетъ быть выражена столь ясными словами, какъ это намъ кажется, и по той простой причинѣ, что у насъ нѣтъ для этого соотвѣтствующихъ словъ. Въ сущности мы всѣ, не достигшіе настоящаго познаванія, о которомъ говорятъ Мистики, на положеніи слѣпорожденныхъ, которому зрячій хотѣлъ бы объяснить, что такое голубой цвѣтъ. Какія слова зрячій ни употребитъ, слѣпой *точнаго* значенія ихъ не восприметъ—нечѣмъ воспринять, ибо нѣтъ соотвѣтствующихъ понятій.

И упорное желаніе со стороны зрячаго передать свои ощущенія о цвѣтѣ вполнѣ точно—могутъ привести только къ полному непониманію, а то и къ абсурду. Но если точная передача немыслима, то переложеніе нѣкоторыхъ свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ переживаній все же возможно *путемъ аналогіи*.

Радостный солнечный свѣтъ, заливающій сверкающимъ багрянцемъ поле кроваво-красныхъ маковъ, яркая зелень молодой листвы, равно какъ и тихія затушеванныя краски позднихъ осеннихъ сумерекъ могутъ быть переданы музыкой. Это не будетъ совсѣмъ то же самое, но заставитъ пережить *схожее, близкое настроеніе*, которое при напряженной волѣ постигнуть истинное, утоньшаясь и совершенствуясь, можетъ привести къ нѣкоторому *предчувствію, прозрѣнію* истины, подготовляя тѣмъ путь къ ея настоящему *непосредственному* познаванію.

Къ такому предчувствію и прозрѣнію приводитъ вдумчивое и серьезное изученіе символовъ, которыхъ, къ слову сказать, отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ аллегоріями.

Аллегоріей называется предметъ или дѣйствіе внѣшнее и *вполнѣ произвольно* связанное съ какой-либо отвлеченной идеей. Такъ, напримѣръ, якорь часто является аллегорическимъ изображеніемъ надежды, но съ тѣмъ же основаніемъ можно было бы воспользоваться для этой цѣли изображеніемъ веревки, воздушнаго шара, цвѣтка или всякаго иного предмета. Въ символѣ же дѣйствуютъ тѣ же силы, тѣ же законы, какъ и въ тѣхъ явленіяхъ, для которыхъ этотъ символъ является какъ бы внѣшнимъ знакомъ. Иначе выражаясь, *символъ есть отраженіе подлинной дѣйствительности въ зеркалѣ нашего внѣшняго матеріальнаго міра.* При этомъ чистота этого отраженія зависитъ не столько отъ зеркала, сколько отъ степени зрячести нашихъ глазъ.

Такимъ образомъ, каждый предметъ, каждое существо, каждое явленіе жизни въ сущности являются символами отразившихся въ нихъ общихъ законовъ, воспринимаемыхъ не въ формѣ отвлеченныхъ понятій, а живыхъ реальностей.

Именно это и имѣлъ въ виду Гёте, когда утверждалъ, что „истинная символика состоитъ въ томъ, что частное выражаетъ общее не какъ мечта и тѣнь, а какъ живое мгновенное откровеніе непостижимаго“ *).

Если мы это хорошо поймемъ и не только поймемъ, но и переживемъ и воспримемъ, то въ совершенно иномъ свѣтѣ покажутся намъ такъ называемые обряды, т. е. *рядъ символическихъ дѣйствій, непосредственно связывающихъ насъ съ рождающими ихъ первоидеями или первосущностями.*

Внѣшній наблюдатель зачастую воспринимаетъ ихъ только какъ *аллегоріи;* для знающаго — это живые и дѣйственные *символы.*

Къ числу такихъ символическихъ дѣйствій принадлежатъ употребляющіяся во всѣхъ почти религіяхъ различнаго рода омовенія. Совершаетъ передъ молитвой религіозное омовеніе (намазъ) всякій правовѣрный магометанинъ, то-же дѣлаетъ и благочестивый индусъ, моетъ руки передъ тѣмъ, чтобъ приступить къ совершенію таинства, и христіанскій священникъ и это омовеніе

---

*) Обстоятельное развитіе этой идеи см. въ превосходной статьѣ Франка, въ августовской книгѣ „Русской мысли“ за 1910 г. „Изъ этюдовъ о Гёте“.

входитъ въ обрядъ не какъ простая привычка, а какъ обязательное постановленіе *).

Малое, частное, конкретное отражаетъ великое, общее — законъ. И законъ чистоты или очищенія несомнѣнно принадлежитъ къ числу первыхъ, съ которыми долженъ столкнуться „вступившій на путь". Прежде всего онъ долженъ проявиться у него въ самой грубой, низшей формѣ—соблюденіи чистоты физической. Какое огромное значеніе для здоровья имѣетъ чистота нашего тѣла, рукъ, ногъ, лица, одежды и всей нашей обстановки, комнаты, домашней утвари, посуды, постели, бѣлья, *воздуха*, двора, улицъ—объ этомъ достаточно ярко свидѣтельствуетъ современная наука, которая съ цифрами въ рукахъ доказываетъ, что девять десятыхъ самыхъ отвратительныхъ болѣзней происходятъ именно отъ нечистоты. Сознать это (а не сознавать можетъ лишь круглый невѣжда) достаточно, чтобъ опредѣлить всѣ вытекающія изъ сего обязанности не только передъ самимъ собой, но и передъ всѣми людьми, даже передъ цѣлымъ міромъ, потому что нарушеніе этого закона однимъ непосредственно вліяетъ и на всѣхъ остальныхъ. Заразившійся отъ грязи въ свою очередь является источникомъ заразы, навлекая на себя тѣмъ всѣ тяжелыя послѣдствія великаго закона Кармы **). „Закрывайте землей каждое гніющее вещество, которое увидите на своемъ пути", говоритъ знаменитый докторъ-филантропъ Распайль. ***) „Дѣйствуя такимъ образомъ вы, можетъ быть, спасете этимъ одного изъ вашихъ ближнихъ".

Этотъ совѣтъ уже показываетъ ту широту, съ которой законъ чистоты долженъ быть воспринятъ. Мало того, что самые обыкновенныя требованія чистоты должны войти въ нашъ ежедневный обиходъ, превратиться въ крѣпко укоренившіяся привычки, онъ долженъ слиться съ нашимъ существомъ настолько тѣсно, что всякое нарушеніе должно вызвать съ нашей стороны стремленіе его возстановить.

Если всякій мало-мальски культурный человѣкъ считаетъ необходимымъ утромъ и вечеромъ умыть лицо, шею и руки, то

---

*) Это особенно сказывается у магометанъ. Если часъ молитвы застигнетъ послѣдователя корана въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ воды, то „омовеніе" онъ можетъ произвести пескомъ.

**) О немъ см. „Свѣтъ на пути. Ученіе о Кармѣ". Сост. Е. П. Изд. Посредника. М. 1905 г. Цѣна 30 к. „Сокровенная религіозн. филос. Индіи" Брамана Чаттерджи. Перев. Е. П. Цѣна 80 к. Karma par Annie Besant. Paris 1907. и др.

***) „Manuel annuaire de la santé—1907". T. v. Raspail, Paris.

для „вступившаго на путь“ это уже недостаточно и онъ долженъ стремиться хотя бы одинъ разъ въ день обмыть *все тѣло*.

Каждое пятно на платьѣ должно быть разсматриваемо какъ признакъ болѣзни на живомъ организмѣ и такая же точка зрѣнія должна быть распространена на всѣ окружающіе предметы.

Но особенное вниманіе должно быть удѣлено тому, изъ чего строится нашъ организмъ, что проникаетъ въ самыя нѣдра нашего тѣла, чтобъ затѣмъ превратиться въ частицу насъ самихъ.

Что сказали бы мы относительно домостроителя, который, приступая къ работѣ, заготовилъ бы завѣдомо недоброкачественный гнилой матеріалъ или въ недостаточномъ количествѣ? По меньшей мѣрѣ назвали бы недобросовѣстнымъ, какъ назвали бы безумнымъ того, который собралъ бы матеріалъ, хотя и хорошій, но вдвое больше того, что нужно, и крылъ бы домъ не простымъ желѣзомъ, а броневыми плитами, какъ боевой корабль.

А между тѣмъ въ жизни, въ дѣлѣ строительства нашего тѣла, одного изъ самыхъ цѣнныхъ нашихъ орудій, мы всѣ въ большинствѣ случаевъ являемся и безумными, и недобросовѣстными.

Врачи неоднократно свидѣтельствуютъ о томъ, что многія заболѣванія, въ особенности у дѣтей, происходятъ отъ перекармливанія. Неумѣренность въ пищѣ у взрослыхъ встрѣчается гараздо чаще, чѣмъ мы это предполагаемъ. „Вставайте изъ-за стола съ легкимъ желаніемъ еще съѣсть кусочекъ!“ совѣтуетъ д-ръ Распайль. Почти то же совѣтуетъ преподобный Нилъ Сорскій: „Дневную мѣру или количество пищи, сказали отцы, пусть каждый установитъ самъ для себя съ тѣмъ, что если окажется излишней и производящей тяжесть, то уменьшилъ бы, а когда усмотритъ, что принятая имъ мѣра недостаточна къ поддержанію тѣла, то пусть сдѣлаетъ малую надбавку; и, такимъ образомъ, дознавъ основательно— опытомъ, назначитъ себѣ такое количество пищи, которое можетъ поддерживать силы тѣла его, служа не сластолюбію, но истинной нуждѣ“ *).

Еще большее значеніе имѣетъ качество самой пищи или, правильнѣе говоря, ея составъ.

Всякая пища, вносящая въ наше тѣло элементы раздраженія, злобы, чувственности, т. е. всего того, что способствуетъ утвержденію въ насъ нашей низшей животной природы, должна

---

*) „Препод. и Богоносный отецъ нашъ Нилъ, сподвижникъ сорскій“. Рект. костр. духовн. семинар. Архим. (нынѣ еписк.) Іустинъ. М. 1902 г., изд. 4-е, стр. 52. То же находимъ въ наставленіяхъ Аввы Дорофея и др.

быть отвергнута или, по крайней мѣрѣ, доведена до возможно рѣдкаго употребленія. Такой пищей, прежде всего, является пища мясная, которая почему то считается и наиболѣе питательной. Насколько подобное мнѣніе является крайне преувеличеннымъ наглядно видно изъ слѣдующей таблицы, показывающей въ граммахъ содержаніе одного килограмма различныхъ пищевыхъ веществъ *).

НАИМЕНОВАНІЕ ПРОДУКТОВЪ.	Вода.	Бѣлковыя вещества.	Жировыя вещества.	Углеродныя вещества.	Минеральныя соли.
	Въ граммахъ.				
Жаркое	699	229	51,9	—	10,5
Яйцо	756	122	107	5	10
Ячмень	130	134	28	636	45
Кукуруза	177	128	70	599	11
Чечевица	115	265	25	580	16
Миндаль	54	242	537	72	29
Сыръ	346	335	250	—	33,5
Рисъ	144	64	4	636	45

„Изъ этой таблицы, говоритъ проф. Лефевръ, видно, что мясо, будучи очень богато азотомъ, бѣдно углеродистыми веществами и должно быть отнесено къ продуктамъ *неполнаго питанія.*

„Напротивъ того, хлѣбные злаки и въ особенности овощи обладаютъ выдающейся питательной силой".

Но помимо этихъ чисто научныхъ данныхъ, могущихъ быть полученными путемъ простого химическаго анализа, оккультизмъ свидѣтельствуетъ еще о другихъ обстоятельствахъ, относящихъ мясо къ продуктамъ не только малопитательнымъ, но и просто вреднымъ.

Всѣмъ музыкантамъ извѣстно, что чѣмъ чаще играть на инструментѣ, тѣмъ лучше онъ звучитъ. Въ немъ, этомъ инстру-

*) „Научное изслѣдованіе вегетаріанства" профес. Лефевра. Вегетаріанское обозрѣніе 1910 г., № 5.

ментѣ, даже когда перестаете играть, продолжаютъ вибрировать*), неуловимыя звуковыя волны, которыя какъ бы гармонизируютъ самый составъ вещества, изъ котораго инструментъ сдѣланъ. Нѣчто подобное происходитъ и съ тѣломъ. Оно вибрируетъ сообразно тѣмъ ощущеніямъ, волненіямъ, впечатлѣніямъ, которыя испытываетъ его обладатель. А отсюда явствуетъ, что тѣла животныхъ до нѣкоторой степени насыщены животными свойствами душъ ихъ обладателей. Если же къ этому прибавить то состояніе ужаса, предсмертной тоски, которое испытываютъ они входя въ бойню, состояніе, которое не можетъ не отразиться и на физической ихъ оболочкѣ, вызывая въ ней соотвѣтствующія вибраціи ужаса, тревоги, тоски—то роль мясной пищи на нашъ организмъ станетъ еще очевиднѣй. Даже позитивная наука подходитъ до нѣкоторой степени къ признанію этой роли изслѣдованіями надъ токсинами—этими сильнѣйшими ядами, выдѣляемыми организмами подъ вліяніемъ страданія, и многіе изъ врачей, *не вегетаріанцевъ*, при столь частыхъ теперь нервныхъ заболѣваніяхъ воспрещаютъ употребленіе мясной пищи.

Большинство религій учрежденіемъ постовъ, какъ бы приходитъ на помощь человѣческой слабости, пріучая къ воздержанію отъ мясной пищи и переходу къ пищѣ болѣе нормальной путемъ чисто механическаго установленія. Не признавая ничего по существу „нечистымъ", христіанство тѣмъ не менѣе опредѣляетъ: „Если епископъ, или діаконъ, или вообще изъ священнаго чина будетъ ѣсть мясо въ крови души его **) или „звѣроядину„ или мертвечину, да будетъ изверженъ; ибо сіе законъ запретилъ. Если же это содѣлаетъ мірянинъ—да будетъ отлученъ" (правила св. Апостоловъ § 63).

Болѣе опредѣленно по этому же вопросу высказывается Нилъ Сорскій. „Невозбранно ѣсть все, пишетъ онъ, но немощнымъ вѣрою или душею, т. е. тѣмъ, которые по выраженію Григорія Синаита, не имѣютъ увѣренности и убѣжденія въ томъ, что будутъ сохранены отъ Бога и вкусятъ безвредно, имъ Апостолъ велитъ зеліе ясти" (Римл. 14—2).

Вегетаріанцами были пиѳагорейцы, теперь большинство индусовъ и послѣдователей Будды, обнимавшаго любовью всѣ существа.

„Да будутъ счастливы всѣ существа, восклицалъ онъ, да живутъ всѣ они въ радости и довольствѣ! Всѣ живыя существа,

---

*) Вибрація—дрожаніе, колебаніе.

**) Удавленнаго (Дѣян. Ап. 15—29).

которыя только есть на свѣтѣ, и слабыя и сильныя, и длинныя и короткія, и большія и среднія, и великія и малыя, видимыя и невидимыя, живущія близко или далеко, рожденныя или только еще носимыя въ утробѣ,—всѣ они да будутъ счастливы!“ [1]).

Вотъ почему, если противъ употребленія мяса свидѣтельствуетъ наша собственная тѣлесная выгода, то еще въ большей степени къ этому же приводитъ необходимость очистить свою совѣсть отъ сознанія утвержденія своей животной жизни на счетъ чужого страданія, чужого права на жизнь.

Если красть что либо у человѣка считается позорнымъ, то позорнымъ должна считаться всякая кража. Если убійство всѣми признается тягчайшимъ преступленіемъ, то *преступно всякое убійство*, какими бы доводами разсудка и общей полезности мы ни вздумали бы его оправдать.

Нужно громко заявить, и въ особенности теперь, что идея жертвы единичной, *чужой* жизнью ради общей пользы принадлежитъ къ числу величайшихъ и злѣйшихъ искушеній, которымъ подвергалось человѣчество. Во имя ея распятъ былъ Христосъ, [2]) во имя ея происходили ужасы инквизиціи и ею же освѣщались кровавыя жертвы, когда свирѣпымъ божествамъ приводилось на закланіе до 70.000 человѣческихъ существъ въ день [3]).

Чувствовалъ это и нашъ великій прозорливецъ Достоевскій.

— Скажи мнѣ, Алеша, спрашиваетъ Иванъ Карамазовъ брата, могъ бы ты основать счастье всего человѣчества на крови одного маленькаго замученнаго?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ тотъ.

Только вполнѣ и, пожалуй, сознательно затуманенное сознаніе можетъ дать другой отвѣтъ.

Если нужна жертва — можно и должно пожертвовать только самимъ собой [4]).

---

[1]) „Сутта-Нипата“ сборн. бесѣдъ и поученій. Буддійская канонич. книга, перев. на англійскій яз. Др. Фаусболлемъ. Русск пер. Н. И. Герасимова издан. Восточн. библіотеки, М. 1899 г., стр. 48—Сутта, VIII—144—146.

[2]) „Лучше умереть одному человѣку, нежели всему народу погибнуть“ (Еванг.).

[3]) Напр. въ Мексикѣ см. „Histoire de la conquête du Mexique“ par W. Prescott publié en France par A. Pichot. Paris 1846 vol. 1 page rog 63.

[4]) См. „Законъ жертвы“.

* * *

Второе внѣшнее требованіе, съ которымъ неизмѣнно придется встрѣтиться каждому вступившему на путь—это безусловный отказъ отъ употребленія алкоголя.

Каково его разрушительное дѣйствіе на организмъ и въ особенности на самые тонкіе и нѣжные мозговые центры объ этомъ говорить не приходится. Болѣе или менѣе это всякому извѣстно.

Къ этому можно только прибавить, что всѣ обладающіе зрѣніемъ невидимаго міра свидѣтельствуютъ о томъ, что алкоголь дѣйствуетъ подобно сѣрной или азотной кислотѣ на живую ткань тѣхъ органовъ, которые воспринимаютъ болѣе тонкія и напряженныя вибраціи иныхъ плановъ бытія *).

Неудивительно поэтому, что всѣ почти опытные „зрители свѣта“ убѣждали своихъ послѣдователей воздерживаться отъ употребленія этого не только физическаго, но и духовнаго яда. „О, вѣрные!, восклицаетъ Магометъ, вино, азартныя игры, идолы и гаданіе по стрѣламъ — все это мерзость, изобрѣтенная сатаной. Воздержитесь отъ нихъ и будете счастливы. Сатана хочетъ возбудить ненависть и вражду среди васъ виномъ и игрой и отдалить отъ васъ память о Богѣ и молитвѣ“ **).

Въ книгѣ Левита (Гл. 10—9) имѣется прямое указаніе на дѣйствіе вина въ связи съ вибраціями высшихъ міровъ: „И сказалъ Господь Аарону, говоря: и вина, и крѣпкихъ напитковъ не пей ты и сыны твои съ тобою, когда входите въ скинію собранія (или приступаете къ жертвеннику), чтобы не умереть. Это вѣчное наставленіе въ роды ваши“.

Таковы требованія соблюденія закона чистоты на низшемъ, физическомъ планѣ жизни, требованія, имѣющія, какъ всякіе *живые* символы, огромное практическое значеніе.

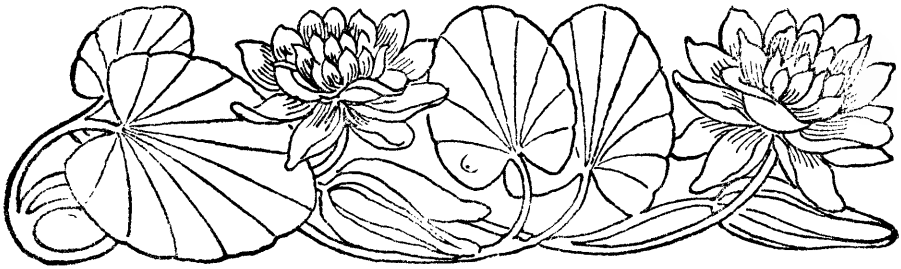
Е. Кузьминъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

---

*) Объ этихъ органахъ или чакрамахъ см. Дю-Прель („Философія Мистики“). также упоминаетъ о нихъ, говоря о томъ, какимъ образомъ ясновидящіе воспринимаютъ свои впечатлѣнія.

**) Коранъ. Гл. V, 92—93.



Л. Н. Толстой о смыслѣ жизни.

Задачей настоящаго очерка я поставилъ себѣ выясненіе отношенія Л. Н. Толстого къ вопросу о смыслѣ жизни и дѣлаю это вотъ почему:

Вопросъ о смыслѣ жизни—это самый жгучій и притомъ неизбѣжный вопросъ для каждаго человѣка; тѣмъ или инымъ разрѣшеніемъ его опредѣляется характеръ всего міровоззрѣнія и міроотношенія человѣка. Какихъ бы взглядовъ вообще ни держался человѣкъ на жизнь свою и окружающихъ его, какого бы ни былъ направленія его умственный укладъ—скептикъ, вѣрующій, матеріалистъ, мистикъ, самый серьезный ученый или просто заурядный обыватель, никогда и ни надъ чѣмъ не задумывающійся — никому изъ нихъ не уйти отъ этого вопроса и не избѣжать необходимости его рѣшить. Рѣшенія ихъ будутъ различны, быть можетъ то не будутъ даже рѣшенія, а лишь безсознательные проблески мысли, иногда даже не высказанные и выражающіеся въ формѣ тяжелаго состоянія, томительной тоски и неудовлетворенности—но всѣ одинаково подвержены фатальной необходимости остановиться на этомъ вопросѣ, такъ или иначе его почувствовать и какимъ-либо путемъ выйти изъ него, такъ какъ нельзя безнаказанно оставаться всегда въ состояніи подавленности, тоски и неудовлетворенія. Нужно жить, и если не сознательнымъ рѣшеніемъ, то своими вкусами, страстями, влеченіями, вообще всѣмъ отношеніемъ къ окружающей жизни такъ или иначе отвѣтить на вопросъ о смыслѣ жизни. Здѣсь роковая дилемма—или рѣшить вопросъ о жизни или,.. уйти изъ жизни вовсе.

Вотъ почему такъ непомѣрно, съ такой ужасающей быстротой растетъ та скорбная книга человѣчества, гдѣ каждый листъ

начинается такимъ подавляющимъ въ своей шаблонности вступленіемъ: „не вижу смысла жизни“, „не знаю зачѣмъ жить“, „жизнь ненужна и безцѣльна“ и заканчивается обычной фразой „прошу никого не винить“.

Чѣмъ дальше продвинулся человѣкъ по пути своего духовнаго развитія, чѣмъ глубже и полнѣе его внутреннія переживанія—тѣмъ отчетливѣе, сознательнѣе и духовно выше его рѣшеніе и тѣмъ большее значеніе оно имѣетъ для насъ, которымъ предстоитъ далекій путь...

Вотъ почему я изъ всѣхъ проявленій творческой дѣятельности Л. Н. Толстого выбралъ рѣшеніе именно этой проблемы.

Какъ бы мы ни относились къ взглядамъ его вообще, раздѣляемъ ихъ или нѣтъ, принимаемъ его конечные выводы или отвергаемъ ихъ—рѣшеніе имъ вопроса о смыслѣ жизни не можетъ быть для насъ безразличнымъ.

Чѣмъ выше мы ставимъ Толстого какъ художника, романиста и драматурга—тѣмъ величественнѣе встаетъ передъ нами образъ Толстого—искателя правды жизни, искателя смысла и цѣли человѣческаго существованія—ибо этимъ, только этимъ исканіямъ посвятилъ онъ большую часть своей творческой дѣятельности.

И разъ мы признаемъ, что онъ нашелъ правду красоты, искусства, правду формы, то не можемъ мы отнестись равнодушно къ его исканіямъ иной правды, которая не вмѣщалась въ отвѣтахъ Толстого-художника. И велика должна была быть въ глазахъ этого человѣка эта иная правда, если для нея онъ отказался отъ всего того, что раньше было цѣлью его жизни, если ей, и только ей, посвятилъ онъ многіе, многіе годы непрерывной работы, если такъ горячо и неудержимо рвался къ ней всѣмъ своимъ существомъ и на закатѣ своей жизни, во имя ея, такъ рѣшительно порвалъ послѣднія нити, что вязали его съ великимъ прошлымъ Толстого художника, поэта и драматурга.

Каково бы ни было наше отношеніе къ ученіямъ Толстого, мы должны остановиться передъ великой вѣхой на пути человѣчества, которую съ такой мучительной страстностью и жертвой онъ хотѣлъ водрузить; мы должны знать, въ чемъ Толстой нашелъ смыслъ человѣческой жизни, какъ рѣшалъ онъ загадку міра—ибо рѣшеніе это не только опредѣляетъ и всѣ его выводы и самую жизнь его, но и намъ дастъ энергію, силу и надежду рѣшить ее каждому для себя.

Путь Толстого въ рѣшеніи этого вопроса удивительно простъ и потому, можетъ быть, такъ великъ.

„Чтобы познать смыслъ жизни, который такъ простъ, говоритъ Толстой, не нужно ни положительной философіи, ни глубокихъ знаній, нужно имѣть только одно отрицательное качество: нужно не имѣть предразсудковъ. Нужно придти въ состояніе ребенка (или дикаря). Нужно сказать себѣ—ничего я не знаю и не хочу ничего болѣе, какъ только познать истинный смыслъ жизни, той жизни, которую я долженъ прожить“. Вотъ почему такъ рѣшительно отметаетъ онъ всѣ наши дѣйствительныя или кажущіяся цѣнности—искусство, науку и многое другое. Мы содрагались, не понимая величія и муки страшной жертвы того, кто такъ безповоротно сжигалъ все, чему поклонялся. Но великій переломъ въ его духовной жизни требовалъ и великихъ подвиговъ.

„Суета суетъ и все суета“, сказалъ Соломонъ, но кто разъ дошелъ до такого состоянія, тотъ долженъ, чтобы не упасть въ бездну отчаянія, самъ разрушить тотъ храмъ, гдѣ обитала раньше его душа, самъ долженъ сжечь все старое, чтобы возродить изъ развалинъ и пепелища новое и болѣе великое зданіе, которое могло бы удовлетворить и успокоить мятущуюся душу.

Перестраивать и передѣлывать старое, кроить лишь прежнее по новому станетъ лишь тотъ, кто не вѣритъ своей душѣ, кто боится, что не хватитъ у нея силъ и вѣры для новаго созиданія. Толстой вѣрилъ въ правду своей души и потому шелъ, не оглядываясь.

„Вся жизнь моя есть желаніе себѣ блага, говоритъ Толстой, разумъ же мой говоритъ мнѣ, что блага этого для меня быть не можетъ, и чтобы я ни дѣлалъ, чего бы ни достигалъ, все кончится однимъ и тѣмъ же: страданіями и смертью, уничтоженіемъ. Я хочу блага, я хочу жизни, я хочу разумнаго смысла, а во мнѣ и во всемъ меня окружающемъ зло, смерть, безсмыслица. Какъ быть? Какъ жить? Что дѣлать?“ вотъ тотъ поворотный моментъ во внутренней жизни Толстого, вслѣдъ за которымъ должна была наступить или бездна отчаянія или великое творческое дѣло.

Я не стану подробно останавливаться на анализѣ этого момента, такъ какъ по существу онъ знакомъ и понятенъ каждому. Его пережили всѣ или почти всѣ. Отъ геніевъ человѣчества до самыхъ незначительныхъ, малоодаренныхъ людей всѣ въ большей или меньшей степени знаютъ состояніе, когда то, что называется наслажденіемъ, счастьемъ и радостью жизни становится призрачнымъ и теряетъ свою привлекательность, когда наступаетъ особое прозрѣніе и человѣкъ ясно видитъ суетность, безсмысленность и тщету всѣхъ своихъ цѣлей, задачъ и всей своей жизни. Вся наша

и прошлая, и современная литература лишь исторія постепеннаго развитія такого кризиса.

Разница въ переживаніи такого состоянія сводится къ степени его остроты, длительности и способности выйти изъ него путемъ временнаго забвенія, способности „закрыть глаза“ и обмануть себя хоть на время.

Чѣмъ правдивѣе и чище нравственный укладъ человѣка, чѣмъ больше его умственныя способности, чѣмъ острѣе и глубже его анализъ, тѣмъ большая безотрадность и неопровержимость разлагающей критики будетъ у него въ конечномъ результатѣ.

Такіе люди лишены даже минутнаго забвенія—ни обманывать себя, принимая яркую иллюзію за дѣйствительность, ни заглушать въ себѣ внутреннее противорѣчіе ложными выводами они не могутъ. Для такихъ людей возможенъ только одинъ исходъ, если не найдено рѣшеніе...

Но когда рѣшеніе найдено, или родилась вѣра въ то, что оно найдено,—когда среди окружавшей ихъ подавляющей тьмы блеснулъ наконецъ свѣтъ, тогда возможность идти за этимъ свѣтомъ обуславливается полнымъ разрывомъ со всѣмъ прошлымъ, наступаетъ роковая необходимость съ плевелами выдергивать и добрый злакъ.

Со всей силой своего генія обрушивается Толстой на всѣ цѣнности жизни, изслѣдуетъ каждую въ отдѣльности и, при малѣйшей тѣни подозрѣнія, безпощадно отмѣтаетъ ее въ вихрѣ разрушенія; онъ оставляетъ за собой пустыню, пока не доходитъ до рокового приговора современной дѣйствительности: „Вся сложная, кипучая дѣятельность людей съ ихъ торговлей, войнами, путями сообщенія, наукой, искусствами, есть большею частью только давка обезумѣвшей толпы у дверей жизни“.

Я не буду анализировать отдѣльныхъ взглядовъ Толстого на тѣ или иныя формы нашей дѣйствительности, такъ какъ не ими опредѣляется значеніе Толстого, да и самъ онъ далеко не всегда придавалъ имъ абсолютное значеніе. Я хочу только сказать, что этотъ ураганъ, пронесшійся въ душѣ Толстого, приведшій къ обезцѣниванію, и отрицанію всѣхъ завоеваній современнаго человѣчества, явился лишь психологической необходимостью и явился какъ результатъ прозрѣнія конечнаго вывода.

Наше знаніе, искусство, вся цивилизація и общественная жизнь ведутъ или по крайней мѣрѣ способствуютъ человѣку въ стремленіи къ личному, животному благу. Въ наилучшемъ случаѣ они ему въ этомъ не мѣшаютъ и ни при какихъ условіяхъ они

не помогаютъ человѣку бороться съ своей животной личностью. Значитъ они ложны и ихъ нужно отбросить, отбросить какъ можно дальше, чтобы они насъ не смущали. Таковъ психологическій процессъ отметанія цѣнностей. Вотъ почему Толстой такъ тяжело обрушивается на всѣхъ книжниковъ, которые обольщаютъ человѣка выводами науки, даютъ ему временныя и ложныя утѣшенія и тѣмъ отдаляютъ время его прозрѣнія.

Но что же дѣлать человѣку? Какой найти исходъ, разъ всѣ тѣ вѣхи, по которымъ до сихъ поръ привыкла идти человѣческая цивилизація, указываютъ ложные пути?

Отвѣтъ одинъ—отказаться отъ предразсудковъ, т. е. отъ всѣхъ добытыхъ ложнымъ знаніемъ истинъ и довѣриться своему разуму.

Но что же такое этотъ „разумъ“ или, какъ еще иначе выражается Толстой, „разумное сознаніе“?

Разумъ это то, что опредѣляетъ все остальное и само опредѣлено быть не можетъ. *Разумъ*—это: Логосъ, мудрость, начало началъ. Да и опредѣлять его намъ нѣтъ нужды. Мы чувствуемъ всегда его присутствіе въ самомъ себѣ, мы чувствуемъ его въ другихъ, но не хотимъ только его слушать.

Не нужно смѣшивать и нужно больше всего опасаться такого смѣшенія „разума“ съ тѣмъ свойствомъ, которое мы опредѣляемъ какъ „умъ“, такъ какъ „разумъ противоположенъ уму“. „Умъ есть способность понимать и соображать жизненныя и мірскія условія“, разумъ же есть Божественная сущность души, открывающая ей ея отношеніе къ міру.

То, что говоритъ Толстой о разумѣ, весьма родственно тѣмъ выводамъ, которые начинаютъ проникать въ философію и носятъ названіе „интуитивизма“,—тому, что психологъ В. Джемсъ въ своихъ изслѣдованіяхъ религіозныхъ переживаній даетъ наименованіе „особаго вида психологической дѣйствительности“,—тому, что мы въ общежитіи называемъ „внутреннимъ голосомъ“, внутреннимъ убѣжденіемъ наперекоръ разсудку.

Этотъ разумъ убѣждаетъ насъ, что мы не можемъ удовлетворяться своимъ личнымъ, эгоистическимъ благомъ, что чувство неудовлетворенности есть результатъ всякаго достиженія, что пресыщеніе и страданіе ждутъ нашу животную личность при всякихъ условіяхъ—слѣдовательно нужно искать другого выхода.

Что искать нужно блага жизни—съ этимъ согласенъ и нашъ разумъ, онъ лишь не хочетъ соглашаться съ благомъ животной эгоистической личности— слѣдовательно нужно искать блага жизни въ иномъ.

При изслѣдованіи стремленій человѣка, мы видимъ, что въ конечномъ итогѣ ихъ по существу онъ добивается, чтобы всѣ люди по возможности больше дѣлали для него именно, а не для себя, чтобы люди ему служили, дѣлали ему пріятное, дѣлали ему все для него необходимое—словомъ поступали съ нимъ такъ, *какъ если бы они его любили больше, чѣмъ самихъ себя*, и потому Толстой приходитъ къ выводу, что благо возможно для меня только тогда, когда всѣ будутъ любить меня больше, чѣмъ самого себя.

Но развѣ это возможно при условіяхъ современной дѣйствительности? Вѣдь каждый любитъ больше всего именно себя, а не меня. Жизнь это—борьба всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ. Каждый желаетъ, чтобы его любили и служили ему, и отъ этого возникаетъ борьба, а съ нею зло и страданія. А разумъ продолжаетъ неустанно твердить лишь свое положеніе, что пока будетъ борьба, зло, страданіе, до тѣхъ поръ невозможно личное благо, счастье, удовлетвореніе.

Является неизбѣжный и послѣдній вопросъ: можно ли избѣжать какимъ-либо образомъ—борьбы, зла и страданій?

И вотъ Толстой утверждаетъ—что можно. Это возможно при одномъ непремѣнномъ условіи, если каждый будетъ любить не себя, а другихъ; тогда каждый получитъ именно то, чего онъ такъ упорно и продолжительно добивается: всѣ будутъ ему служить, всѣ будутъ ему дѣлатьи необходимое и пріятное, и—главное—будутъ дѣлать это добровольно.

Для достиженія этого не нужно будетъ употреблять ни явнаго, ни скрытаго насилія, ни грубаго, ни тонкаго обмана, не нужно будетъ напрягать силы ума на изобрѣтеніе научныхъ средствъ господства, насилія и порабощенія. Вѣдь борьба и всѣ ея послѣдствія происходятъ именно отъ того, что люди хотятъ получать и не желаютъ ничего взамѣнъ давать. Если всѣ рѣшительно хотятъ получать, то, очевидно, нѣтъ лица дающаго—въ этомъ все зло. Если, наоборотъ, всѣ будутъ давать, то и всѣ будутъ получать—ясно, что къ этому и только къ этому нужно стремиться,—ибо это единственный выходъ.

Таковъ логическій ходъ исканій Толстого.

Но возможенъ ли по существу такой исходъ? Можетъ ли человѣкъ любить всѣхъ людей? Не значитъ ли это, что нужно отречься вовсе отъ своей личности? „Нѣтъ,—говоритъ Толстой. Никто не говоритъ объ отреченіи отъ личности, Личность для разумнаго человѣка есть то же, что дыханіе, кровообращеніе для животной личности. Какъ животной личности отречься отъ крово-

обращенія? Про это и говорить нельзя. Также нельзя говорить разумному человѣку объ отреченіи отъ личности. Личность для разумнаго человѣка есть такое же необходимое условіе его жизни, какъ и кровообращеніе — условіе существованія его животной личности".

Итакъ, нужно не отреченіе отъ личности, а подчиненіе ея разумному сознанію. Когда человѣкъ пойметъ, что сущность жизни заключается не въ благѣ животной личности—ему легко и радостно будетъ отказаться отъ всѣхъ исключительныхъ ея требованій. Сдѣлать это человѣкъ сможетъ тогда лишь, когда вполнѣ уяснитъ себѣ, въ чемъ заключается сущность его животной личности, когда пойметъ ея отношеніе къ разумному сознанію и дастъ себѣ отчетъ въ назначеніи ея.

Здѣсь мы должны перейти къ мистической сторонѣ духовныхъ переживаній Л. Н. Толстого.

„Видимая жизнь наша", говоритъ Толстой, „представляется мнѣ отрѣзкомъ конуса, вершина котораго скрывается отъ моего умственнаго взора. Самая узкая часть конуса есть то мое отношеніе къ міру, съ которымъ я впервые сознаю себя. Самая широкая часть есть то высшее отношеніе къ жизни, до котораго я достигъ теперь. Начало конуса, вершина его—скрыта отъ меня во времени моего рожденія; продолженіе конуса скрыто отъ меня будущимъ одинаково невидимымъ и въ моемъ плотскомъ существованіи и въ моей плотской смерти. Я не вижу ни вершины конуса, ни основанія его, но по той части его, въ которой проходитъ моя видимая памятная мнѣ жизнь, я несомнѣнно узнаю его свойства". Такимъ образомъ наша физическая жизнь—есть одна лишь изъ страницъ безконечной жизни человѣка, одно изъ проявленій во времени и пространствѣ его „Я", которое, какъ выражается Толстой „находится внѣ времени, всегда было и есть". Наше тѣло, а съ нимъ наша физическая—т. е., по выраженію Толстого, животная личность есть лишь „орудіе жизни", это „та лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать и, копая, тупить ее и точить, тратить, а не очищать и хранить. Это талантъ, данный ему для прироста, а не для храненія". Когда мы это поймемъ, когда мы вполнѣ переживемъ отношеніе къ нашей физической личности, какъ къ органу служебному, не имѣющему никакихъ самостоятельныхъ, независимыхъ отъ разумнаго сознанія цѣлей и правъ, то намъ легко и радостно будетъ отказаться отъ служенія и угожденія нашей животной личности, какъ таковой, и будемъ удовлетворять ея притязанія, поскольку они вытекаютъ изъ ея назначе-

нія и разумнаго ея пользованія. Мы перестанемъ сберегать ее, разъ ею нужно жертвовать для интересовъ разумнаго сознанія, ибо говоритъ Толстой „кто будетъ беречь лопату, которая есть у него для приготовленія пищи, поддерживающей жизнь, тотъ сбережетъ лопату, но потеряетъ и пищу и жизнь“.

Итакъ животная личность должна служить разумному сознанію; высшая радость, высшее благо разумнаго сознанія—это любовь,—слѣдовательно этой любви, возможно полному достиженію въ истинныхъ ея формахъ и должна служить наша животная личность, а потому мы и здѣсь должны слѣдить, чтобы не позволить ей выбирать ту любовь, которая пріятнѣе, которая въ основѣ своей имѣетъ эгоизмъ, утвержденіе своего блага, которая отказываетъ, напримѣръ, одѣть иззябшаго чужого ребенка, чтобы сохранить платье на будущее для своихъ дѣтей. Любовь истинная всегда въ настоящемъ и никогда въ будущемъ, она не разсуждаетъ, а животворитъ, не хочетъ своего, а чужого. Только эта любовь даетъ благо жизни, только эта любовь можетъ устранить борьбу, зло и противорѣчіе жизни. Когда человѣкъ откажется отъ эгоистической любви, когда онъ станетъ всего себя отдавать на служеніе другимъ,—тогда исчезнетъ и страданіе и самое страшное для человѣка—исчезнетъ ужасъ смерти. Тогда онъ увидитъ прежде всего, что его физическая личность не есть что-либо постоянное и неизмѣнное, а наоборотъ—„тѣло мое все было и есть безпрестанно текучее вещество—черезъ что проявляется то невещественное и невидимое, признающее это протекающее черезъ него тѣло своимъ. Тѣло мое все десятки разъ перемѣнилось; ничего не осталось стараго, и мышцы, и внутренности, и кости и мозгъ—все перемѣнилось“. Такимъ образомъ смерть тѣла, какъ уничтоженіе его частицъ, есть нѣчто, давно намъ знакомое, и какъ уничтожаются и уходятъ отдѣльныя клѣтки послѣ выполненія своей работы, такъ и тѣло распадается по исполненіи своего назначенія. Разумное же сознаніе не уничтожается со смертью, такъ же, какъ не возникаетъ съ рожденіемъ. Съ нимъ человѣкъ приходитъ въ міръ, съ нимъ онъ и уходитъ изъ него. Куда и зачѣмъ? рождается вопросъ.

Здѣсь Л. Н. Толстой высказываетъ слѣдующую мистическую мысль: „жизнь міра совершается по чей то волѣ—которая этой жизнью всего міра и нашими жизнями дѣлаетъ свое какое то дѣло. Чтобы имѣть надежду понять смыслъ этой воли, надо прежде всего исполнять ее, дѣлать то, чего отъ насъ хотятъ. А если я не буду дѣлать того, чего хотятъ отъ меня, то я и не пойму никогда и того, чего хотятъ отъ меня, а ужъ тѣмъ менѣе, чего хотятъ отъ

всѣхъ людей и отъ всего міра". Сравнивая затѣмъ положеніе человѣка, пришедшаго въ міръ, съ наемнымъ рабочимъ на фабрикѣ, который, лишь пройдя всѣ стадіи работы, начинаетъ постепенно уяснять смыслъ и систему всего дѣла, Толстой указываетъ на исполненіе воли „Хозяина міра" какъ на единственный путь къ уразумѣнію смысла всего міра, возможности приблизиться и войти въ радость Хозяина. Разумъ привелъ насъ къ любви, и, очевидно, это и есть воля Хозяина, нужно стараться ее выполнить. Здѣсь граница познаванія и дальнѣйшее человѣку не дано знать. Человѣкъ не долженъ жаловаться, что онъ не видитъ того, что находится внѣ поля его зрѣнія, ибо если бы онъ видѣлъ то, что находится внѣ поля его зрѣнія, то не видѣлъ бы того, что находится въ самомъ полѣ зрѣнія.

„Богъ не хотѣлъ,—говоритъ дальше Толстой,—чтобы люди врозь жили, затѣмъ не открылъ имъ того, что каждому для себя нужно и хотѣлъ, чтобы они жили заодно и затѣмъ открылъ имъ то, что имъ всѣмъ для себя и для всѣхъ нужно".

Въ послѣднихъ словахъ Толстого открывается возможность *новаго мистическаго прозрѣванія*. Быть можетъ, у каждаго человѣка, помимо общаго пути, есть и свой собственный путь, но онъ пересѣкается общимъ путемъ любви, черезъ него лежитъ отдѣльный путь человѣка. Обойти его не долженъ и не можетъ человѣкъ. Лишь пройдя по этой дорогѣ, лишь отдавъ себя на служеніе всѣмъ людямъ, лишь отказавшись отъ своего блага, человѣкъ получитъ возможность познать то, что лично ему дано. Потому и не дано знать человѣку, что ему лично нужно, чтобы не обходилъ онъ этого общаго всѣмъ пути любви ко всѣмъ людямъ. Толстой твердо вѣритъ въ разумность всего міра и даже цѣлесообразность страданій, которая открывается человѣку, лишь только онъ вступитъ на путь общей любви.

Толстой вѣритъ въ то, что человѣку суждено обрѣсти максимумъ блага при минимумѣ страданій.

Въ схематической формѣ я попытался уловить генезисъ конечнаго вывода Л. Н. Толстого и прослѣдить путь, которымъ онъ пришелъ къ любви.

Принявъ исходной точкой отправленія своихъ разсужденій эгоистическое положеніе о томъ, что каждый человѣкъ желаетъ, чтобы ему было лучше, чтобы всѣ его любили больше самихъ себя, Л. Н. Толстой приходитъ къ абсолютному альтруистическому выводу—каждый долженъ любить не себя, а другихъ. Выводъ этотъ, повидимому, построенъ на раціональныхъ основаніяхъ,

и сразу можетъ показаться, что и любовь, о которой говоритъ Толстой, носитъ утилитарный характеръ. Кажется, что человѣкъ, по Толстому, долженъ жить любовью только потому, что инымъ путемъ онъ не можетъ получить любви окружающихъ, которая ему нужна для его личнаго блага. Вотъ это-то разсудочное построеніе и обоснованіе любви давало и даетъ поводъ утверждать, что Толстой совершенно чуждъ мистикѣ, что его система строго раціоналистична.

Нельзя, однако, согласиться съ правильностью такого утвержденія. Разсудочное обоснованіе нисколько не исключаетъ возможности самыхъ глубокихъ мистическихъ переживаній. Разсудокъ не можетъ вполнѣ отказаться отъ самоутвержденія, а между тѣмъ импульсы, полученные имъ изнутри, абсолютны и категоричны.

Пока звучитъ внутренній голосъ, пока стоитъ передъ человѣческимъ „Я“ картина должнаго и неизбѣжнаго, разсудокъ пассивно покоряется, но лишь замолкнетъ вибрація „Божественной сущности“ и разсудокъ вновь принимается за свою обычную работу, тогда-то наступаетъ процессъ раціонализированія категорическихъ и абсолютныхъ требованій того, что Толстой именуетъ „разумомъ“.

Вотъ почему на ряду съ разсудочными построеніями мы находимъ у Л. Н. Толстого столь мистическія утвержденія, какъ: „Воля Пославшаго“, прошлая и будущая потусторонняя жизнь, тѣло лишь какъ орудіе жизни, общій путь любви и невѣдомый личный путь, противоположеніе разсудка и разума.

Для насъ дорогъ и великъ Л. Н. Толстой какъ служитель того Вѣчнаго Разума, чей факелъ любви неугасимо горѣлъ у него всю жизнь; намъ дорогъ Л. Н. Толстой, какъ учитель жизни, а такимъ онъ дѣйствительно являлся въ тѣ минуты, когда говорилъ о всеобъемлющей и всепокоряющей любви. Въ такіе моменты голосъ его звучитъ пророчески, ибо онъ знаетъ, что провозглашаетъ абсолютную и вѣчную истину. Но когда разсудокъ вступаетъ въ свои права и пытается раціонализировать любовь, когда наступаетъ критика, а за ней отметаніе человѣческихъ цѣнностей: науки, искусства и даже религіи, для насъ Л. Н. Толстой — неутомимо ищущій и въ своихъ исканіяхъ безмѣрно страдающій человѣкъ. Онъ дорогъ и близокъ намъ тогда лишь какъ страдающій братъ, которому много дано перенесть, ибо многое ему въ царствѣ любви стало открытымъ.

И можетъ ли тогда возникать вопросъ, правъ или нѣтъ онъ въ частныхъ сужденіяхъ о жизни и человѣкѣ, когда терніями усѣянъ былъ путь его къ конечному выводу, когда жаждалъ онъ лишь одного—чтобы ничто ему не мѣшало притти къ заповѣди любви. „Я не говорю,—пишетъ онъ Дондуковой-Корсаковой,—что я одинъ въ истинѣ и что всѣ вѣрующіе иначе заблуждаются, не виноватъ же я въ томъ, что́ для меня исполненіе ученія Христа возможно только тогда, когда я признаю заповѣдь любви единой единою заповѣдью. Очень можетъ быть, что другимъ нужны при этомъ еще другія вѣрованія, мнѣ же они только мѣшаютъ“...

Не словами и разсужденіями опредѣляется для насъ значеніе Л. Н. Толстого, а дѣйственной силой его личности, той неугасаемой силой духа, которая выразилась въ его устремленіи къ вѣчной истинѣ, которая создала столь могучія и стойкія формы въ царствѣ духа, и къ нему такъ примѣнимы его же слова: „Человѣкъ умеръ, но его отношеніе къ міру продолжаетъ дѣйствовать на людей даже не такъ, какъ при жизни, а въ огромное число разъ сильнѣе, и дѣйствіе это по мѣрѣ разумности и любовности увеличивается и растетъ, какъ все живое, никогда не прекращаясь и не зная перерывовъ“.

Ибо мы знаемъ, что наступитъ время, когда человѣкъ и условія, его окружающія, измѣнятся такъ сильно, что, быть можетъ, о современныхъ великихъ цѣнностяхъ человѣчества нельзя будетъ и говорить даже, потому что самыя слова эти станутъ людямъ чужды и непонятны, когда наступитъ новая жизнь и создастся новое человѣчество, но „Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится“ (Ап. Павелъ, I посл. къ Кор., гл. 13, ст. 8).

Вендъ.

Древніе Терапевты *).

Княгиня Караджа.

Переводъ съ англійскаго Е. Максимовичъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что предметъ моей лекціи представляетъ мало интереса для современнаго общества.

Болѣе пятнадцати вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ религіозныя общины, о которыхъ я собираюсь говорить, исчезли уже съ лица земли. Что можетъ быть у насъ общаго съ тѣми молчаливыми отшельниками, жившими и умершими въ отдаленной Ливійской пустынѣ?.. Мы въ своемъ XX вѣкѣ живемъ въ водоворотѣ и стремглавъ летимъ къ могилѣ, о которой большинство изъ насъ избѣгаетъ даже думать. Наши мысли сосредоточены на сегодняшнемъ днѣ съ его лихорадочными радостями и мучительными опасеніями; ихъ мысли были постоянно направлены на славу завтрашняго дня и его совершеннаго мира. Мы строимъ блестящіе воздушные замки, которые постоянно рушатся. Они терпѣливо трудились надъ сооруженіемъ духовнаго зданія, и храмъ этотъ, хотя недоконченный, не можетъ быть окончательно разрушенъ катящимся колесомъ времени. Наши самыя возвышенныя мысли и стремленія безсмертны и не могутъ погибнуть. Каждый мужчина и каждая женщина, ведущіе благородную, неэгоистичную жизнь, прибавляютъ живой камень къ великому невидимому зданію, постройка котораго составляетъ назначеніе человѣчества.

---

*) Лекція, прочитанная въ Психо-Терапевтическомъ Обществѣ въ Кекстонъ-Голлѣ, въ Лондонѣ, 16 декабря 1909 г.

Современная наука предоставила въ распоряженіе всего человѣчества громадное количество свѣдѣній, въ древніе же времена умственное богатство было преимуществомъ посвященныхъ. Тогда развитіе сердца предшествовало развитію ума, какъ оно всегда и должно было бы быть. Въ результатѣ получалось гармоничное развитіе всѣхъ способностей. Божественное сѣмя могло завязываться, цвѣсти и приносить плоды, въ наши же дни не идутъ дальше желанія умственнаго роста и прилагаютъ мало старанія къ развитію нравственной природы человѣка, и результатъ этой неуравновѣшенной эволюціи крайне пагубенъ для человѣчества.

Для большинства людей нашего времени физическое благосостояніе составляетъ главную цѣль желаній. Здоровье тѣла, т. е. возможность наслаждаться какъ можно больше и дольше земными удовольствіями—вотъ главное, самое важное требованіе, которому приносится въ жертву все остальное. Гекатомбы живыхъ существъ, имѣющихъ такое же священное право на жизнь, какъ и мы сами, приносятся ежедневно въ жертву ненасытнаго Молоха вивисекціи въ тщетной надеждѣ купить этимъ избавленіе отъ страданій виновному человѣку.

Противъ этого, впрочемъ, къ счастью, начинается нѣкоторая реакція. Разныя общества, организованныя противниками вивисекціи, энергично работаютъ надъ разрушеніемъ горделиваго зданія, построеннаго на беззаконномъ основаніи, и молчаливые цѣлители начали воздвигать храмъ здоровья на освященной почвѣ.

Врачъ лѣчитъ или убиваетъ паціента по послѣднему слову медицинской науки. Онъ дѣйствуетъ на свой страхъ, имѣя въ распоряженіи болѣе или менѣе совершенное знаніе физическихъ законовъ, установленныхъ путемъ чисто интеллектуальной работы.

Цѣлитель употребляетъ методъ, извѣстный съ незапамятныхъ временъ и который не можетъ быть подверженъ никакимъ измѣненіямъ. Онъ передаетъ своему собрату часть своей собственной жизненной силы. Онъ живой проводникъ, черезъ который распространяется сила и благодать изъ духовныхъ сферъ на все страждущее человѣчество. Онъ идетъ рука объ руку съ Богомъ, и благословеніе всегда сопровождаетъ шаги истиннаго цѣлителя.

Перейду теперь къ настоящему предмету моей лекціи и сообщу вамъ, что мнѣ извѣстно про древнее братство Цѣлителей.

Мы не находимъ никакого упоминанія о нихъ въ Новомъ Завѣтѣ по причинамъ, которыя я объясню потомъ, но великіе

историки того времени Іосифъ и Филонъ даютъ намъ много цѣнныхъ свѣдѣній о нихъ. Флавій Іосифъ, умершій въ 93 г. послѣ Р. Х., былъ долгое время римскимъ преторомъ въ Галилеѣ. Онъ былъ знаменитымъ историкомъ и принадлежалъ къ семьѣ еврейскихъ священниковъ. Отлично знакомый со всѣми религіозными движеніями своей страны, онъ провелъ даже нѣсколько лѣтъ своей молодости среди Цѣлителей.

Философъ Филонъ былъ александрійскимъ евреемъ, левитомъ по происхожденію и современникомъ Христа. Онъ разсказываетъ въ своемъ сочиненіи De Vita Contemplativa (о созерцательной жизни), что община еврейскихъ аскетовъ, называемыхъ терапевтами, поселилась на озерѣ Мареотисъ въ сосѣдствѣ Александріи. Это было развѣтвленіе ессейскаго братства, распространеннаго по всей Палестинѣ.

Вѣрованіе и дѣятельность ессеевъ.

Ессеи были одной изъ трехъ главныхъ сектъ, на которыя подраздѣлялись евреи во времена Христа. Они повсемѣстно признавались самыми благочестивыми членами еврейской общины. Слово „ессей“ происходитъ, какъ полагаютъ, отъ арабскаго корня „хассанъ“ — быть чистымъ — или отъ еврейскаго слова „аса“—исцѣлять. Слово „терапевтъ“, какъ извѣстно, „означаетъ цѣлитель“.

Между обѣими сектами—ессеевъ и терапевтовъ—существовало большое сходство, но онѣ не были вполнѣ тождественны. Ихъ методы работы немного расходились, но принципы были общіе. Члены обоихъ обществъ были высоко развитые мужчины и женщины, настоящіе слуги Божіи, исполненные горячаго желанія способствовать подъему борящагося человѣчества. Они старались исцѣлять не только страждущее тѣло своихъ собратьевъ, но главнымъ образомъ ихъ омраченныя души. Высокою цѣлью ихъ жизни было стремленіе возвратить племени Адама духовное и физическое здоровье. Они дѣйствительно были достойны названія цѣлителей.

Едва ли какое-либо другое религіозное общество породило подобную общину святыхъ. Высоко держа знамя чистоты и святости, они надѣялись удостоиться сдѣлаться вмѣстилищемъ Божественнаго откровенія.

Программа ихъ была величественно проста.

Они давали обѣтъ:

Любить Бога превыше всего.

Выказывать милосердную справедливость по отношенію къ людямъ и животнымъ.

Вести непорочную жизнь.

Эти три обѣта въ дѣйствительности включаютъ въ себѣ всѣ наши обязанности къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ. Ничѣмъ нельзя усовершенствовать этотъ тройной нравственный законъ.

Описывая разныя секты, существовавшія въ его время среди евреевъ, Флавій Іосифъ подробно остановливается на вѣрованіяхъ и дѣятельности ессеевъ и отводитъ имъ особенно видное мѣсто.

Посторонняго наблюдателя болѣе всего поражали ихъ прекрасная организація и крайне аскетическій образъ жизни. Въ городахъ и деревняхъ они обыкновенно селились вокругъ какого-нибудь дома, въ которомъ они совершали свои религіозные обряды; среди этихъ послѣднихъ однимъ изъ главныхъ была общая трапеза—святая вечеря.

Частной собственности не существовало: что бы кто ни зарабатывалъ, все шло въ общую казну. Они презирали богатство и никогда ничего не покупали и не продавали. Каждый отдавалъ все, что было у него лишняго, и получалъ въ обмѣнъ все, что ему было необходимо. Почти во всей Палестинѣ у нихъ были дома, гдѣ принимались всѣ члены секты и гдѣ они получали все, что могло имъ понадобиться.

Члены раздѣлялись на практиковъ и теоретиковъ. Первые посвящали свое время на дѣла милосердія, послѣдніе жили въ уединеніи въ постоянномъ созерцаніи.

Всякій, желавшій быть принятымъ въ общину, долженъ былъ прожить въ ней годъ въ качествѣ послушника. Послѣ этого онъ получалъ извѣстные символическіе подарки—передникъ и лопаточку, символы, съ которыми мы встрѣчаемся и у вольныхъ каменщиковъ.

По окончаніи этого послушничества характеръ неофита подвергался еще новому двухлѣтнему искусу. Полноправнымъ членомъ онъ дѣлался только по окончаніи этого второго періода.

Филонъ описываетъ ихъ занятія слѣдующимъ образомъ:

„Иные обрабатываютъ землю, другіе занимаются мирными ремеслами, работая только для доставленія себѣ необходимаго. Среди людей они единственные, живущіе безъ денегъ, но, тѣмъ не менѣе, они самые богатые, потому что у нихъ мало потреб-

ностей и они всегда довольны своей судьбой. Никто изъ нихъ не занимается чѣмъ-либо, что ведетъ къ несправедливости или алчности. Между ними нѣтъ ни одного раба; они всѣ свободны, служа другъ другу. Они осуждаютъ всякое господство человѣка надъ человѣкомъ, какъ принципъ несправедливости, преступающій законъ природы, создавшей всѣхъ насъ братьями.

„Они обращаютъ все свое вниманіе на нравственныя задачи, слѣдуя указаніямъ Божественнаго Духа, безъ откровенія котораго человѣческій умъ не могъ бы имѣть познанія Бога и начала всего существующаго. Слѣдуя своимъ древнимъ преданіямъ, они развиваютъ свои философскія воззрѣнія посредствомъ аллегорическихъ толкованій.

„Дома ихъ открыты всѣмъ послѣдователямъ ихъ ученія, откуда бы они ни приходили. Они вносятъ свой заработокъ въ общую казну для общаго пользованія. Они не забываютъ больныхъ, имѣя большія средства для помощи нуждающимся. Ихъ общество не основано на родственныхъ связяхъ, а на ревностномъ служеніи добродѣтели и филантропіи. Въ члены общества принимаются только зрѣлые люди, которые болѣе не увлекаются плотскими страстями, а наслаждаются истинной свободой.

„Жизнь ихъ самая счастливая: они окружены уваженіемъ, происходящимъ скорѣе отъ добровольной привязанности, чѣмъ отъ родства по плоти“.

Ессеи избѣгали браковъ, но воспитывали, какъ собственныхъ дѣтей, множество сиротъ и отверженныхъ. Въ общинѣ никто не рождался, но въ ней не было недостатка населенія.

Филонъ утверждаетъ, что „у нихъ не было желанія имѣть смертное потомство, они искали безсмертныхъ плодовъ, зарождающихся только въ чистой душѣ, оплодотворенной Божественнымъ лучомъ, исходящимъ отъ Отца!“

Эти слова очень интересны, какъ доказательство того, что они знали великую основную истину о воплощеніи Христа въ дѣвственномъ сердцѣ—истину, съ которой мы встрѣчаемся во всѣхъ боговдохновенныхъ религіяхъ.

Плиній, говоря объ общинѣ ессеевъ, расположенной у Мертваго моря, называетъ её „Чудомъ Свѣта“ и утверждаетъ, что это было племя, продолжающее свое существованіе въ теченіе тысячелѣтій—per seculorum millia—безъ женъ и дѣтей.

Филонъ называетъ ихъ „святыми“ и утверждаетъ въ словахъ, цитируемыхъ Евсевіемъ, что они были посвящены во всѣ тайны ихъ секты Моисеемъ.

Ессеи и пиѳагорейцы.

Целлеръ въ своей „Исторіи Философіи“ указываетъ на большое сходство между ессеями и пиѳагорейцами не только въ ихъ жизни, но и въ ихъ ученіи.

И тѣ и другіе: 1) настаивали на строгомъ соблюденіи тайны относительно всего, касающагося ихъ школъ.

2) Скрывали свое ученіе подъ покровомъ символовъ и обрядовъ.

3) Основывали свою философію на аллегорическихъ толкованіяхъ древнихъ преданій, авторитетъ которыхъ они признавали.

4) Воздавали поклоненіе высшимъ силамъ, проявляющимся въ формѣ четырехъ элементовъ, и приносили молитвы восходящему солнцу.

5) Вѣрили въ существа промежуточныя между Верховнымъ Божествомъ и человѣкомъ.

6) Придерживались дуалистическаго воззрѣнія на отношеніе между духомъ и матеріей, между добромъ и зломъ.

Можно было бы указать еще на разныя другія аналогіи между ихъ ученіями, такъ, напримѣръ, обѣ секты почитали особенно священнымъ символомъ равносторонній треугольникъ. Къ числу признаваемыхъ ими догматовъ относились троичность и единство Бога и ученіе о бракѣ дѣвственныхъ душъ съ Божествомъ.

И цѣлители, и пиѳагорейцы углублялись въ изученіе неизреченнаго имени Божества, священнаго Тетраграмматона, переведеннаго впослѣдствіи словомъ Іегова.

Имя Божіе не было только титуломъ. Оно формулировало все еврейское понятіе о природѣ Божества. Отдѣльныя буквы его соотвѣтствовали разнымъ качествамъ Божества. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ кабалистическихъ писаніяхъ утверждается, что примѣненіе священныхъ буквъ, составляющихъ Божественное имя, было средствомъ, употребленнымъ для сотворенія міра.

Познаніе неизреченнаго имени или Schem-Ha-Mephorasch предоставлялось только самымъ развитымъ членамъ братства, и ключъ къ священному имени сообщался ученику съ большою торжественностью. Это—то имя, которое было открыто Моисею въ видѣніи на горѣ Хоривъ. Произношеніе его у евреевъ было запрещено. Только Первосвященникъ выговаривалъ имя Бога въ день Искупленія. Голосъ его покрывался пѣніемъ священнослужителей, чтобы онъ не дошелъ до недостойныхъ услыхать его.

Послѣ разрушенія второго храма было утеряно сокровенное значеніе Тетраґрамматона и не осталось и слѣда знанія о томъ, въ чемъ заключается правильное произнесеніе имени.

Къ сожалѣнію, я не могу дольше останавливаться на этомъ вопросѣ; для надлежащаго выясненія его потребовалась бы цѣлая отдѣльная лекція.

Такое большое сходство ученій самыхъ благочестивыхъ членовъ еврейской общины и такъ-называемыхъ языческихъ философовъ можетъ поразить человѣка, чуждаго затрагиваемымъ въ этой лекціи вопросамъ и не знающаго о внутреннемъ единствѣ всѣхъ религій. И цѣлители и пиѳагорейцы были *посвященными* и признавали братьями богобоязненныхъ людей всѣхъ національностей, безъ всякаго различія внѣшнихъ исповѣданій.

Во всѣ времена существовала *одна* лишь единственная религія, которая раскрывалась людямъ путемъ послѣдовательныхъ откровеній на протяженіи вѣковъ.

Въ Священномъ писаніи опредѣленно сказано, что Моисей былъ посвященъ во всю мудрость Египта. Филонъ сообщаетъ въ своемъ трактатѣ „О раскаяніи", что Моисей собралъ самыхъ благочестивыхъ членовъ своего народа и привлекъ ихъ къ участію въ самыхъ сокровенныхъ мистеріяхъ. Мы всѣ прекрасно знаемъ, что нѣтъ ничего таинственнаго въ экзотерической религіи, основанной Моисеемъ.

Интересно то, что онъ сохранялъ свое эзотерическое ученіе для наиболѣе развитыхъ людей своего племени. Тайны, въ которыя онъ посвящалъ ихъ, были тождественны съ тѣми, которыя были открыты въ доисторическія времена строителю Великой Пирамиды.

Древняя мудрость передавалась отъ пророка къ пророку. Намъ достовѣрно извѣстно, что Аггей, великій учитель Ильи, былъ ессеемъ. Онъ былъ однимъ изъ такъ-называемыхъ „семи долголѣтнихъ святыхъ" Палестины. Аггей передалъ Ильѣ мистическое одѣяніе, символъ сверхчеловѣческой силы, перешедшее впослѣдствіи къ Елисею. Высшій гіерофантъ назывался „орломъ", а служившіе ему братья—„воронами". Зная это, мы естественно и просто объясняемъ себѣ, какъ Илью кормили въ пустынѣ вороны. Они были его *подчиненными* и, какъ таковые, были обязаны заботиться объ его нуждахъ; рѣчь здѣсь идетъ вовсе не о *птицахъ*, какъ вообще думаютъ несвѣдущіе.

Пиѳагоръ былъ тоже посвященъ въ Египтѣ. Изъ исторіи извѣстно, что онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ на горѣ Кармель, гдѣ

Илья устроилъ школу пророковъ. Возвратившись въ Италію, онъ основалъ свою знаменитую общину въ Кротонѣ, которая во многомъ походила на общину терапевтовъ.

Ессеи и Новый Завѣтъ.

Большое сходство существовало тоже между колоніей, основанной александрійскими мистиками, и колоніей египетскихъ жрецовъ, описанной Страбономъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно основного единства всѣхъ этихъ различныхъ сектъ.

Кажется загадочнымъ, что ессеи не упоминаются въ Новомъ Завѣтѣ. Полное отсутствіе какого-либо упоминанія о нихъ можетъ быть объяснено только тѣмъ, что писавшіе его были сами ессеями.

Утвержденіе это, пожалуй, покажется на первый взглядъ изумительнымъ, но сходство ученія Іисуса съ ученіемъ братства цѣлителей такъ велико, что должно убѣдить каждаго непредубѣжденнаго мыслителя.

Между Іоанномъ Крестителемъ и этимъ братствомъ должно было тоже существовать опредѣленное общеніе. Время его подготовленія къ проповѣди было проведено въ пустынѣ около Мертваго моря, гдѣ было главное мѣстопребываніе ессеевъ. Его проповѣдь о праведности вполнѣ гармонировала съ ученіемъ ессеевъ. Его настойчивое требованіе крещенія соотвѣтствовало требованію ессеевъ, настаивавшихъ на необходимости очищенія. Онъ предвидѣлъ пришествіе Мессіи, что было однимъ изъ главныхъ вѣрованій секты ессеевъ.

Пророчица Анна и Іосифъ Аримаѳейскій, ожидавшіе искупленіе Израиля, оба принадлежали къ цѣлителямъ; намъ извѣстно также, что евангелистъ Лука былъ ессеемъ.

Сходство между первоначальнымъ христіанствомъ и ученіемъ ессеевъ поразительно. Ессеи наставляли своихъ учениковъ прежде всего искать царствія Божія и Его праведности. То же дѣлалъ и Христосъ (Матѳ. VI, 19).

Они требовали отъ всѣхъ, кто желалъ присоединиться къ нимъ, продажи всей ихъ собственности. Это же требованіе Христосъ предъявилъ богатому юношѣ. Безъ этой жертвы онъ не могъ присоединиться къ тѣмъ, кто стремился къ совершенству.

У цѣлителей все было общее. Ихъ девизъ былъ: „Мое—твое и твое—мое“. Много мѣстъ въ Св. Писаніи доказываютъ, что

первые христіане были коммунистами (Іоаннъ, XIII, 26; (Дѣянія II, 44 и т. д.).

Для ессеевъ физическое родство не имѣло важнаго значенія. Іисусъ говорилъ: „Кто будетъ исполнять волю Отца Моего Небеснаго, тотъ мнѣ братъ, и сестра, и матерь“.

Цѣлители не позволяли своимъ ученикамъ называть кого-либо на землѣ „господиномъ“. Тому же училъ и Христосъ.

Подобно ему ессеи придавали большое значеніе кротости и смиренію духа. Они учили своихъ членовъ оказывать услуги другъ другу, восхваляли нищихъ духомъ, милостивыхъ, чистыхъ сердцемъ и миротворцевъ.

И ессеи и Христосъ объявляли, что власть изгонять злыхъ духовъ и чудодѣйственно исцѣлять будетъ принадлежать ихъ ученикамъ, и соединяли исцѣленіе тѣла съ исцѣленіемъ души.

Ессеи избѣгали клясться: простое слово ихъ было дѣйствительнѣе всякихъ клятвъ. Іисусъ училъ своихъ учениковъ говорить только „да, да“, „нѣтъ, нѣтъ“.

То, какъ Іисусъ посылалъ на проповѣдь своихъ учениковъ (Матѳ., X), сходно съ тѣмъ, какъ отправлялись въ путь ессеи для выполненія какой-нибудь возложенной на нихъ миссіи. У нихъ не было никогда двухъ одеждъ или двухъ паръ сапогъ. Они носили одну и ту же одежду, покуда не изнашивали ее окончательно. Они никогда не запасались золотомъ и серебромъ, потому что знали, что всѣ члены братства, разсыпанные по всей Палестинѣ, снабдятъ ихъ всѣмъ необходимымъ. По прибытіи въ какой-нибудь городъ ученикамъ оставалось только узнать, „кто въ немъ *достоинъ*“, т. е. кто ессеи, живущіе въ этомъ городѣ.

Цѣлители скрывали все свое тайное ученіе подъ покровомъ притчей. Про Іисуса сказано: „Безъ притчи не говорилъ имъ“, и когда они были одни, то объяснялъ все своимъ ученикамъ.

Ессеи болѣе всего почитали Законодателя, т. е. Духа Святого, Руахъ-Хакодешъ. Виновные въ святотатствѣ наказывались смертью. Извѣстно, что и Іисусъ считалъ грѣхъ противъ Духа Святого непростительнымъ.

Топоръ былъ однимъ изъ главныхъ символовъ ессеевъ. Ихъ топоръ опускался безъ снисхожденія на корни тѣхъ деревьевъ, которыя не приносили плодовъ.

Вотъ нѣкоторыя сходства между обоими ученіями, и можно было бы привести еще множество примѣровъ.

Іисусъ и братство Цѣлителей.

Мнѣ кажется, что на основаніи всего вышеприведеннаго всѣ согласятся, что существуетъ много причинъ предполагать, что Іисусъ и Его ученики принадлежали къ братству Цѣлителей.

Но есть еще одинъ случай, превращающій всѣ предположенія почти-что въ положительный фактъ. Это слова Іисуса Наѳанаилу: „Воистину я видѣлъ тебя подъ смоковницей", и отвѣтъ Наѳанаила: „Учитель, Ты Сынъ Божій".

Виноградная лоза и смоковница у египтянъ были символами Господа и Матери Божіей. Оба дерева упоминаются постоянно въ „Книгѣ Мертвыхъ"—руководствѣ, употреблявшемся при великомъ египетскомъ посвященіи. Виноградная лоза соотвѣтствовала Царской комнатѣ въ Великой Пирамидѣ и относилась къ посвященію въ великія мистеріи. Смоковница соотвѣтствовала покою Царицы и относилась къ посвященію въ малыя мистеріи.

За исключеніемъ великаго гіерофанта, никто не зналъ имени посвящаемаго неофита. Когда Іисусъ сказалъ Наѳанаилу: „Я видѣлъ тебя подъ смоковницей", Онъ открылъ ему свою тождественность съ главою ордена, къ которому они оба принадлежали. Наѳанаилъ тотчасъ же отвѣчалъ: „Ты Сынъ Божій", потому что это былъ титулъ, съ которымъ всегда обращались къ Великому Мастеру ордена. Его отвѣтъ былъ такъ же естественъ, какъ если бы въ наше время подданный отвѣтилъ бы своему Государю: „Да, Ваше Величество"!

Очень невѣроятно, чтобы благочестивый Наѳанаилъ назвалъ бы „Сыномъ Божіимъ" чужого человѣка только потому, что тотъ выказалъ простую прозорливость—качество весьма обычное въ тѣ времена. Духовное истолкованіе, приведенное мною, объясняетъ также проклятіе смоковницы, не приносящей плода—случай, смущавшій не мало христіанъ. Кроткій Іисусъ никогда бы не осудилъ дерево за то, что оно не приносило плодовъ въ обычное время *). Онъ никогда не могъ быть виновнымъ въ такомъ безразсудствѣ и не злоупотребилъ бы своей сверхчеловѣческой силой для того, чтобы излить свой гнѣвъ, не найдя физической пищи тамъ, гдѣ надѣялся найти ее. Но членъ общины ессеевъ, не приносившій безсмертныхъ плодовъ, о которыхъ говоритъ Филонъ, былъ обреченъ быть отсѣченнымъ и засохнуть.

---

*) Случай со смоковницей произошелъ вскорѣ послѣ торжественнаго входа Іисуса въ Іерусалимъ, т. е. незадолго передъ Пасхой. См. Матѳ., гл. XXI. *Перев.*

Въ притчѣ о безплодной смоковницѣ тоже сказано, что владѣлецъ искалъ плодовъ три года и не находилъ ихъ. Неофитовъ посвящали въ меньшія тайны только послѣ трехъ лѣтъ ученичества. Если они не приносили плодовъ въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ испытанія, ихъ исключали изъ общины, и они обрекались на духовное засыханіе.

Въ другой притчѣ Іисусъ говоритъ, что Царство Небесное приблизится, когда проростетъ смоковница. Это утвержденіе — высочайшая истина. Второе пришествіе Христа имѣетъ мѣсто тогда, когда Онъ возрождается въ чистомъ сердцѣ. Когда человѣческая душа дѣлается снова дѣвственною, тогда выростаетъ смоковница и въ насъ проявляется Богоматерь.

Конибиръ сообщаетъ намъ въ своемъ ученомъ трудѣ о Филонѣ, что первый христіанскій историкъ Евсевій отожествлялъ общину аскетовъ, описанную въ „De Vita Contemplativa“ съ первою христіанскою церковью въ Александріи, основанною Св. Маркомъ. Это мнѣніе, признававшееся безспорнымъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не мало способствовало образованію тѣхъ представленій о первоначальномъ христіанствѣ, которыя господствовали среди средневѣковыхъ мыслителей. Въ XVI вѣкѣ были сдѣланы попытки опровергнуть этотъ взглядъ, такъ какъ сторонники папизма ссылались на него, какъ на главный доводъ въ защиту монашества.

Терапевты и католики.

Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что образъ жизни, котораго требуютъ уставы католическихъ религіозныхъ общинъ, во многомъ совершенно разнится отъ правилъ терапевтовъ.

Первымъ разрѣшается произносить монашескій обѣтъ еще въ юности, тогда какъ терапевты считали своимъ долгомъ оставаться въ міру до 50 лѣтъ и служить тамъ примѣромъ честности и благородныхъ начинаній. Настоящая жизнь уединенія и созерцанія была вѣнцомъ и наградой дѣятельной жизни на пользу человѣчества.

Католическіе аскеты вообще не посвящаютъ свою жизнь свободному изслѣдованію религіозныхъ и научныхъ вопросовъ. Въ большинствѣ монастырей члены общины пользуются очень незначительной личной свободой. Время ихъ строго распредѣлено и бо̀льшая часть его занята безконечнымъ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же молитвъ. Мыслящіе мужчины и женщины постепенно превращаются этимъ въ молящіяся машины.

Терапевты, наоборотъ, употребляли свое время на изученіе внутренняго смысла Писаній. Они отыскивали аллегоріи и символы и въ концѣ концовъ достигали созерцанія *Невидимаго*.

Они были настоящими предшественниками христіанскихъ гностиковъ и еврейскихъ кабалистовъ.

Католическіе монахи и монахини вѣрятъ, что они совершаютъ нѣчто достойное похвалы, отказываясь отъ своей собственной воли и подчиняя ее волѣ своего религіознаго начальства. Слѣпое послушаніе можетъ быть добродѣтелью у барановъ, но оно никакъ не достоинство въ существѣ, поднявшемся надъ животнымъ царствомъ *).

Всякій обѣтъ абсолютнаго духовнаго послушанія другимъ людямъ, которыхъ мы называемъ своимъ начальствомъ и которые нравственно могутъ быть ниже насъ, всегда будетъ вреденъ. Не слѣдуетъ *уничтожать* волю. Нашею цѣлью должно быть *освященіе* ея съ тѣмъ, чтобы затѣмъ *укрѣпить ее въ десять разъ*. Свободная воля—самый цѣнный даръ, данный намъ Богомъ. Никто не имѣетъ права подавлять волю своихъ собратьевъ. Подчиненіе воли въ дѣйствительности является опасной гипнотизаціей и не оправдывается тѣмъ, что производится для блага жертвы. Похищая у человѣка его самое цѣнное достояніе, нельзя извинять это дѣйствіе, утверждая, что сдѣлали это съ цѣлью помѣшать ему злоупотреблять имъ. Желѣзная дисциплина Римской Церкви можетъ достигнуть отрицательнаго результата, предупреждая иногда грѣхъ, но не породитъ никогда несравненно высшаго результата искорененія всякаго желанія грѣшить. А это собственно и есть самое главное. Древніе терапевты исповѣдывали правило, что нѣтъ религіи выше Истины. Имъ не запрещали читать такъ-называемыя опасныя сочиненія. Никакой указатель не ограничивалъ ихъ умственнаго горизонта узкими рамками опредѣленной секты. Нѣтъ! Весь свѣтъ былъ открытъ ихъ умственному взору. Они изучали не только свои сокровенныя книги, но и откровенія, дарованныя другимъ народамъ, и видѣли въ нихъ всѣхъ божественное Единство.

Но главная разница между терапевтами и католическими монахами заключалась во вдохновляющемъ мотивѣ всѣхъ ихъ дѣйствій. Въ католическомъ Катехизисѣ опредѣленно сказано, что достиженіе спасенія—величайшее благо, которому человѣкъ можетъ

*) На Востокѣ духовное послушаніе основывается на свободномъ выборѣ учителя, Гуру. Гуру стоитъ нравственно выше своего чела (ученика) и потому является для него безусловно нравственнымъ авторитетомъ, но никогда не требуетъ слѣпого послушанія. Прим. ред.

Страницы 63-66 были изъяты царской цензурой и заменены на другие. Уведомление об этом см. в следующем номере. Первоначального варианта в нашем распоряжении не имеется — ред. www.theosophy.ru

посвятить свое вниманіе. Римскій монахъ отказывается отъ земныхъ радостей, чтобы тѣмъ купить небесное блаженство.

Терапевты не стремились пожинать личныя выгоды въ уплату за свои добродѣтели. Ихъ единственнымъ желаніемъ было приготовить землю къ пришествію Мессіи. Ихъ мысли не останавливались на ихъ собственной судьбѣ. Они знали, что Небо—*состояніе*, а не *мѣсто*. Они не желали завоеванія отдаленнаго неба, а стремились раздѣлить съ другими то небо, которое они носили въ собственныхъ сердцахъ своихъ.

Послѣдствія поруганія святыни.

Когда великія мистеріи Христа, совершавшіяся братствомъ Цѣлителей, были осквернены и опошлены, тогда настоящіе посвященные молчаливо удалились въ свои недоступныя убѣжища въ пустынѣ.

Римскіе фанатики устраивали преслѣдованіе за преслѣдованіемъ, желая стереть съ лица земли носителей истиннаго Гнозиса. Убійство благородной и прекрасной Ипатіи, поджегъ безцѣнной библіотеки въ Александріи, всѣ безчисленныя преступленія того темнаго вѣка были напрасны.

Явно ессеи прекратили свое существованіе и даже самое имя терапевтовъ было почти что забыто, но они обошли своихъ преслѣдователей и сохранили неприкосновеннымъ ввѣренный имъ священный кладъ древней Мудрости.

Мы больше не слышимъ ничего о Цѣлителяхъ, но можемъ прослѣдить до гораздо болѣе поздняго времени секты Банаимовъ или Строителей.

Эти Строители существовали еще въ Палестинѣ, когда крестоносцы наводнили Святую Землю. Тогда мудрецы Востока передали самымъ благороднымъ сынамъ Запада свои священныя сокровища оккультной мудрости. И когда крестоносцы вернулись на родину, то привезли съ собой тщательно скрытымъ величественный свѣтъ, зажженный въ ихъ душѣ видѣніемъ Пламенѣющей Звѣзды, руководившей ихъ шагами.

Какъ чудесны дѣйствительно пути Провидѣнія... Крестовые походы были организованы, чтобы посредствомъ огня и меча распространить власть римской Церкви. Ихъ конечнымъ результатомъ было возрожденіе Гнозиса, на который Римъ всегда смотрѣлъ, какъ на своего смертельнаго врага. Всѣ мистическіе ордена,

основанные крестоносцами: храмовники, рыцари Золотого Руна, іоанниты, мальтійцы, рыцари Калатравы и многіе другіе первоначально были братствами посвященныхъ.

Въ наше время ордена, основанные крестоносцами, по большей части исчезли или потеряли свое первоначальное значеніе, но ихъ потомство равно морскому песку. Всѣ наши современныя тайныя общества розенкрейцеровъ, мартинистовъ, иллюминатовъ и наконецъ самое главное — массоновъ — происходятъ отъ этихъ палестинскихъ мистиковъ Банаимовъ или Строителей, сохранившихъ вѣками наслѣдство, оставленное древними Цѣлителями.

Цѣлью крестоносцевъ было освобожденіе Гроба Господня. Они воображали, что служили Божеству, внося разореніе и нищету въ чужія страны. Они спокойно совершали самыя ужасныя жестокости во славу Бога.

Ошибочныя пониманія долга постоянно возникаютъ отъ нашего прискорбнаго стремленія къ матеріализаціи духовныхъ истинъ. Когда въ былое время евреи получили приказаніе „умерщвлять животное“ для совершенія жертвоприношенія Богу, то они начали уничтожать сотнями невинныхъ животныхъ. Они не понимали, что животное, которое надо заколоть, находится въ насъ самихъ—это наша низшая природа.

Когда императоръ Константинъ увидѣлъ на небѣ знаменіе Креста и услыхалъ голосъ, взывающій „Симъ побѣдишь“, онъ принялъ наружно христіанство, въ надеждѣ одержать побѣду надъ своими врагами. Онъ не понялъ, что истинный воинъ Христа не имѣетъ иного врага, кромѣ ветхаго Адама, и что единственное, достижимое посредствомъ Креста, это завоеваніе царства небеснаго.

Когда Петръ Пустынникъ услыхалъ свыше голосъ, призывающій освободить Гробъ Господень, онъ невѣрно понялъ небесное повелѣніе. Гробъ Господень, который надо освободить, не есть какая-нибудь географическая мѣстность — это грубая физическая оболочка, гдѣ похоронена Божественная Искра, которая должна разгорѣться въ яркое пламя и постепенно освѣтить и преобразить грубую матерію, въ которой она еще покуда зарыта.

Не вѣчно же намъ быть окутанными одѣяніями изъ шкуръ, плотными физическими тѣлами, препятствующими намъ созерцать потустороннюю Славу! Нѣтъ! Придетъ время, когда мы одѣнемся въ нетлѣнное тѣло. Мы должны завоевать Золотое Руно.

Да поможетъ человѣчеству легкая рука современныхъ цѣлителей опять найти физическое и духовное здоровье!

Да сумѣемъ мы всѣ послушаться Божественнаго велѣнія и начать новый крестовый походъ съ цѣлью освободить навсегда Гробъ Господень!

Кн. Марія Караджа.

Не ходи никуда безъ сердца твоего.

Остерегайся кого-нибудь ранить словомъ.

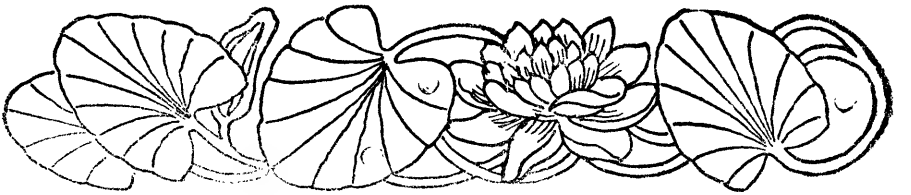
Не рань твоего сердца самъ.

Сердце твое изобильнымъ да будетъ; да будетъ сдержанъ твой ротъ.

Если ты для великаго жатву сбираешь между людей, да поступить зерно въ полнотѣ своей къ господину своему.

Да будетъ лицо твое свѣтлымъ, покуда живешь.

(Древне-Египетскія изреченія, см. стр. 16).



Старое и новое *).

О Боже нашъ, издревле открывавшій чудесными путями Твою святую волю, въ видѣніяхъ, пророчествахъ и откровеніяхъ святыхъ, услышишь ли и днесь, дѣтей своихъ, Отецъ?

Проповѣдь.

„Всякій книжникъ, наученный Царству Небесному, подобенъ хозяину, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое".
(Ев. отъ Матѳ., гл. XIII, 52).

Эти слова Евангелія не каждому могутъ показаться сразу вполнѣ понятными. Во-первыхъ, что такое книжникъ? Въ приведенныхъ словахъ Евангелія, говоря о книжникахъ, Іисусъ подразумѣвалъ толкователей и учителей закона іудейскаго и сказалъ, что если такой учитель самъ будетъ наученъ тайнамъ Царства Небеснаго, то онъ будетъ подобенъ хозяину, который выноситъ изъ своей сокровищницы новое и старое, т. е. другими словами: въ древнихъ истинахъ онъ будетъ видѣть новое значеніе, новую цѣнность и новое примѣненіе. Онъ не будетъ отвергать старое, какъ ложное, но и не будетъ связанъ имъ, какъ буквой закона. Онъ станетъ искать во всѣхъ устарѣлыхъ формахъ непреходящую истину, вѣчно новую и живую. Іисусъ самъ поступалъ такимъ же образомъ.

Онъ никогда не говорилъ, что древнія религіозныя вѣрованія не нужны и должны быть уничтожены, а говорилъ скорѣе въ томъ смыслѣ, что пониманіе ихъ должно становиться болѣе глубокимъ и полнымъ, обновляться съ каждой перемѣной условій

*) Извлеченіе изъ проповѣди Кемпбеля (Reverend Campbell), священника англиканской церкви, произнесенной въ лондонскомъ храмѣ „City Temple" 20 мая 1909 года и напечатанной въ англійскомъ журналѣ „The Christian Commonwealth".

человѣческой жизни, съ каждымъ движеніемъ впередъ человѣческой мысли.

„Не подумайте, что я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить“. Это по истинѣ мудрое и должное отношеніе къ Божественному Откровенію и таковымъ должно быть и въ наши дни, какъ и во всѣ времена. Нѣтъ „новой“ истины, есть только иное, новое пониманіе и примѣненіе истины. Форма, въ которую облекается истина для одного народа или поколѣнія, можетъ оказаться совершенно непріемлемой и непримѣнимой для другого. Форма условна. Какая-нибудь данная форма, бывшая хорошей и нужной для однихъ, съ теченіемъ времени возбуждаетъ удивленіе, непониманіе и даже враждебность въ другихъ.

Я думаю, что, идя глубже, мы не можемъ не признать, что если истина едина, то и всѣ высшія религіозныя переживанія и религіозный опытъ едины по существу. Во всѣ времена люди стремились къ одной и той же духовной цѣли, слабо и не совершенно стараясь выразить словами то, что они видѣли и переживали, приближаясь къ истинѣ. Всегда и вездѣ, когда приходится сбрасывать старыя формы, это дѣлается лишь для того, чтобы извлечь вѣчную, непреходящую истину изъ временной скорлупы, ее скрывающей. Духовно настроенный человѣкъ дѣйствительно подобенъ хозяину, извлекающему изъ сокровищницы старое, чтобы превратить его въ новое.

Въ современномъ христіанствѣ мы явно подошли къ моменту раскола между старымъ и новымъ, старымъ и новымъ по формѣ только, *не по существу*, но тѣмъ не менѣе моментъ этотъ чрезвычайной важности.

Что же такое истинное христіанство? Это есть духовное и моральное откровеніе, данное людямъ въ ученіи и жизни Іисуса Христа.

Если Іисусъ не былъ тѣмъ, что человѣчество чтитъ въ немъ, то была бы ложь во всемъ порядкѣ вещей, въ законахъ высшей міровой этики. Для насъ не важенъ вопросъ, въ какихъ условіяхъ Онъ жилъ, какія возможности Онъ имѣлъ для проявленія высшаго идеала жизни; мнѣнія изъ проблемъ этики не существовали и не могли возникнуть въ древней Галлилеѣ, 18 или 19 столѣтій до появленія условій современной культуры, капиталистическаго строя, техники, промышленности и т. д., но не это важно, а важно то, что Іисусъ провидящимъ окомъ видѣлъ истину на всѣ времена и вѣка, ту истину, которая говоритъ, что для того, чтобы найти

себя, надо отдать себя, погубить душу свою, чтобы обрѣсти ее, и важно то, что этой истинѣ Онъ былъ неизмѣнно вѣренъ до конца.

Въ этомъ все. Остальное все излишне. Второй вопросъ тотъ, что проведеніе въ жизнь христіанскаго принципа дѣлается все труднѣе и труднѣе по мѣрѣ того, какъ жизнь современнаго культурнаго человѣчества становится все сложнѣе. Галлилейскимъ рыбакамъ никогда не приходилось считаться съ тысячами вопросовъ и проблемъ современной этики нашего капиталистическаго строя, съ все возрастающимъ требованіемъ соціальнаго равенства, съ вопросомъ о пролетаріатѣ и т. д. Все новыя идеи, новыя надежды, новыя возможности возникаютъ почти ежедневно! Гдѣ руководящая нить! Куда и къ кому обращаться за рѣшеніемъ всѣхъ этихъ сложныхъ вопросовъ? Кто поможетъ въ созиданіи нашего соціальнаго блага, общественнаго спасенія? Отвѣтъ все тотъ же: Духъ Святый, Духъ Божій, который понуждаетъ насъ къ исканію и который есть цѣль всѣхъ исканій и стремленій. Какъ старо, и какъ вѣчно ново! Когда же, гдѣ и въ какія времена высшее стремленіе и высшее исканіе было иное? Кто побуждалъ и двигалъ человѣка въ стремленіи къ Высшему, какъ не духъ Божій, живущій въ немъ?

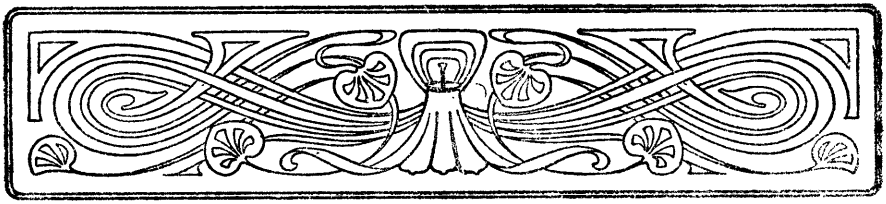
„Если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ вашимъ, тѣмъ болѣе Отецъ Небесный дастъ Духа Святого просящимъ у него“.

Переводъ **А. В.**

Кіевъ, 1910 г.

Сыну своему онъ сказалъ: „Не будь высокомѣренъ и сердце свое не возноси надъ своимъ знаніемъ. Держись съ несвѣдущимъ, какъ со знающимъ, ибо не закрытъ предѣлъ искусства, и не совершененъ никакой художникъ въ совершеніяхъ своихъ. Мудрость труднѣе найти, чѣмъ смарагдъ, ибо находятъ рабыни смарагдъ между каменьевъ простыхъ“.

(Древне-Египетскія изреченія, см. стр. 16).



Обозрѣніе Теософической Литературы.

Январскій № „Theosophist“, очень содержательный, заключаетъ интересныя статьи по всѣмъ отдѣламъ и рядъ различныхъ иллюстрацій.

Въ статьѣ „Печать Общества“ авторъ объясняетъ символизмъ теософической печати.

Двойной треугольникъ есть символъ макрокосма, вселенной, божественнаго проявленія во времени и пространствѣ. Проявленіе Единаго на физическомъ планѣ двойственно, духъ и матерія, но они нераздѣльны въ проявленіи и потому треугольники переплетаются. Треугольникъ, обращенный вершиной вверхъ, символизируетъ Огонь или Духъ; обращенный вершиной внизъ треугольникъ означаетъ Воду или Матерію. Каждый треугольникъ имѣетъ три стороны, указаніе на его тройственную природу. Существованіе, Познаніе, Блаженство; Дѣятельность, Знаніе, Воля; твореніе, сохраненіе, освобожденіе, таковы три аспекта огненнаго треугольника. Сопротивленіе, движеніе, ритмъ или гармонія: таковы три аспекта матеріи (tamas, rajas, sattwa). Сумма всѣхъ линій этой фигуры составляетъ 12 и является символомъ „12 великихъ Боговъ“ Халдеи и Персіи, 12 знаковъ Зодіака, 12 мѣсяцевъ солнечнаго года. Крестъ Ансата или Тау, заключенный внутри двойного треугольника, есть символъ Духа нисшедшаго въ матерію, распятаго въ ней и воскресшаго во славѣ; это крестъ Жизни, крестъ Воскресенія. Въ древне-Египетской символикѣ Божество касается этимъ крестомъ устъ муміи, когда настаетъ время для Души снова воплотиться. Свастика, или огненный Крестъ, есть символъ творческой энергіи, строющей вселенную. Змѣй, держащій въ пасти свой хвостъ, есть древній символъ Вѣчности, т.-е. Круга безъ начала и безъ конца, внутри котораго созида-

ются и распадаются міры. Такимъ образомъ, печать Теософическаго Общества заключаетъ въ себѣ символы макрокосма—вселенной и микрокосма—духовнаго міра человѣка.

„Братство Религій", А. Безантъ, разсматриваетъ цѣль и основу нравственности, которая неотдѣлима отъ религіознаго сознанія человѣка. Эту основу А. Безантъ видитъ въ признаніи единой, божественной Жизни, проявляющейся въ самыхъ различныхъ и многообразныхъ формахъ.

Того же автора, очеркъ „Магія въ Атлантидѣ" даетъ въ художественной формѣ картину борьбы свѣтлаго духовнаго теченія съ темнымъ черномагическимъ, въ Атлантидѣ.

Разсказъ Ч. Ледбитера „Спасенъ Привидѣніемъ" описываетъ случай изъ дѣтства автора, который былъ спасенъ отъ смерти въ очень сложныхъ обстоятельствахъ, благодаря вмѣшательству покойнаго своего брата.

Ж. ванъ-Маненъ разсказываетъ чрезвычайно интересный случай психометріи, обнаруженный Ч. Ледбитеремъ, при ознакомленіи его съ листкомъ древне-Индусской рукописи, хранящагося въ Адіарской библіотекѣ.

Переведено предисловіе „Въ Преддверіи храма", Alba.

Статья „Сцены изъ Индусской жизни" сопровождается рядомъ художественныхъ рисунковъ, изображающихъ улицу большого Индусскаго города, священника—парса, факира, странниковъ, слѣпыхъ нищихъ, земледѣльческія работы, водокачалку, мытье бѣлья, приготовленіе корзинъ и глиняной посуды, деревенскихъ ткачей, музыканта, играющаго на инструментѣ изъ тростника, отдыхъ и купанье деревенскихъ жителей передъ вечерней зарей, „башню молчанія", сжиганіе усопшаго, воздѣлываніе сахара и спускъ рыбачьей лодки въ море.

Дальше помѣщены изображенія 12 Индусскихъ храмовъ и монастырей. Особенно интересны храмъ въ Гималаяхъ, близъ Хардвара, буддійскій монастырь въ лѣсу и входъ въ Святая Святыхъ Мадурскаго храма.

Въ статьѣ „Крестъ Голгофы", Е. Блютъ указываетъ на глубоко эзотерическое значеніе Креста, какъ символа вѣчной жизни духа, его распятіе въ матеріи и его торжествующаго воскресенія. Не грубо матеріальное значеніе должны мы придавать Кресту Голгофы, а глубоко мистическое.

Даются новые, очень хорошіе портреты основателей Теософическаго общества, Е. П. Блаватской и Г. С. Олькотта.

Ж. Делэръ разсматриваетъ послѣднее твореніе Ростана, „Chanteclair“, какъ символическую драму, изображающую странствія Души въ мірѣ и ея испытанія, пока она находится во власти Майи, иллюзіи.

Э. Северсъ разсказываетъ переживанія врача-вивисектора, дошедшаго почти до душевнаго заболѣванія, благодаря тѣмъ видѣніямъ, которыя стали его постоянно преслѣдовать послѣ того, какъ онъ увлекся практикой живосѣченія. Его исцѣляетъ другой врачъ, открывающій ему пониманіе духовной жизни, которая не можетъ строить никакое благо на страданіяхъ другихъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ дается очеркъ жизни Раи Багадуръ Норендранатъ Сен'а, ближайшаго сотрудника и друга Г. С. Олькотт'а, оказавшаго цѣнныя услуги Теософическому обществу въ Индіи въ дни его возникновенія. Къ біографіи приложенъ его портретъ.

Ж. Гагарина разсказываетъ о церемоніи хожденія по огню, которая происходитъ въ извѣстные дни около храма богини Кали. Вѣрующіе усиленно молятся и затѣмъ бросаются ходить босыми ногами по раскаленнымъ углямъ. Нѣкоторымъ дѣлается дурно и ихъ уносятъ, но большинство совершаетъ спокойно церемонію безъ вреда для себя. Вѣра ихъ такъ велика, что ноги ихъ не обжигаются.

Въ отдѣлѣ „Элементарная Теософія“ А. Безантъ останавливается на безсмертныхъ нашихъ оболочкахъ, на оболочкѣ причинности (тѣло высшаго Разума), буддхической (тѣло Христово) и атмической (высочайшее тѣло Духа, тѣло божественной Воли).

Американскій Вѣстникъ „Theosophic Messenger“ даетъ очеркъ, посвященный великому Тибетскому ламѣ, Тиши Лама Шигатсе, о которомъ съ такимъ восторгомъ отзывался извѣстный Шведскій путешественникъ, Свенъ Гединъ. Авторъ статьи, С. Джинараджадаса, высказываетъ убѣжденіе, что этотъ выдающійся ученый и подвижникъ сыграетъ большую роль въ міровой исторіи.

С. Шуддемагенъ знакомитъ насъ съ странствованіями знаменитаго духовнаго дѣятеля I вѣка до Р. Х., Аполлона Тіанскаго, оставившаго неизгладимый слѣдъ въ памяти своихъ современниковъ. Онъ исцѣлялъ больныхъ, творилъ чудеса, училъ закону любви. Онъ говорилъ, какъ „власть имѣющій“, и вліяніе его на послѣдователей было огромное. Въ теченіе своей жизни онъ посѣтилъ Индію, Малую Азію, Грецію, Римъ, Испанію, Сѣверную Африку, Сицилію, Александрію и Южный Египетъ. Онъ родился въ Тіанѣ, въ Римской провинціи. Многочисленныя легенды окру-

жаютъ его рожденіе и дѣтство. Онъ съ раннихъ лѣтъ обнаружилъ геніальныя способности и поражалъ своею мудростью и выдающейся красотой. Съ 14 лѣтъ онъ изучалъ философію стоиковъ, Платона, Пиѳагора и сталъ пламеннымъ сторонникомъ Пиѳагорейской системы. Шестнадцати лѣтъ онъ уже велъ строгую жизнь Пиѳагорейца во всей ея суровой и тонкой красотѣ. Двадцати лѣтъ онъ потерялъ отца и получилъ большое наслѣдство, которое роздалъ бѣднымъ, удержавъ себѣ лишь самую незначительную часть состоянія. Затѣмъ онъ далъ обѣтъ цѣломудрія и обѣтъ молчанія; по правиламъ Пиѳагорейской школы, онъ хранилъ 5 лѣтъ полное молчаніе. Послѣ этого пятилѣтія начинаются его общественная дѣятельность и его странствія. О его смерти нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Онъ таинственно исчезъ въ возрастѣ 98 лѣтъ и біографъ его, Филостратъ, такъ заканчиваетъ свой очеркъ: „Здѣсь кончается исторія Аполлона Тіанскаго. О его смерти, *если онъ умеръ*, слухи самые разнорѣчивые". Вызванное имъ поклоненіе было такъ велико, что Отцы Церкви первыхъ вѣковъ, опасаясь этого вліянія, оспаривали самый фактъ его существованія.

Въ очеркѣ „Три истины Теософіи", авторъ, С. Джинараджадаса, сводитъ ученія Теософіи къ тремъ основнымъ истинамъ: имманентность Бога, эволюція Души и братство Религій".

Дается Восточная легенда, поэтически разсказанная Э. Арнольдомъ:

Однажды четыре голодныхъ странника, Арабъ, Персъ, Турокъ и Грекъ, сидѣли у городскихъ воротъ. Они попросили одного человѣка, чтобы онъ пошелъ въ городъ и купилъ имъ пищу, но каждый хотѣлъ нѣчто иное къ ужину. „Купи изюмъ, сказалъ Турокъ, нѣтъ болѣе дешевой и пріятной пищи".—„Нѣтъ, закричалъ Арабъ, купи виноградъ, это будетъ лучше".—„Не слушай ихъ, прервалъ Персъ, кто знаетъ изюмъ и виноградъ? Просто купи „ангуръ" *).—„Что еще за ангуръ, вскричалъ Грекъ, никто его не знаетъ. Купи чернаго и зеленаго „стафона" **). Они долго бы еще спорили, если бы въ эту минуту не показался оселъ, нагруженный виноградомъ. Всѣ привстали и радостно указали на плоды. „Видишь изюмъ!"—сказалъ Турокъ. „Вотъ виноградъ!"—сказалъ Арабъ. „Видишь ангуръ!"—закричалъ Персъ. „Вотъ мой стафонъ!"—сказалъ Грекъ. Они купили виноградъ и мирно поужинали.

---

*) Тоже виноградъ.

**) id.

Нѣмецкій журналъ „Theosophie“ даетъ статью г. Уегера „Теософія и Гегель“, рѣчь А. Безантъ „Исканіе Бога“ и статью I. Шюре о мистическомъ элементѣ въ музыкѣ Р. Вагнера.

Уегеръ указываетъ на то, что философія Гегеля является превосходной подготовкой къ Теософіи и, что великій нѣмецкій философъ проложилъ тропу къ міровой древней мудрости.

Alba.

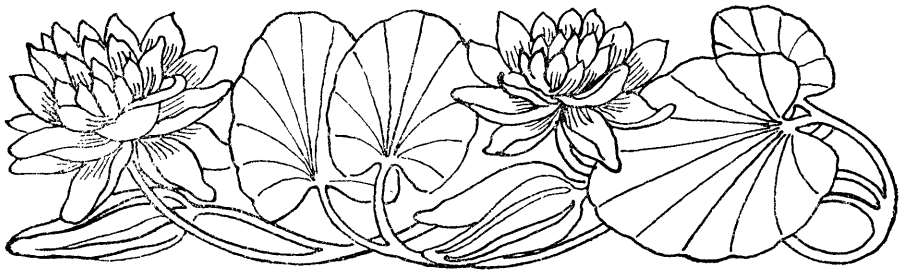
Если дано тебѣ быть распорядителемъ, что рѣшать о великомъ числѣ людей, способа ищи совершеннѣйшаго, да будешь ты самъ въ этомъ безъ упрека. Велика справедливость есть, неизмѣнна и удостовѣрена: не затемнилась она отъ временъ Озириса. Границы правосудія безперемѣнчивы; это—поученіе человѣка отъ отца его.

Не вселяй страхъ въ людей; Богъ побѣдитъ тебя тѣмъ же. Если кто хочетъ жить этимъ, отниметъ онъ хлѣбъ изо рта его. Если разбогатѣть кто этимъ вознамѣрится, онъ скажетъ: „Свѣтъ я закину и сѣтью богатства уловлю, отведя къ себѣ“. Да не поселяютъ страха въ людяхъ, такова воля Бога. Да дадутъ имъ жить въ мирѣ и получатъ отъ нихъ достодолжное.

Если ты мудръ, береги свой домъ. Люби жену свою безъ примѣси. Одѣвай, украшай ее, это роскошь членовъ ея. Умащай ее во время твое, это есть благо, которое должно быть достойно своего обладателя. Грубымъ не будь, ни насильственнымъ. Это есть то, что утверждаетъ домъ. Если ты оттолкнешь ее, пропасть это. Разними свои руки, предъ ней, для рукъ ея. Позови ее, отмѣть передъ ней любовь свою.

Хорошо обращайся со слугами своими и съ тѣми, кто тебѣ надлежитъ. Если кто въ этомъ прегрѣшаетъ, о немъ говорятъ: „Этотъ человѣкъ есть проклятый“. Люди не знаютъ, что завтра придетъ.

(Древне-Египетскія изреченія, см. стр. 16).



Хроника Теософическаго движенія.

═ Во второй половинѣ января Президентъ Теософическаго общества, А. Безантъ поѣхала въ Бирму и тамъ дѣлаетъ маленькое турнэ. Ее сопровождаетъ нѣсколько теософовъ, между прочимъ представители Французскаго Теософическаго общества и Шотландскаго.

Въ мартѣ, А. Безантъ изъ Адіара двинется снова на сѣверъ, въ Бенаресъ, а оттуда въ Европу. Президентъ пріѣдетъ въ Англію ко дню Бѣлаго Лотоса (25 апр. с. с.) и пробудетъ май, іюнь и часть іюля въ Великобританіи. Въ сентябрѣ А. Безантъ будетъ на теософическомъ конгрессѣ, въ Генуѣ, а оттуда вернется въ Индію.

═ Швейцарское Теософическое общество было легализовано 29 ноября 1910 г. Такимъ образомъ, Международное Теософическое общество начинаетъ 1911 годъ съ 18 національными обществами.

═ Шотландское Теософическое общество пригласило А. Безантъ въ маѣ прочитать рядъ лекцій въ Эдинбургѣ и Гласгоу.

═ Свободный Христіанскій Союзъ пригласилъ А. Безантъ на свое общее майское собраніе въ Манчестерѣ.

═ 19 марта въ Парижѣ состоится съѣздъ представителей теософическихъ центровъ во Франціи и выборы совѣта.

═ Въ Ментонѣ образовался теософическій кружокъ.

═ Вице-Король Индіи, лордъ Минто, посѣтилъ Центральный Индусскій коллэджъ въ Бенаресѣ и выразилъ большое удивленіе при видѣ тѣхъ размѣровъ, какіе приняла Школа, основанная

А. Безантъ, и тѣхъ блестящихъ результатовъ ея, которыхъ онъ не могъ не замѣтить. Его впечатлѣніе было настолько сильно и благопріятно, что онъ обѣщалъ выхлопотать субсидію, которая бы матеріально совершенно обезпечила дальнѣйшій ходъ дѣла.

═ Д-ръ Р. Штейнеръ вскорѣ посѣтитъ Финдляндію. Онъ прочтетъ въ Гельсингфорсѣ, въ маѣ (3—15 н. с.), курсъ лекцій на тему: „Оккультныя іерархіи". Слушать эти лекціи могутъ только члены Теософическаго общества. Для не-членовъ д-ръ Р. Штейнеръ прочтетъ 2 публичныя лекціи. Плата за курсъ— 15 марокъ. Члены, желающіе ѣхать на этотъ курсъ, должны заблаговременно записаться черезъ совѣтъ Россійскаго Теософическаго общества (Ивановская, 22).

═ 2 февраля было открытое собраніе Кіевскаго отдѣла Россійскаго Теософическаго общества. Членъ общества Н. В. Добринскій сдѣлалъ сообщеніе: „Теософія и смыслъ жизни". Залъ былъ переполненъ слушателями.

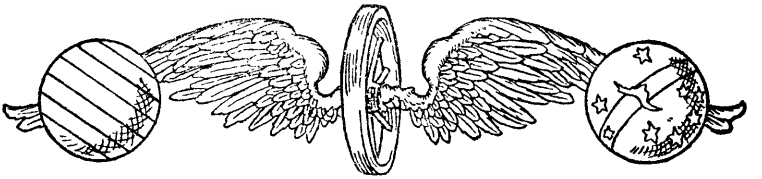
═ 4 февраля въ Кіевѣ состоялась публичная лекція А. Каменской: „Вопросы воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры".

═ 16 февраля состоялось открытое собраніе Теософическаго общества въ С.-Петербургѣ. Въ собраніи А. Каменская сдѣлала сообщеніе: „Задачи духовной культуры". Послѣ доклада были оживленныя пренія.

Да не будетъ великій отвлеченъ отъ часа своего. Не ослабляй вниманіе того, кто занятъ. Забота его—обнимать свою задачу, отъ себя отрекаясь, по любви къ тому, что сюда онъ влагаетъ. Людей сближаетъ съ Богомъ это—любить, что дѣлаютъ они.

Если ты умаляешь себя, служа высшему тебя, поведеніе твое вполнѣ благо передъ Богомъ. Знаешь, зная, кому повинуешься: не возвышай же сердца своего противъ него.

(Древне-Египетскія изреченія, см. стр. 16).



Хроника жизни.

═ 10 января въ Аллагабадѣ состоялся съѣздъ представителей различныхъ религій Индіи; индуизма, буддизма, парсизма, христіанства, ислама, сиккхизма и джайнизма. Были представлены Индусское религіозное философское Общество, Арія Самай, а также и Теософическое Общество.

═ Въ воскресенье, 19 декабря, 1910 г. вечеромъ, состоялось засѣданіе тифлисскаго религіозно-философскаго общества, открывшееся обсужденіемъ вопроса объ изданіи обществомъ ежемѣсячнаго религіозно-философскаго журнала.

Послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній, собраніе рѣшило возбудить ходатайство о разрѣшеніи издавать журналъ, въ которомъ будутъ отстаиваться положенія, общія всѣмъ христіанскимъ церквамъ; журналъ долженъ быть вполнѣ терпимъ къ различнымъ направленіямъ религіозной мысли, но, въ случаѣ помѣщенія въ журналѣ статей, взгляды которыхъ не раздѣляются редакціей, статьи должны снабжаться соотвѣтственной редакціонной оговоркой.

Оставшееся время собраніе посвятило обсужденію вопроса о чудѣ, при чемъ большинство ораторовъ поддерживали высказанный на предыдущемъ засѣданіи взглядъ, что при чудѣ нарушенія законовъ природы нѣтъ, а есть лишь вмѣшательство въ эти законы новыхъ силъ.

═ 14 декабря, 1910г. литературный фондъ въ залѣ Тенишевскаго училища устроилъ симпатичный вечеръ, посвященный памяти великаго русскаго философа и человѣка Вл. С. Соловьева по случаю 10-лѣтія со дня его смерти.

Философъ, поэтъ, критикъ, публицистъ, Вл. С. оставилъ неизгладимый слѣдъ въ русской жизни, что и подчеркнулъ Ф. Д. Батюшковъ въ своей вступительной рѣчи.

— Наряду съ Толстымъ и Достоевскимъ, — это одинъ изъ трехъ властителей думъ нашего поколѣнія.

Но всего болѣе значеніе Соловьева сказалось и до сихъ поръ могущественно обнаруживается въ уясненіи вопросовъ религіи.

По словамъ Вяч. Иванова, охарактеризовавшаго Вл. С. какъ религіознаго мыслителя, онъ далъ могучій толчокъ къ возрожденію религіозно-философскихъ интересовъ въ нашемъ обществѣ. Его стремленія были направлены не къ чему иному, какъ къ оправданію вѣры нашихъ отцовъ.

Въ картинной и вдохновенной рѣчи поэтъ А. А. Блокъ противопоставилъ оригинальную личность Соловьева окружающей насъ пошлой жизни и подчеркнулъ совершенно особенный характеръ чествованія великаго человѣка, которое должно заключаться въ пониманіи того, чему училъ умершій 10 лѣтъ тому назадъ философъ и поэтъ.

Чрезвычайно интересныя воспоминанія о покойномъ передала его родная сестра, извѣстная поэтесса Allegri (Соловьева).

Она остановилась на отношеніи своего брата къ смерти.

По ея словамъ, онъ никогда не смотрѣлъ на смерть, какъ на что-то ужасное, отвратительное и безобразное. Смерть, по его убѣжденію,—радостное, торжественное окончаніе труднаго жизненнаго пути, ведущаго къ одной цѣли, къ безсмертію, въ его подлинномъ смыслѣ.

Всегда, когда при немъ заходила рѣчь о смерти, онъ, по словамъ сестры, съ особенною внимательностью прислушивался, брови у него приподнимались и глаза свѣтились особеннымъ блескомъ.

Онъ любилъ спрашивать объ умершихъ, которые для него становились близкими и дорогими, какъ совершившіе уже трудный путь.

При этомъ онъ иногда говорилъ: „Я почувствовалъ что-то... Теперь я понимаю“. Такъ чутьемъ своимъ проникалъ онъ въ тайну смерти.

Когда иронизировали и смѣялись надъ его вѣрой въ загробную жизнь, онъ, нахмурившись, отвѣчалъ:—Я не вѣрю, а знаю.

Свои интимныя, задушевныя мысли о смерти онъ особенно проникновенно высказалъ въ своихъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ г-жа Соловьева и прочла: „На смерть А. Н. Майкова“, и „Не по волѣ судьбы“.

Затѣмъ выступали еще г-жа А. П. Есиповичъ, прочитавшая стихотвореніе В. С. „Этотъ матово-свѣтлый жемчужный просторъ“, Д. М. Мусина, съ большимъ одушевленіемъ передавшая „Съ востока свѣтъ“ и др. стихотворенія и М. А. Ведринская, съ неподражаемой проникновенностью продекламировавшая стихотвореніе В. С. „Изъ Петрарки“.

Исполнителямъ собравшаяся въ громадномъ количествѣ публика много апплодировала, а г-жѣ Ведринской были поднесены цвѣты.

═ Въ московскихъ студенческихъ христіанскихъ кружкахъ распространяется слѣдующее воззваніе: „Такъ прозябать, какъ теперь прозябаемъ, невозможно. Невозможна такая атрофія по отношенію къ исканію истины въ жизни. Это смерть на медленномъ огнѣ... И самоубійства растутъ... Вѣдь истина—что не однимъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ—ясна изъ этихъ самоубійствъ. „Вы не хотите придти ко мнѣ, чтобы имѣть жизнь",—сказалъ Іисусъ. Всѣ чистыя побужденія нашихъ товарищей прямо или косвенно питались и питаются отъ Него. Мы зовемъ васъ ближе познакомиться съ этой личностью. Никакихъ условій, кромѣ желанія совмѣстнаго познанія истины черезъ Евангеліе, и никакихъ обязательствъ у насъ нѣтъ".

═ Въ залѣ Тенишевскаго училища назначена серія лекцій профессора Мейера по религіознымъ вопросамъ: Мистика, Св. Францискъ, Альбигойцы и христіанскія чтенія. Интересъ общества къ религіознымъ вопросамъ замѣтно возрастаетъ.

═ **Драма Учителя.** 1 января въ Харьковъ пріѣхалъ молодой сельскій учитель Федоръ Михайловичъ Рѣзниковъ. На вокзалѣ въ уборной онъ отравился растворомъ карболовой кислоты. При покойномъ была найдена записка: „Я—сельскій учитель. Въ смерти прошу никого не винить", но передъ своимъ самоубійствомъ онъ послалъ письмо въ газету „Утро" слѣдующаго содержанія: „Я—русскій сельскій учитель, Всю жизнь свою стремился къ нравственному совершенству, боролся со злымъ началомъ въ человѣкѣ, но увы! Я убѣдился, что не могу этого побороть, во-первыхъ, благодаря тому, что говоритъ наука, это невозможно, это потребность природы, а во-вторыхъ потому, что обладаю слабой силой воли и недостаткомъ воспитанія.—Конечно, на меня посыпятся упреки со стороны „цивилизованнаго общества"?! Это, молъ, глупости и т. д. Но, увы! какъ они будутъ неправы, такъ разсуждая. Пусть каждый, такъ говоря, пороется побольше въ трудахъ психологовъ древняго и новаго міра, пусть глубоко вникнетъ въ суть теоріи каждаго психолога, да къ этому же пусть оглянется кругомъ, взвѣситъ всѣ жизненныя явленія, пусть чутко прислушается къ воплю всего міра и т. д., и т. д., тогда, мнѣ кажется, найдется такой индивидуумъ, который пойметъ меня.

„Я учительствовалъ 6 лѣтъ и всегда старался такъ поставить школьное дѣло, чтобы школа съ учителемъ составляла одно цѣлое, чтобы это было, такъ сказать, что-то образцовое, святое, но... развѣ это возможно? Ну-ка, скажите кто-нибудь!.. Выставлять причины—почему этого нельзя сдѣлать—было бы смѣшно, такъ какъ это понятно и доказательствъ не требуетъ. Скажу только, что, кромѣ зла общественнаго, мѣшающаго выполнить это, есть еще зло, заложенное въ

каждомъ изъ педагоговъ, берущихся за святое дѣло воспитанія тѣхъ элементовъ общества, изъ которыхъ состоитъ государство.

„Зло это вотъ какое: невоспитанность, дикость, эгоизмъ, мастерство, а не призваніе и т. д. Скажу про себя, что я каждое утро вставалъ съ постели съ той мыслью, что вотъ, молъ, буду держать себя на урокѣ корректно, какъ подобаетъ воспитателю, но... Боже мой— что изъ этого выходило?.. Объ этомъ спросите каждаго изъ моихъ воспитанниковъ... и они вамъ разскажутъ подробно... Я сейчасъ страшно волнуюсь, голова кружится, мысли не вяжутся“...

Н. Т.

Будь дѣйственнымъ, покуда длится день твой, дѣлай больше того, что сказано. Порицанья достоинъ тотъ, кто не пользуется мгновеньями своими. Не теряй ежедневнаго случая.

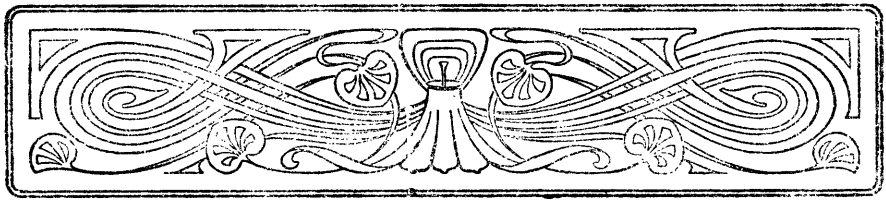
Линію твоего поведенія являй безъ утайки.

Если дано тебѣ быть распорядителемъ, осуществляя планы по волѣ твоей, дѣлай совершенное въ совершеніяхъ, да вспомнитъ о тебѣ потомство.

Если третейскимъ дано тебѣ быть судьей, слушай истца. Не обрушься на него,—падетъ онъ духомъ. Не говори ему: „Ты разсказалъ то-то“. Мягкость ободритъ его сдѣлать то, зачѣмъ онъ пришелъ. Чтобъ сердце себя нарисовало, слушай его съ добротой.

Если ты хочешь, чтобъ было благимъ твое поведеніе, остерегись своенравія въ приступахъ его. Это зловѣщій недугъ, ведущій къ разногласію: кто въ это вступитъ, не живетъ. Когда человѣкъ основаніемъ взялъ справедливость, иди по путямъ ея, и въ ней избери свой домъ, у своенравія дома нѣтъ.

(Древне-Египетскія изреченія, см. стр. 16).



Изъ газетъ и журналовъ.

— Въ журналѣ „Московскій Еженедѣльникъ“ была статья В. П. Быстренина „Религіозныя исканія въ народѣ“. Въ ней онъ говоритъ, что наше освободительное движеніе (хотя оно и „не удалось“ такъ сказать) измѣнило общественную и народную психику. „Не удалось“ же оно потому, что „экономическіе мотивы, не освященные авторитетомъ высшей правды, могутъ только обратить святую борьбу въ хулиганство и привести народъ къ озвѣрѣнію“. Только тѣ освободительныя движенія имѣютъ прочный, не эфемерный успѣхъ, корни которыхъ вростали въ религіозное сознаніе народа. Однако, реакціонеры, полагающіе, что народъ остался съ ними, такъ какъ не пошелъ за революціонерами, ошибаются: народъ—ни съ тѣми, ни съ другими, онъ—самъ по себѣ, самостоятельно идетъ дорогою вѣчныхъ исканій, которыя и воплощаются преимущественно въ сектантствѣ, вырываясь изъ узкихъ рамокъ господствующей церкви, и то, что офиціальными руководителями духовною жизнью народа принимается за упадокъ и оскудѣніе вѣры, на самомъ дѣлѣ представляетъ собою какъ разъ обратное (какъ и въ интеллигентскомъ Богоискательствѣ). Всѣ секты, не представляя собою чего-либо однородного, объединяются, однако, общею идеею, идеею возстановленія подлиннаго лика Христа, первоначальной чистоты евангельскаго ученія и построенія на немъ личной и общественной жизни... Быстренинъ останавливается на сектѣ бѣлоризцевъ и ея позднѣйшихъ отвѣтвленіяхъ („Община Свободныхъ Христіанъ“), какъ на наиболѣе яркомъ образцѣ синтеза раціонализма и мистицизма, этого своеобразнаго чисто русскаго хиліазма, который стремится къ осуществленію Царства Божія теперь же, немедленно. Мистицизмъ и раціонализмъ, взаимно проникая другъ друга, творятъ тѣ формы религіозной общественности, главною чертою которой является „благообразіе“... Характерно свидѣтельство одного священника о поведеніи обвиненныхъ въ

уклоненіи въ сектантство. На вопросъ предсѣдателя о признакахъ этого уклоненія священникъ отвѣчалъ: „Да какъ же? Прежде они жили какъ всѣ, а вотъ ужъ больше года какъ ни водки не пьютъ, ни скверныхъ словъ не употребляютъ, держатся отъ всѣхъ особнякомъ, собираются по вечерамъ вмѣстѣ читать евангеліе и библію". Затѣмъ Быстренинъ, приведя мнѣніе г. Пришвина въ очеркѣ „У стѣнъ града невидимаго" (Русская Мысль, 1909 г., 2—3) объ уже совершающемся фактически возсоединеніи (черезъ религіозныя исканія) народа и интеллигенціи и слова Влад. Соловьева, что неравнодушіе русскаго народа къ духовнымъ вопросамъ достаточно доказывается появленіемъ у насъ каждый годъ новыхъ сектъ, онъ кончаетъ свою статью слѣдующими словами: „Чаемая Богоискателями религіозная общественность освободитъ не только человѣческую личность отъ гнета какого бы то ни было насилія, что достигается и аскетизмомъ, непринятіемъ міра, но сохранитъ все пріобрѣтенное человѣчествомъ добро — науку, философію, искусство, сохранитъ и выведетъ на настоящую, праведную дорогу и, освятивъ свободой Христовой культуру, осуществитъ Царство Божіе на землѣ".

═ Въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи" была статья Л. М. Лопатина „Настоящее и будущее философіи". Лопатинъ говоритъ, что въ наши дни философія въ своихъ предположеніяхъ, выводахъ и руководящихъ тенденціяхъ связана съ положительной наукой и боится измѣнить или прибавить что-нибудь къ тому, что признала наука, а поэтому въ ученіяхъ современныхъ философовъ обнаруживается чрезвычайно много заранѣе принятыхъ предпосылокъ, составляющихъ своего рода школьную традицію. Къ этимъ предпосылкамъ, между прочимъ, принадлежитъ и отрицаніе всего „трансцендентнаго", всего отличнаго отъ нашего представленія, отъ процессовъ нашего познанія и нашей мысли, т. е. увѣренность, что все существуетъ лишь настолько, насколько дано въ нашемъ опытѣ, въ нашемъ пониманіи, въ нашихъ научныхъ построеніяхъ... Кантъ, всматриваясь въ процессы нашего познанія, нашелъ, что не только ощущенія нашихъ чувствъ, но и наиболѣе общія и основныя наши представленія, которымъ невольно подчиняется каждый человѣческій умъ, насквозь проникнуты чисто субъективнымъ характеромъ и не имѣютъ никакого значенія и примѣненія внѣ нашего ума: ни одно изъ этихъ представленій (пространство, время, причинность) не можетъ опредѣлять реальности, какъ она существуетъ внѣ ума, т. е. они не могутъ опредѣлять „вещей въ себѣ". Онъ вѣрилъ въ „самосущую реальность", ставилъ ее выше всѣхъ научныхъ истинъ, признавалъ за ней верховную, „моральную" обязательность, но отрицалъ возможность теоретическаго познанія этого сверх-

чувственнаго міра нашими познавательными средствами. „Однако,—говоритъ Лопатинъ,—если болѣе внимательно разобрать то, что сторонники имманентной философіи выставляютъ въ качествѣ самоочевидной аксіомы, т. е. что субъектъ и объектъ получаютъ всю свою реальность черезъ мысль и только въ мысли, то приходишь къ выводу прямо противоположному, а именно что всякая мысль получаетъ реальность черезъ предварительную (логически предшествующую) наличность субъекта и объекта... Всякая мысль относится къ чему-нибудь, къ какому-нибудь содержанію, которое она опознаетъ въ его отличіи отъ себя, какъ мыслящей дѣятельности, тѣмъ противополагаетъ себѣ, какъ нѣчто отъ нея независимое, т. е. всегда обращается къ „трансцендентнымъ“ ей, съ тѣмъ, что лежитъ. за предѣлами ея субъективной переживаемости... „Затѣмъ онъ разбираетъ отношеніе философіи къ „чужому сознанію“ и говоритъ, что наша личность, наше индивидуальное „я“ со всѣмъ, что въ немъ содержится, есть только особое представленіе въ сознаніи среди другихъ представленій, относящихся уже къ другимъ личностямъ и къ чужимъ „я“, и между представленіемъ о нашемъ „я“ и чужимъ „я“ никакого принципіальнаго различія нѣтъ: сознаніе, значитъ, сверхиндивидуально или сверхлично... „И какъ бы мы ни понимали,—говоритъ онъ дальше,—это универсальное сознаніе — будемъ ли мы въ немъ видѣть въ себѣ сущую душу міра или нашу собственную методологическую фикцію, но если независимо отъ меня существуютъ одаренныя сознаніемъ твари и самостоятельно развивающаяся по своимъ неизмѣннымъ законамъ природа, то отъ имманентизма остается одно пустое названіе... и тогда ясно, что проблема дѣйствительности никакъ не рѣшается въ границахъ одной гносеологіи... Первымъ шагомъ на пути къ философскому возрожденію долженъ быть отказъ отъ предвзятыхъ приговоровъ и запрещеній... надо отказаться отъ лозунга: „назадъ, къ Канту!“ и выставитъ другой: „впередъ, отъ Канта!“ Надо дѣйствительно проникнуться убѣжденіемъ, что философія не законченная наука и что въ ней и въ наши дни, какъ прежде, нѣтъ ничего рѣшеннаго“. При этомъ неизбѣжно выдвинется, полагаетъ онъ, задача вновь пересмотрѣть истины науки съ точки зрѣнія безпристрастнаго логическаго суда: великія открытія послѣднихъ десятилѣтій заставляютъ думать объ условности и шаткости даже наиболѣе прочныхъ обобщеній старой науки... Признаки близкаго разсвѣта и пробужденія Лопатинъ видитъ въ новомъ философскомъ движеніи — „прагматизмѣ“ и его главномъ представителѣ Вилліямѣ Джемсѣ. По основному мнѣнію Джемса, все, что мы считаемъ истиннымъ, во что вѣримъ и чѣмъ руководствуемся въ жизни, принимается нами въ силу его удобства, цѣлесообразности, соотвѣтствія и гармоніи съ нашими практическими, моральными и логи-

ческими потребностями. Но область мыслей, обладающихъ полною очевидностью и несомнѣнностью, для нашего ума очень ограничена, а всѣмъ нашимъ обобщеніямъ о наблюдаемыхъ фактахъ и всѣмъ объясненіямъ, которыя мы имъ даемъ, принадлежитъ лишь значеніе „рабочихъ гипотезъ". Дѣйствительность до безконечности „пластична" (терминологія прагматистовъ); мы не знаемъ границъ тому, что она можетъ намъ открыть, она раскрывается знанію вовсе не въ полнотѣ своихъ законовъ и силъ, а только подъ угломъ тѣхъ искусственныхъ разрѣзовъ и сѣченій, которымъ ее подвергаютъ отдѣльныя науки. Всѣ противоположныя рѣшенія основной проблемы бытія логически равноправны, предпочтеніе одному передъ другими зависитъ отъ индивидуальныхъ свойствъ каждаго человѣка. Детерминисты, отвергая свободу воли, выставляютъ принципъ единообразія природы, но съ точки зрѣнія безпристрастнаго опыта и безпристрастной логики вполнѣ мыслимо, что природа только приблизительно единообразна. Только признавъ свободу воли, мы можемъ безъ кричащаго противорѣчія думать, что мы можемъ вносить въ жизнь нѣчто свое; только при свободѣ можно допустить, что міръ улучшается и что для его развитія имѣется нѣкоторая высшая цѣль. Убѣжденіе въ бытіи Бога въ глазахъ Джемса не есть только нравственный постулатъ: доказательства въ пользу признанія Бога прежде всего коренятся въ нашемъ внутреннемъ личномъ опытѣ („Многообразіе религіознаго опыта"). Джемсъ полагаетъ, что правдоподобное объясненіе всѣхъ исключительныхъ переживаній религіозныхъ натуръ заключается въ гипотезѣ дѣйствительнаго соприкосновенія глубочайшихъ слоевъ нашей душевной жизни съ реальнымъ божественнымъ міромъ... Лопатинъ не видитъ въ прагматизмѣ вообще и въ ученіи Джемса въ частности послѣдняго слова философской истины; онъ видитъ всѣ слабыя стороны прагматическаго метода: нѣкоторую парадоксальность, американскій практицизмъ, утилитаризмъ, нѣкоторую недоговоренность и расплывчатость, „... но важны не эти слабыя стороны,—говоритъ онъ,—а его положительныя свойства—его новизна, свѣжесть, простота, искренность нравственнаго подъема. Прагматисты наносятъ ударъ догматизму и схоластикѣ, опрокидываютъ старыхъ идоловъ и зовутъ на новый, широкій путь свободныхъ изслѣдованій и непредвзятыхъ рѣшеній—въ этомъ ихъ заслуга и цѣнность".

═ Въ журналѣ „Христіанинъ" въ интересной статьѣ I. A. Лейтона (переводъ съ англійскаго) „Іисусъ Христосъ и основатели религій" авторъ, сопоставляя христіанство съ буддизмомъ, говоритъ про послѣднее ученіе такъ: и Будда принимаетъ въ свою систему ученіе древняго браманизма „Samskara" и о „Karma". Согласно этому ученію характеръ и судьба индивидуума зависятъ отъ поступковъ ранѣе его жив-

шихъ лицъ. Индивидуумъ является воплощеніемъ не отдѣльнаго какого-нибудь лица, какъ думаетъ Будда, а скорѣе группы качествъ, принадлежавшихъ многимъ ранѣе бывшимъ личностямъ. Такимъ образомъ, что касается души и вообще индивидуальности, то Будда оказывается совершеннѣйшимъ нигилистомъ: для него души не существуетъ вовсе". Въ этихъ словахъ замѣчается какая-то неточность, какое-то смѣшеніе или неразличеніе понятій „личность" и „индивидуальность". Въ „Древней Мудрости" (Анни Безантъ) говорится такъ: „Индивидуальность" заключаетъ въ себѣ самого Мыслителя („Ego", „Высшее Я"—человѣка), безсмертное дерево, которое выбрасываетъ изъ себя личности, подобно листьямъ, длящимся въ весеннюю, осеннюю и лѣтнюю пору человѣческой жизни. Все, что листья воспринимаютъ въ себя, претворяется въ сокъ, циркулирующій по ихъ венамъ, осенью же этотъ сокъ вливается въ родной стволъ, а сухой листъ отпадаетъ и погибаетъ. Лишь Мыслитель живетъ вѣчно; онъ—тотъ, для котораго „часъ не пробьетъ никогда", онъ — та вѣчная юность, которая, по выраженію Бхагавадъ-Гиты, одѣваетъ и сбрасываетъ тѣла такъ же, какъ человѣкъ надѣваетъ на себя новыя одежды и снимаетъ старыя"... Въ этихъ словахъ намѣчается ясно разница между личностью и индивидуальностью. Разбирая ученіе о „Karma", I. A. Лейтонъ говоритъ, что это ученіе „поощряетъ къ удаленію отъ міра и его сложныхъ проблемъ и ведетъ къ отрицанію его и всѣхъ его стремленій и его желаній. Ослабляя чувство личной отвѣтственности (?), оно не оставляетъ никакого мѣста для какой бы то ни было личной иниціативы. Если наша индивидуальность есть лишь временная комбинація (?) вѣчно мѣняющихся элементовъ, она не можетъ имѣть никакого непереходящаго значенія"... и дальше: „...гдѣ личность человѣка не имѣетъ непосредственнаго участія въ конечныхъ цѣляхъ мірозданія, не можетъ быть и нравственной или духовной жизни въ христіанскомъ смыслѣ этого слова"... Ученіе о „Karma" представляется автору желѣзнымъ закономъ необходимости и подавляетъ его сознаніе, но это только потому, что онъ не уяснилъ себѣ, что эти законы управляютъ не „формой", а „сутью" явленій. Карма — это „законъ причинности". „Каждое дѣйствіе во вселенной есть результатъ предшествующей причины и въ то же время причина послѣдующаго дѣйствія. Въ примѣненіи къ человѣку Карма являетъ собою всю совокупность его дѣятельностей: единичная жизнь человѣка не есть нѣчто оторванное, она представляетъ собою плодъ прошедшихъ и въ то же время сѣмя его будущихъ жизней въ той цѣпи послѣдовательныхъ воплощеній, изъ которыхъ состоитъ непрерывающееся бытіе каждой человѣческой души, и только когда человѣкъ уяснитъ себѣ, что совершенно такіе же неизмѣнные законы, какіе дѣлаютъ

возможнымъ изслѣдованіе физической природы, управляютъ и его духовною жизнью, но что эти законы только устанавливаютъ условія, необходимыя для каждаго его дѣйствія, но не *„предписываютъ“* самаго дѣйствія, тогда только кончится его безсиліе, и онъ пойметъ, что можетъ стать господиномъ своей судьбы... „Познайте Истину“ — сказалъ Христосъ—„и Истина сдѣлаетъ васъ свободными“.

Н. Т.

Не будь труднаго нрава для того, что слѣва и справа около тебя. Дурно это—заноситься предъ сосѣдями живыми, и не умѣть уже болѣе управлять своими словами. Тамъ, гдѣ лишь малая трудность, большое выростаетъ огорченіе.

Если ты встрѣтишь спорщика въ часъ его, разъ выше тебя онъ въ ловкости, опусти свои руки, не заносись противъ него. Не отвращай отъ него свою душу лишь потому, что онъ не далъ тебѣ осудить его за сужденье неправильное. Не яви себя неспособнымъ остаться спокойнымъ, когда противорѣчатъ тебѣ.

Если же встрѣтишь спорщика въ часъ его, съ тобой соразмѣрнаго, будь тѣмъ, кто не движется. Преимущество ты передъ нимъ имѣешь—лишь соблюдая молчаніе, когда онъ въ словѣ недобромъ. „Предпочтительнѣй тотъ, что сдержалъ себя“,—скажутъ слышащіе. И великимъ будешь ты признанъ.

Если ты встрѣтишь спорщика въ часъ его, не презирай его лишь потому, что ты не такой, какъ онъ. Не гнѣвись на него, когда онъ недобръ; прочь это. Самъ съ собой онъ сражается; не взывай же къ нему, чтобъ онъ льстилъ твоимъ чувствамъ. Не забавляйся тѣмъ, что передъ тобою; низко это, мало, это есть души презрѣнныя. Въ мигъ, какъ готовъ будешь чувствамъ своимъ отдаться, побѣди это, какъ то, что отвергнуто великими.

(Древне-Египетскія изреченія, см. стр. 16).

Письмо изъ Адіара.

Не знаю, Карма ли моя или покровительствовали мнѣ богини—Парки и моя счастливая звѣзда взошла, но Президентъ Общества любезно согласился на мое посѣщеніе Адіара въ самомъ началѣ моего вступленія въ Теософическое Общество.

И вотъ я отплыла отъ „Африканскихъ солнечныхъ водъ“ къ „Индіи—странѣ коралловъ“. Моимъ отправнымъ пунктомъ былъ Портъ-Елизавета (Port-Elisabeth), а оттуда я поѣхала на Дурбанъ (Durban), одной изъ прямыхъ пароходныхъ линій на Коломбо, а затѣмъ на Мадрасъ. Испытываешь какое-то странное волненіе при взглядѣ на совсѣмъ иную страну. Будто цѣлая книга еще неизвѣданныхъ переживаній лежитъ передъ вами—книга, сулящая увлекательное чтеніе и заставляющая ваши пальцы скорѣй открыть ее и перевертывать страницы.

Первый взглядъ съ моря на берегъ Индіи даетъ впечатлѣніе плоскости, и меня поразилъ особенный бѣлый цвѣтъ облаковъ, котораго я никогда не замѣчала въ Ю. Африкѣ. Это впечатлѣніе напомнило мнѣ видѣнные мною рисунки Египетскаго берега.

Между Лютикжиномъ, станціей моей высадки, и Мадрасомъ полтора дня пути по желѣзной дорогѣ, страшную жару и неудобства которой я не могу вамъ передать.

Въ продолженіе первой половины пути изъ окна, миля за милей, виднѣлась равнина, покрытая зелеными рисовыми полями, которыми такъ богата плодородная Индія. И только здѣсь начинаешь понимать немного, что означаютъ для индусовъ засуха и неурожай.

Постепенно передъ нами развертываются красоты тропической страны: тянувшіяся зеленыя рисовыя поля представляли богатѣйшую бархатистую зелень; высоко вздымающіяся кокосовыя пальмы съ ихъ волнующимися перистыми вѣтвями бросали прохладныя тѣни, между тѣмъ какъ на западномъ планѣ картины вырисовывались величественныя горы, а недостаточность красокъ восполнялась яркими одеждами женщинъ и мужчинъ, работавшихъ на поляхъ.

Длинная ночь жары и духоты миновала, и въ 6½ часовъ уже поѣздъ подошелъ къ Егмору, послѣдней станціи передъ Адіаромъ. Рядъ очень печальнаго вида повозокъ съ оборванцами-возницами былъ выстроенъ здѣсь въ одну линію. Боже мой, что за лошади! Россинантъ Донъ-Кихота былъ жиренъ сравнительно съ ними.

Волнующійся Джеу умолялъ меня осчастливить его моей сіятельной особой и багажомъ, и вотъ, хотя и съ большими опасностями, я отдалась подъ его покровительство.

Послѣ тряски въ этой погребальной четырехколесной повозкѣ въ продолженіе четырехъ миль мы увидѣли наконецъ входныя ворота Адіара и ихъ бронзовыя доски съ обозначеніемъ Теософическаго Общества. Какъ только мы переѣхали мостъ черезъ рѣку Адіаръ, я сейчасъ же узнала главное зданіе по той открыткѣ, которую я видѣла въ Новой Зеландіи. Большое свѣтло-желтое зданіе съ бѣлыми колоннами и окрашенными въ синюю краску дверьми и ставнями имѣло очень внушительный видъ, выстроенное на берегу Адіара и окруженное далеко тянувшимися зелеными и прекрасными садами. Мой кучеръ остановился, я спрыгнула на землю и почувствовала нѣкоторую растерянность, когда очутилась на землѣ. Кто-то изъ служащихъ доложилъ о моемъ пріѣздѣ, и сейчасъ же вышелъ завѣдующій общественными дѣлами Теософическаго Общества г. Вадіа. Онъ сказалъ мнѣ, что Президентъ и нѣкоторые члены общества уѣхали на сѣверъ, но что черезъ нѣсколько часовъ ожидаютъ ихъ возвращенія. Я послѣдовала за нимъ вдоль каменной веранды, вверхъ по каменной лѣстницѣ, и, пройдя черезъ входъ, озаглавленный „Женскія помѣщенія“, мы вошли въ гостиную, гдѣ онъ меня и оставилъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ до его возвращенія я разсмотрѣла всю обстановку; большая комната съ мебелью, покрытой чехлами, и съ аркообразнымъ выходомъ на большой балконъ, откуда виднѣлась рѣка, сверкавшая между деревьями. Для пріѣхавшей съ Запада эта комната показалась холодной и неуютной съ ея каменнымъ поломъ и оконными гардинами, но это только

потому, что я не знала мѣстныхъ условій; скоро убѣдилась я, что въ Индіи во время жаркихъ мѣсяцевъ полъ изъ льда былъ бы еще желательнѣе, чѣмъ изъ камня, и что гардины спасаютъ отъ духоты.

По своемъ возвращеніи г. Вадіа предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ въ поѣздку черезъ помѣстье къ „Садамъ Блаватской", гдѣ мнѣ приготовлена была комната. Еще не остановилась „повозка", какъ Джеу вытянулъ шею и, ища моего взгляда, сказалъ: „лишнія рупіи, госпожа, остановиться у одного дома и ѣхать къ другому дому... ли-и-шнія рупіи".

Я отвѣтила улыбкой на его заявленіе. Черезъ нѣсколько минутъ мы пріѣхали и остановились у большой крытой площадки противъ великолѣпнаго зданія съ громадными верандами и балконами, тяжелыми каменными колоннами и общимъ видомъ массивности. За столомъ сидѣла дама, а противъ нея ученый браминъ „пандитъ", который давалъ ей урокъ санскритскаго языка. Она сейчасъ же встала и, сказавъ мнѣ, что хозяйка нездорова, предложила провести меня въ мою комнату.

Моя комната была мнѣ пріятнымъ сюрпризомъ: она была прекрасно обставлена европейскою мебелью и съ забавно-крошечною кроватью. Койка (cut)—вотъ ея настоящее названіе и оно очень хорошо опредѣляетъ ее. Свѣтло-деревянная рама поддерживаетъ огромную сѣтку отъ москитовъ, и подъ ея защитой вы можете лежать, „улыбаясь въ спокойномъ безстрастіи", въ то время какъ за ней неистовствуютъ враги. Каждый пріѣзжающій имѣетъ маленькую туалетную комнату, и я отыскала свою. Вотъ что я тамъ увидала: красный кувшинъ, полный воды, маленькая чашка и тазъ. „Гдѣ же ванна?" —спросила я.—„Вотъ она"—былъ отвѣтъ, и мнѣ указали на край цемента, который отдѣлялъ одну половину каменнаго пола отъ другой.—„Вы встанете какъ разъ на этой половинѣ и вода обдастъ васъ, она будетъ течь черезъ это отверстіе въ стѣнѣ".—Моя первая проба не была особенно удачна, и только черезъ нѣсколько дней я стала искусна въ восточномъ купаньѣ; это то же самое, что на Западѣ ванна съ душемъ, но только болѣе дѣйствительная и пріятная, чѣмъ въ Европѣ.

Въ половинѣ десятаго послышался изъ залы звонъ колокола, и меня пригласили къ завтраку. Двѣ прекрасныя комнаты, раздѣленныя, ширмами, составляли столовую и гостиную въ зданіи „Садовъ Блаватской". Большой столъ, очень удобный, покрытый бѣлою скатертью и изящно украшенный цвѣтами, придавалъ всему милый, уютный видъ. Прислуга, одѣтая въ бѣлое и въ тюрбанахъ, стояла наготовѣ и удовлетворяла желанія присутствующихъ. И

опять мои западныя представленія были шокированы, такъ какъ утренній чай въ Индіи былъ собственно завтракомъ, или лучше сказать тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и прежде всего казалось, что овощи и пуддингъ не подходили какъ пища для закуски въ половинѣ десятаго утра. Но время ѣды распредѣляется по климату, а здѣсь совершенно невозможно готовить или ѣсть во время жаркихъ часовъ дня.

Благодаря любезному содѣйствію одной маленькой австралійки, которая, можетъ быть, возымѣла ко мнѣ дружеское чувство, какъ къ сестрѣ по колоніи, я была сразу посвящена въ подробности жизни въ Адіарѣ.—„Мы ѣдемъ черезъ часъ въ Главныя квартиры",—сказала она,—„вы утомлены, или поѣдете съ нами?"

Конечно я пошла.

Всѣ собрались въ огромномъ читальномъ залѣ и составили очень живописную группу. На всѣхъ были сандаліи и свободныя бѣлыя платья; только такую одежду и можно носить большую часть года въ Индіи. Многія изъ дамъ носили индійскую „saree" *), воротникъ на которой совершенно отсутствовалъ. Другія предпочитали одѣяніе въ видѣ совершенно свободныхъ дѣтскихъ передниковъ, накинутыхъ сверхъ легкой съ открытымъ воротомъ блузки.

Среди зала имѣлась большая ниша, въ ней находились статуи двухъ основателей Теософическаго Общества. Е. Блаватская сидѣла, а сзади нея стояла величественная фигура полковника Олькотта.

Пока я отмѣчала эти подробности, возвратился моторъ, и черезъ нѣсколько минутъ въ залу вошла А. Безантъ съ двумя индусами и съ г. Ледбитеромъ. Мы всѣ встали навстрѣчу. А. Безантъ сердечно привѣтствовала меня и выразила надежду, что я удобно устроилась и что мнѣ будетъ хорошо. Насталъ часъ, и я увидѣла ту женщину, которая вложила въ мои руки волшебный ключъ отъ Золотыхъ Вратъ. Я сдѣлала много тысячъ миль для этого. Мое впечатлѣніе было такъ сильно, что не могу передать его словами...

Медленно общество стало расходиться по своимъ комнатамъ, и живущіе въ „Садахъ Блаватской" возвратились домой.

Теософка,
пріѣхавшая изъ Южной Африки.

*) Женская мѣстная одежда.

Письма къ читателямъ.

На землѣ зарождаются причины всего совершающагося, въ астральномъ мірѣ созрѣваютъ послѣдствія этихъ причинъ... Послѣдствія эти не исчерпываются тѣми явленіями, которыя мы можемъ наблюдать повсемѣстно вокругъ себя; кромѣ этихъ видимыхъ послѣдствій, созрѣваютъ и другія, невидимыя для насъ, но, тѣмъ не менѣе, реальныя и полныя огромнаго значенія для ближайшаго будущаго народовъ. Они создаются тѣми безчисленными вибраціями ненависти, зависти, страха и отчаянья, которыя несутся отъ смятеннаго человѣчества въ астральный міръ и порождаютъ тамъ условія, при которыхъ возникаютъ прототипы всевозможныхъ заразныхъ бациллъ. Возникая отъ столкновенія потрясающихъ вибрацій человѣческихъ злыхъ страстей, этотъ невидимый посѣвъ *оживаетъ только отъ благопріятныхъ условій*, чтобы наброситься на землю и воплотиться въ видѣ чумныхъ, тифозныхъ, холерныхъ и другихъ бациллъ.

Таковъ истинный круговоротъ жизни: мирная культурная работа вызываетъ гармоническія условія въ астральномъ мірѣ, которыя съ своей стороны отзываются благими послѣдствіями на земномъ существованіи человѣка, и наоборотъ; насиліе и злоба производятъ страшныя пертурбаціи въ астральномъ мірѣ, а эти послѣднія, въ свою очередь, вызываютъ всевозможныя бѣдствія на землѣ.

„Вѣстникъ Теософіи“ 1909 г., № 7, 8, стр. 97.

Приведенный отрывокъ изъ „Письма къ Читателямъ“, написанный лѣтомъ 1909 года, исполняется въ наступившемъ году съ потрясающимъ реализмомъ. Событія на Дальнемъ Востокѣ — какъ бы страшная иллюстрація къ ученіямъ Теософіи.

Пять лѣтъ назадъ поля Манджуріи были ареной человѣческой дѣятельности, которая по жестокости и по количеству жертвъ не имѣетъ себѣ равной въ человѣческой исторіи. Съ полями Манджуріи связаны наши самыя страшныя воспоминанія. У кого изъ насъ не было друзей, братьевъ, сыновей или знакомыхъ, оставшихся на этихъ поляхъ навсегда и погибавшихъ тамъ при условіяхъ до того страшныхъ по своимъ жестокимъ подробностямъ, что они въ свое время терзали насъ какъ мучительный бредъ. У кого изъ насъ въ тѣ дни не возникало хотя бы мимолетнаго сознанія, что звѣрство уже не подъ силу современному человѣчеству, что выросшія человѣческія свойства сами возстаютъ противъ кровавыхъ боенъ, вызывая у участниковъ войны потрясеніе нервной системы до того сильное, что оно доводитъ ихъ до потери всякаго самообладанія, до припадковъ безумія, до прежде-

временнаго раскрытія передъ глубоко потрясенной душой явленій сверхфизическаго міра...

Представлялъ ли себѣ когда-либо читатель эти поля при яркомъ солнцѣ, когда оно съ безпощадною отчетливостью освѣщало безчисленные трупы съ застывшимъ выраженіемъ ужаса въ мертвыхъ глазахъ и рядомъ мучительныя подробности предсмертной агоніи умирающихъ? Представлялъ ли онъ ихъ ночью, при слабомъ освѣщеніи. когда всѣ грубые земные звуки прекращались и невидимый міръ сплетался своими незримыми призраками съ отдѣлявшимися душами убитыхъ, надвигаясь такъ ощутительно и такъ жутко къ затихшимъ полямъ, что умиравшіе должны были пріобщиться къ его невѣдомой жизни, еще не переступивъ грани, за которой раскрываются потусторонніе міры?

Поля эти дымились не отъ одной пролитой человѣческой крови; отъ нихъ отдѣлялись невидимыя тучи, заряженныя страшной силы токами, уносившими въ невѣдомыя пространстра вихри злобы, отчаянья и безнадежнаго ужаса всѣхъ этихъ замученныхъ жертвъ человѣческаго безумія.

Куда же дѣвались эти заряженныя тучи? Кто задавалъ себѣ этотъ неизбѣжный вопросъ? Урокъ на поляхъ Манджуріи казался такимъ огромнымъ и незабвеннымъ, что онъ долженъ бы оставить глубокій слѣдъ въ сознаніи и совѣсти людей. Гдѣ же этотъ слѣдъ? Измѣнилась ли наша жизнь, повернула ли она на новые пути? Пересталъ ли надъ нами витать призракъ войны и обнажилась ли передъ сознаніемъ вся беззаконность національнаго и классоваго эгоизма?

Событія отвѣчаютъ на это отрицательно. Жизнь продолжаетъ итти по тѣмъ же путямъ и послѣдствія пережитаго изгладились изъ сердца и памяти людей, но не изгладились они изъ великой памяти природы: въ ея незримой лабораторіи ничто не пропадаетъ даромъ, и то, что представители восточнаго и западнаго полушарій засѣвали пять лѣтъ назадъ на поляхъ Манджуріи, всходитъ страшной жатвой на нашихъ глазахъ. Возьмите первый попавшійся отчетъ о чумѣ въ Манджуріи. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 21-го января изъ Харбина описывается такая картина:

„Вмѣстѣ съ русскими и англійскими коллегами посѣтилъ Фудзядянъ, представляющій царство мертвыхъ. Умираетъ ежедневно свыше 200 человѣкъ. Трупы вездѣ—въ фанзахъ, на улицахъ; тутъ же собаки; пожива принадлежитъ имъ. Возлѣ больницы —дворъ, отгороженный изгородью, въ сажень вышиной, до

верха набитый трупами... Скорченные трупы вколачиваются въ гробы... Цѣлыми часами тянутся вереницы арбъ съ покойниками. Впечатлѣніе, что здѣсь не хоронятъ людей, а перевозятъ туши мороженаго мяса. Власти... начали сжигать: въ разведенные костры бросаются сотни труповъ. Въ воздухѣ запахъ жженаго мяса".

А отъ 7-го февраля: „Въ Фудзядянѣ отъ 40-тысячнаго населенія осталось, благодаря чумѣ, тысячъ 15... Оживленный китайскій городокъ затихъ. По улицамъ бродятъ одинокія фигуры... Кое-гдѣ валяются еще неубранные трупы. То и дѣло встрѣчаются двухколесныя китайскія арбы съ наваленными на нихъ гробами... Гробы эти отвозятъ за городъ и оставляютъ на открытомъ мѣстѣ въ полѣ. Пространство, занятое гробами, тянется по берегу Сунгари и въ сторону отъ нея версты на четыре"... и т. д. и т. д. все въ этомъ же родѣ. Какіе же выводы дѣлаются изъ всѣхъ этихъ вѣстей съ полей Манджуріи? Мнѣ не попадалось ничего иного, кромѣ разсужденій о санитарныхъ мѣропріятіяхъ, о мѣрахъ противъ тарбагановъ, свѣдѣнія о черныхъ крысахъ, о блохахъ съ латинскими названіями каждой породы и — ни единаго звука объ истинной причинѣ страшнаго бѣдствія... Ни слова о томъ, что міръ пожинаетъ результатъ грѣховной жестокости людей, послѣдствія попранныхъ законовъ, которые *не могутъ* быть нарушены безнаказанно, ни слова о томъ, что зло *должно* родить зло и что нельзя, сѣя страданія и ужасъ, собирать благоденствіе и радости жизни...

Но, спросятъ читатели, если чума — послѣдствіе человѣческихъ грѣховъ, почему же эти послѣдствія падаютъ на невинныхъ? Такой вопросъ возможенъ до тѣхъ поръ, пока мы еще не сознаемъ, что человѣчество едино, пока не знаемъ, что одна и та же жизнь циркулируетъ во всемъ человѣчествѣ, и чѣмъ болѣе отравы вливается въ его организмъ, тѣмъ болѣе въ немъ заболѣвающихъ и зараженныхъ частей. Но отчего заболѣваютъ именно эти, а не другіе? Иногда оттого, что они наиболѣе невѣжественны и пассивны, а иногда потому, что ихъ укоренившіяся свойства нуждаются болѣе всего въ потрясеніяхъ, въ ударахъ грома... Если мы не признаемъ случайностей, если видимъ не безсмыслицу и хаосъ въ жизни міра, мы должны допустить, что въ мѣстахъ великихъ стихійныхъ бѣдствій воплощаются не совершенные праведники съ высоко развитой душой, а души, нуждающіяся въ особенно сильныхъ воздѣйствіяхъ и толчкахъ. Разбуженное этими толчками сознаніе пострадавшихъ

не умретъ, какъ мы знаемъ, а будетъ снова жить въ новомъ воплощеніи, но уже не попрежнему, а умудренное пережитымъ опытомъ. И въ то же время мы можемъ быть спокойны, что законъ Кармы безошибочно совершаетъ свое правосудіе и что отъ него не укроются тѣ, которые были истинными виновниками чумы, которые вызвали эти тучи злобы и страданія, зарядившія астральный міръ страшнымъ посѣвомъ.

Зараза, вызванная дурными страстями людей, проявляется различными способами: ея физическія послѣдствія падаютъ на самыхъ отставшихъ въ смыслѣ внѣшней культуры; гдѣ царитъ бѣдность и тѣснота, грязь и невѣжество, тамъ появляются *наиболѣе благопріятныя условія для воплощенія заразныхъ разрушителей физическаго здоровья*. Относительно этихъ послѣдствій внѣшняя культура и хорошія гигіеническія условія – самое дѣйствительное средство; общее благосостояніе и опрятность несомнѣнно, ограждаютъ людей отъ *физическихъ* послѣдствій человѣческихъ грѣховъ. И можно быть увѣреннымъ, что, когда *всѣ* люди будутъ имѣть просторныя жилища, здоровую пищу и ежедневныя ванны, заразныя болѣзни прекратятся совсѣмъ и перейдутъ въ такую же область преданій, какъ пиры людоѣдовъ. Но если санитарныя мѣры коснутся только внѣшней стороны человѣческой жизни, а внутреннія свойства человѣка не измѣнятся, зараза будетъ попрежнему дѣйствовать, но вызывать она уже будетъ не физическія бѣдствія, а болѣзни нравственныя.

Развѣ все учащающіяся самоубійства молодежи, внутренняя неустойчивость, расшатанность нервной системы и всѣ формы душевныхъ заболѣваній не говорятъ настойчиво и ярко о томъ, что зараза разносится не только на почвѣ физической грязи, но и въ невидимой области души, на почвѣ внутренней нечистоты, порождаемой эгоизмомъ. Въ области видимой зараза проявляется повальными болѣзнями, въ невидимой — нервнымъ разстройствомъ, тоской, сумасшествіемъ, отвращеніемъ къ жизни и т. д. Это — та же чума, но противъ нея не помогутъ никакія санитарныя мѣры. Что же можетъ помочь? Прежде всего широко распространенное сознаніе *единства всѣхъ людей*, а затѣмъ ясное пониманіе, что взаимодѣйствіе между видимой физическою средою и невидимою психическою жизнью человѣчества происходитъ постоянно и неуклонно, *какъ незыблемый законъ природы*.

Такъ же, какъ одинъ человѣкъ не можетъ отгородиться отъ своего народа и процвѣтать въ то время, какъ всѣ остальные болѣютъ и страдаютъ, такъ же невозможно установить грани между

физическими и нравственными причинами человѣческихъ страданій. Самыя идеальныя санитарныя мѣры не будутъ дѣйствительными, пока каждый будетъ думать только о себѣ и пока право сильнаго будетъ въ рукахъ эгоистовъ. И пищи, и чистаго воздуха, и чистой воды, и работоспособности, создающей богатства, достало бы на всѣхъ, если бы не было злоупотребленій, ограждаемыхъ человѣческими законами. Чтобы выйти изъ этого заколдованнаго круга, нужно признать, *что духовная культура такъ же необходима, какъ и культура матеріальная*. Послѣдняя должна быть дѣломъ всего общества и государства, тогда какъ нравственная культура — задача индивидуальная. „Каждый человѣкъ поистинѣ самъ для себя и путь, и истина, и жизнь“ („Свѣтъ на Пути“), и, прибавлю я, творецъ своего собственнаго внутренняго міра.

Съ внутренняго міра и нужно начинать перестройку и въ немъ водворять ту правду, безъ которой не прекратятся всевозможныя бѣдствія на землѣ. И не нужно бояться одиночества, не нужно думать, что усилія единицъ ничего не значатъ въ сравненіи съ жизнью всѣхъ. Законъ духовнаго міра говоритъ, что безконечно важнѣе, чѣмъ физическія проявленія человѣка, та внутренняя работа. которая совершается при этомъ въ глубинѣ его души. Самыя дѣйствія могутъ быть незамѣтны и ничтожны съ точки зрѣнія видимостей, но та духовная сила, которую человѣкъ развиваетъ, когда остается собраннымъ и строгимъ къ себѣ среди общей распущенности, когда сохраняетъ себя чистымъ среди нечистоты, цѣломудреннымъ среди безнравственности, справедливымъ среди всеобщаго нарушенія правды, безкорыстнымъ среди повальной подкупности—такая сила превращается въ огромную энергію въ тѣхъ невидимыхъ мірахъ, гдѣ отражаются послѣдствія всѣхъ человѣческихъ дѣятельностей.

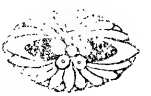
Она очищаетъ и оздоравливаетъ астральный міръ. Сила эта, порождаемая любовью къ Богу или идеалу—что съ высшей точки зрѣнія одно и то же—или къ страдающему міру, принадлежитъ уже къ очень высокой области духа, а мы знаемъ, что чѣмъ выше область, тѣмъ могущественнѣе проявленіе ея силъ. Происходитъ это отъ того, что духовныя силы человѣка скованы на землѣ страстями и грубо матеріальной средой, которая мѣшаетъ ихъ свободному проявленію. Но по существу своему онѣ настолько могущественны, что стоитъ человѣку вступить въ серьезную борьбу съ своей низшей природой и заставить замолкнуть рѣзкія и яркія вибраціи своихъ земныхъ страстей, какъ онъ не-

медленно почувствуетъ всю силу скрытыхъ въ немъ духовныхъ возможностей. Въ дѣйствительности силы эти безграничны, и онѣ могутъ „горы передвигать“, если повѣрить въ нихъ до конца.

Когда человѣкъ вызываетъ къ жизни свои духовныя силы любви, проводитъ ихъ черезъ сознательную культуру и вноситъ въ свою земную жизнь, онъ работаетъ не для одного себя, а для всего міра. Онъ создаетъ очагъ силы, дѣйствіе которой нельзя измѣрить видимыми послѣдствіями. Послѣдствія эти незримы, но они служатъ для поднятія *всего* человѣчества, они вліяютъ на погашеніе дурной Кармы всего міра.

Чѣмъ болѣе загорится такихъ очаговъ духовной силы на землѣ, тѣмъ скорѣе совершится переходъ человѣчества изъ мрака къ свѣту. Въ этомъ тайна святости и ея могучаго вліянія на нашъ земной міръ.

Другъ Читателя.



Не повторяй излишекъ рѣчи, не слышь ее. Это есть изліяніе жара изъ души вскипѣвшей. Видя спорщика повторяющимъ, взгляни, не слыша, на землю. Не говори ничего на это. Сдѣлай такъ, чтобы спорщикъ узналъ, что есть справедливое,—что онъ несправедливостью зоветъ.

Если ты хочешь быть вѣжливымъ, не требуй отвѣта громко у того, къ кому обращаешься. Говори съ нимъ отдѣльно, его не стѣсняя. Не вступай въ пререканіе съ нимъ, прежде чѣмъ не успѣетъ онъ запечатлѣть въ умѣ предметъ разговора. Если онъ явитъ свое невѣдѣніе,—не стыдя, уважь его скорѣе. Не тѣсни и не толкай его словомъ.

(Древне-Египетскія изреченія, см. стр. 16).

Фр. Садди. „Радій“.—11 общедоступныхъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ въ Глазго въ 1908 г., съ иллюстр., перев. со 2-го англ. изданія Н. А. Шилова. Москва 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Удивительная эта книга. Ясность и точность языка, строго провѣренные научные факты, и все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе какой-то сказки, до того удивительна развертывающаяся передъ вами картина тѣхъ предѣловъ, куда уже шла научная мысль. Для теософа же эта книга имѣетъ двойной интересъ, такъ какъ онъ лишній разъ убѣждается въ томъ, что Теософія не только не находится въ противорѣчіи съ подлинной наукой, а, наоборотъ, послѣдняя даетъ, правда порою очень запоздалыя, подтвержденія воспринятыхъ ими положеній. Но эти подтвержденія все же имѣютъ огромную цѣну уже потому, что даются тѣми же самыми людьми науки, которые въ большинствѣ случаевъ считаютъ себя обязанными быть ярыми противниками „мистическихъ бредней“. Въ данномъ случаѣ профессоръ Садди является счастливымъ исключеніемъ. Онъ не только не отрицаетъ, на подобіе многихъ своихъ коллегъ, того, „чего не понимаетъ“, но считаетъ, что подобный типъ отрицателей „настолько укоренился у насъ среди офиціальныхъ представителей химіи, что необходимо высказать протестъ противъ этого“ (стр. 96). И его заключеніе въ сущности является не только сплошнымъ протестомъ противъ этого огульнаго отрицанія, но и попыткой нѣсколько примирить считавшееся до сего непримиримымъ—точную науку съ древними миѳами и „суевѣріями“ прошлыхъ вѣковъ. Строки, посвященныя этому вопросу, настолько интересны, что не могу отказать себѣ въ удовольствіи ихъ привести.

„Только на поверхностный взглядъ,—пишетъ проф. Садди,—матеріальный міръ производитъ впечатлѣніе неизмѣннаго и законченнаго творенія. Въ дѣйствительности извѣстное намъ теперь непреклонное дѣйствіе медленнаго, непрерывнаго превращенія затрагиваетъ самые „краеугольные камни“. Этимъ послѣднимъ шагомъ въ области науки ученіе о всемірной эволюціи пріобрѣло дѣйствительно общее значеніе,

охвативъ одушевленный и неодушевленный міры. Но тогда какъ въ одушевленномъ мірѣ малыя отклоненія въ условіяхъ среды вызываютъ рѣзкія измѣненія, въ неодушевленномъ мірѣ условія и причины эволюціи остаются намъ совершенно неподвластными и неизвѣстными (стр. 143—144)".

„Съ точки зрѣнія новыхъ идей,—пишетъ онъ дальше,—кажутся удивительными нѣкоторые старые миѳы и легенды о веществѣ и о людяхъ. Разберемъ, напримѣръ, старый мистическій символъ матеріи, такъ-называемый „Уроборосъ„—эмблема, которая представляла змѣя, свернувшагося въ кругъ, пожиравшаго свой хвостъ и имѣвшаго въ серединѣ девизъ: „Все едино". Это символизируетъ эволюцію, эволюцію по цикламъ, и что еще удивительнѣе—эволюцію *матеріи*, т. е. самую позднѣйшую идею эволюціи, возможность которой въ прошломъ столѣтіи рѣшительно отрицалась Клеркомъ Максуэллемъ и другими учеными. Съ точки зрѣнія современнаго значенія самое вѣроятное и самое интересное представленіе о вселенной есть, пожалуй, то, которое предполагаетъ, что въ одной части цикла развитія матерія распадается и ея энергія, выдѣляясь, теряетъ свою силу, а въ другой, неизвѣстной намъ части того же цикла, матерія снова созидается при содѣйствіи отработавшей энергіи. Въ результатѣ такого цикла, несмотря на постоянное превращеніе, должно наступить равновѣсіе, которое поддерживается безконечно. Если бы кто-нибудь хотѣлъ выразить эту мысль, то врядъ ли можно было бы выбрать болѣе удачную эмблему, чѣмъ змѣй, пожирающій свой собственный хвостъ.

Многія изъ древнихъ сагъ, которыя дошли до насъ отъ сѣдой старины, настолько вкоренились въ наше сознаніе, что мы привыкли разсматривать ихъ такими же старыми, какъ и самъ родъ человѣческій. Но невольно является искушеніе задать себѣ вопросъ: можно ли считать только дѣломъ случая, что многія изъ этихъ сказаній такъ хорошо подходятъ къ новымъ взглядамъ нашей науки, и нельзя ли это считать указаніемъ на существованіе неизвѣстныхъ и неподозрѣваемыхъ нами цивилизацій, отъ которыхъ исчезли всѣ слѣды.

Интересно, напримѣръ, вспомнить замѣчательное повѣрье о „Философскомъ Камнѣ"—старой и общераспространенной легендѣ, происхожденіе которой теряется въ глубинѣ прошлыхъ временъ, доступныхъ нашему изслѣдованію. Философскому Камню приписывалась не только способность превращать металлы, но и дѣйствовать какъ *Жизненный Эликсиръ*. Каково бы ни было происхожденіе этого на первый взглядъ лишеннаго смысла повѣрья, но оно есть точное аллегорическое выраженіе того взгляда, который мы теперь защищаемъ. Не надо особаго полета фантазіи, чтобы въ энергіи видѣть источникъ физической жизни

вселенной, а ключъ къ первоисточникамъ энергіи, какъ мы въ настоящее время знаемъ, даетъ превращеніе элементовъ. Было ли это сопоставленіе идеи о превращеніи элементовъ съ жизненнымъ эликсиромъ дѣломъ простой случайности? Я предпочитаю видѣть въ этомъ отзвукъ одной изъ многихъ прошедшихъ эпохъ въ незапамятной исторіи міра и отголосокъ тѣхъ людей, которые шли тѣмъ же путемъ, которымъ идемъ и мы, но въ такой отдаленной отъ насъ глубинѣ древности, что даже сами атомы ихъ цивилизацій успѣли въ буквальномъ смыслѣ этого слова разрушиться.

Дадимъ на нѣсколько мгновеній просторъ нашей фантазіи, прежде чѣмъ поставить точку. Что если этотъ взглядъ, который самъ собой приходитъ въ голову, справедливъ, и мы можемъ положиться на слабые намеки, которые даютъ намъ сказанія и суевѣрія, дошедшія къ намъ отъ доисторическихъ временъ? Не можемъ ли мы прочесть въ нихъ обоснованіе той вѣры, что прошлая, забытая раса людей не только достигла знаній, которыя мы добываемъ вновь, но и завоевало могущество, котораго у насъ еще нѣтъ? Наука возсоздала исторію прошлыхъ временъ, какъ непрерывное „возвышеніе человѣка“ до современнаго уровня его могущества. Въ виду очевидныхъ указаній на постоянные успѣхи человѣческой культуры, происхожденіе традиціонной легенды о „паденіи человѣка“ съ болѣе высокаго уровня развитія, вообще говоря, мало понятна. Но съ нашей новой точки зрѣнія науку и легенду далеко не такъ трудно согласить, какъ это кажется. Раса, которая могла превращать элементы, не нуждалась въ томъ, чтобы въ потѣ лица добывать свой хлѣбъ. Если судить по тому, чего наши инженеры могутъ достигать при помощи подвластныхъ имъ, ограниченныхъ запасовъ энергіи, то можно думать, что такая раса могла оживить безплодный континентъ, расплавить замерзшій полюсъ и весь міръ превратить въ ликующій садъ Эдема. Можетъ быть, эти расы могли изслѣдовать внѣшнія области пространства и переселяться въ болѣе удобные міры точно такъ же, какъ мы переселяемся на болѣе удобные континенты. Одно только можно сказать съ увѣренностью: такое человѣчество должно было бы имѣть короткое существованіе. Одинъ невѣрный шагъ могъ перемѣнить роль человѣка въ природѣ, сдѣлать его слугой изъ господина, и послѣдствія были бы непоправимы: весь міръ долженъ былъ бы снова познать неограниченную власть природы и вновь начать свой трудный путь среди временъ. Можетъ быть, сказаніе о „паденіи человѣка“ и есть отголосокъ „такого былого бѣдствія“.

Е. К.

Вопросъ В. Б. Какъ понимать „астральный міръ“, „эфирное тѣло“ и „космическое пространство“ и чѣмъ нужно руководствоваться при встрѣчѣ подобныхъ терминовъ.

Отвѣтъ. *Астральный Міръ.* Матерія въ нашей планетной системѣ находится въ семи состояніяхъ, при чемъ каждое изъ нихъ служитъ проводникомъ различныхъ проявленій жизни. Астральная матерія—не видима и не осязаема для обыкновенныхъ чувствъ, она служитъ для выраженія страстной и эмоціональной природы человѣка. Какъ таковая, она входитъ въ составъ человѣка, а проникая всю землю и всѣ физическіе предметы, образуетъ собою особый тонкій міръ, въ которомъ проходитъ часть посмертной эволюціи человѣка.

Эфирное тѣло. Теософія учитъ, что, кромѣ видимыхъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ состояній, физическая матерія существуетъ въ болѣе тонкихъ эфирныхъ состояніяхъ. Эфирная матерія, наравнѣ съ астральной, проникаетъ физическую матерію человѣческаго тѣла и, будучи носительницей всѣхъ физическихъ силъ, нужныхъ для поддержанія жизни, служитъ проводникомъ для жизненной силы, притекающей къ намъ отъ солнца. Совокупность всѣхъ эфирныхъ явленій въ человѣческомъ организмѣ называется эфирнымъ тѣломъ. Подробности см. въ В. Т. статья Д. Страндена „Семь принциповъ человѣка“.

Космическое пространство есть астрономическое міровое пространство, заключающее въ себѣ всѣ видимые звѣздные міры наравнѣ съ нашей солнечной системой, а также всѣ міры невидимые, о существованіи которыхъ учитъ Теософія.

Вопр. В. С. Въ книгѣ Древняя Мудрость А. Безантъ (стр. 131—136) описывается монада въ первый періодъ своего существованія, называемая „групповой душой“ и собирающая свой опытъ посредствомъ переживаній цѣлаго вида низшихъ растеній или животныхъ. Для того, чтобы собирать опытъ, монада должна находиться въ тѣсномъ общеніи со всѣми экземплярами даннаго вида, а однородные индивидуумы мо-

гутъ быть разбросаны по всему земному шару, то приходится допустить, что или монада временно можетъ дробиться на безконечное число частицъ, или земныя разстоянія не имѣютъ здѣсь никакого значенія, или же монада осѣняетъ только небольшое сравнительно число экземпляровъ даннаго вида, напр. одинъ муравейникъ, рой пчелъ и т. п.

Отвѣтъ. Нельзя смѣшивать монаду съ групповой душой. Монада есть часть субстанціи Перваго Логоса, единица Божественной Жизни, вѣчно пребывающая въ лонѣ Второго Логоса и никогда не сходящая на низшіе планы бытія. Это—сущность, исполненная потенціи божественной жизни. Чтобы раскрыть эту божественную жизнь въ себѣ и стать самосознающей и самодѣятельной, она вступаетъ во взаимодѣйствія съ окружающимъ міромъ, испуская лучи своихъ силъ.

Въ соединеніи съ матеріей атмическаго, буддхическаго и ментальнаго плановъ монада составляетъ духовную тріаду Атма-Буддхи-Манасъ, сѣмя сознанія, которое съ теченіемъ эволюціи превращается въ человѣческое *Ego*. Групповая душа животнаго царства, проявляющаяся черезъ тѣ матеріальныя формы, которыя она оживляетъ, подвергается постепенно дѣленію, по мѣрѣ того какъ названныя формы пріобрѣтаютъ все больше и больше индивидуальныхъ различій. Групповыя души минеральнаго и растительнаго царствъ должны пройти: первая черезъ растительное и животное, вторая черезъ животное царство.

Вопр. В. С. По ученію Т. въ нашей солнечной системѣ имѣется 7 планетныхъ эволюціонныхъ цѣпей (Др. Муд., стр. 221), а изъ астрономіи извѣстно, что всѣхъ планетъ 8 (не считая мелкія). Нужно ли понимать это такъ, что на нѣкоторыхъ планетахъ не развивается жизнь, или же что въ одну эволюціонную цѣпь входитъ нѣсколько физическихъ планетъ?

Отвѣтъ. Подъ семью планетными эволюціонными цѣпями подразумѣваются не физическія планеты солнечной системы, а различныя состоянія нашей планеты земли, ея послѣдовательныя воплощенія. Эзотерическія названія этихъ цѣпей символическія и знаменуютъ собой особое состояніе жизни, присущее каждому циклу планетной жизни.

Вопр. В. С. Какимъ образомъ создано земное человѣчество? Если всѣ души, воплощающіяся на землѣ, созданы единовременно, то откуда такая разница между ними; если же души создаются безпрерывно, то человѣкъ, рѣшившійся пожертвовать своимъ личнымъ блаженствомъ и перевоплощаясь съ этою цѣлью на землѣ до тѣхъ поръ, пока спасутся „всѣ“, будетъ обреченъ на вѣчное воплощеніе.

Отвѣтъ. Созданіе человѣческой монады изъ нѣдръ Божества происходитъ внѣ времени, поэтому нельзя сказать, что творчество душъ происходитъ „одновременно“ или „непрерывно“, ибо время суще-

ствуетъ лишь въ условіяхъ воплощенія. Но эволюція опредѣленной солнечной системы начинается для опредѣленнаго числа монадъ; различіе въ степени эволюціи получается благодаря проявленію самодѣятельности воплощенныхъ. Есть стихійная эволюція, такъ сказать всеобщее обязательное обученіе, и есть ускоренная эволюція отдѣльныхъ людей, какъ героическія попытки достигнуть скорѣе до вершинъ Духа. Вѣчнаго воплощенія не можетъ быть уже потому, что каждая планетная система имѣетъ свой конецъ. Возможность воплощаться ради помощи оставшимся людямъ не вызываетъ необходимости въ постоянныхъ воплощеніяхъ; необходимость въ такихъ воплощеніяхъ возникаетъ тогда, когда міру бываетъ нужно дать новый духовный толчекъ, напримѣръ въ видѣ новой религіозной системы.

Вопр. В. С. Теософія учитъ относиться съ уваженіемъ къ жизни самаго незначительнаго существа. Не говоря уже о хищныхъ животныхъ, вредныхъ насѣкомыхъ, паразитахъ, даже вылѣчивая людей отъ такихъ болѣзней, какъ холера, тифъ и т. п., мы этимъ самымъ убиваемъ безчисленные миріады живыхъ существъ.

Отвѣтъ. Теософія учитъ относиться съ уваженіемъ къ жизни самаго незначительнаго существа, но она не учитъ разводить грязь и держать наше тѣло въ нечистотѣ и плохихъ гигіеническихъ условіяхъ. Наоборотъ, она напоминаетъ намъ, что тѣло наше — орудіе скрытой въ насъ божественной жизни, которое нужно сохранять въ силѣ, здоровьѣ и чистотѣ. Всѣ вредныя насѣкомыя и паразиты—порожденіе грязи, отсутствія солнечнаго свѣта и болѣзней въ различныхъ царствахъ природы; борьба человѣка съ паразитами должна сводиться къ водворенію такихъ условій въ физической жизни его самого, его домашнихъ животныхъ и культивируемыхъ имъ растеній, чтобы паразиты совсѣмъ исчезли изъ сферы его вліянія. Каждый садовникъ знаетъ, что при хорошемъ удобреніи и внимательномъ уходѣ за деревьями садъ несравненно рѣже подвергается нападеніямъ паразитовъ; то же самое относится и къ скотному двору, и къ птичнику.

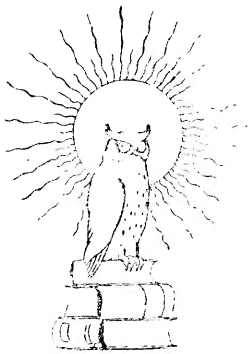
Если вопросъ идетъ о существующихъ уже паразитахъ въ саду, на скотномъ дворѣ или въ человѣческомъ жилищѣ, нужно взвѣсить цѣнность жизни паразита и того животнаго или растенія, соками которыхъ паразиты питаются; если животное или растеніе болѣе цѣнно, нужно уничтожить паразитовъ, но никогда не слѣдуетъ отнимать жизнь безъ нужды, хотя бы и у крохотной козявки, ползущей по дорогѣ.

Вопр. В. С. Теософія ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждый, получающій „хлѣбъ жизни“, дѣлился имъ съ другимъ, а не хранилъ его для себя. Спрашивается, что дѣлать человѣку, который

при своихъ попыткахъ подѣлиться этимъ „хлѣбомъ“ встрѣчаетъ лишь равнодушіе, непониманіе и даже насмѣшки?

Отвѣтъ. Это общая участь всѣхъ борцовъ за новыя идеи, всѣхъ проповѣдниковъ истины. Великіе Учители человѣчества не только принимали насмѣшки, но и запечатлѣвали кровью свою проповѣдь. Они должны служить намъ живымъ примѣромъ. Нужно всегда помнить, что ни одно доброе слово, ни одна мысль, направленная ко благу, не пропадаютъ въ духовной экономіи природы, и что они приносятъ свой плодъ даже и для тѣхъ, кто не сознаетъ, что протянутая къ нимъ рука предлагаетъ помощь.

На остальные вопросы отвѣтъ послѣдуетъ въ слѣдующей книжкѣ „Вѣстника“.



А не то не возвратится онъ къ тебѣ, и преимущество бесѣды твоей утратится.

Если въ совѣтѣ ты, молчи скорѣе, чѣмъ въ словахъ распространяться. Когда говоришь, знай, что тебѣ возразить могутъ. Это—искусство говорить въ совѣтѣ, и попадаютъ на слово больше, чѣмъ на какой-либо трудъ. Противорѣчіе ставитъ его въ соотвѣтствіе съ мѣрой.

Если ты силенъ, относись съ уваженіемъ къ знанью и чти спокойствіе слова. Повелѣвай лишь для того, чтобы направлять. Ведетъ къ пороку—быть неограниченнымъ.

Если ты для великаго жатву сбираешь между людей, да послужитъ зерно въ полнотѣ своей господину своему.

Если великимъ ты сталъ, послѣ того какъ былъ малымъ, умѣй не дѣлать себѣ преимущества изъ того, что ты въ первомъ ряду. Не ожесточай твое сердце по причинѣ твоего возвышенія. Ты не болѣе какъ управитель Божескихъ благъ. Не ставь позади себя ближняго, который тебѣ есть подобный; будь ему какъ товарищъ.

(Древне-Египетскія изреченія, см. стр. 16).

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**

Сканированіе: Московское Теософическое общество — www.theosophy.ru